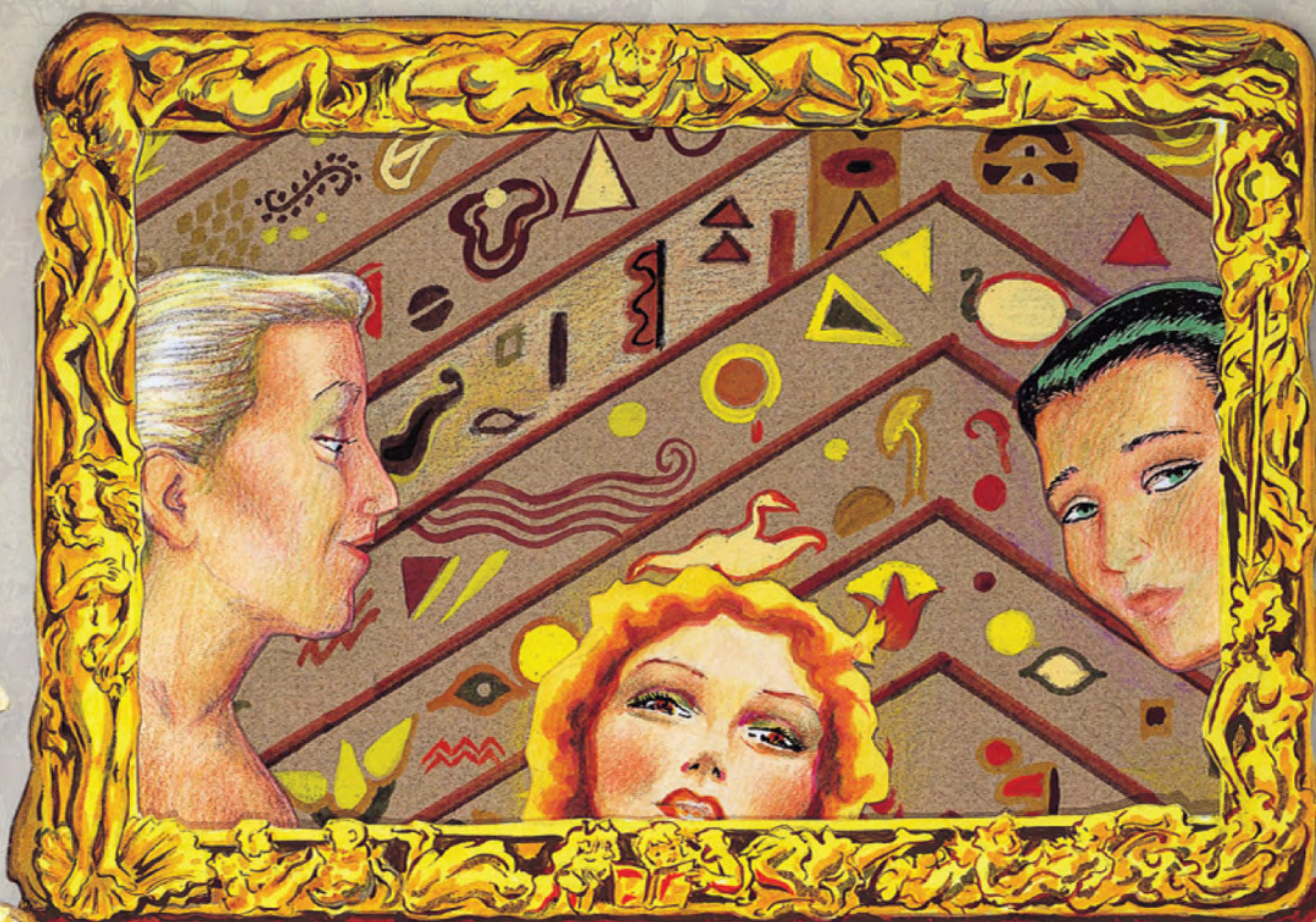
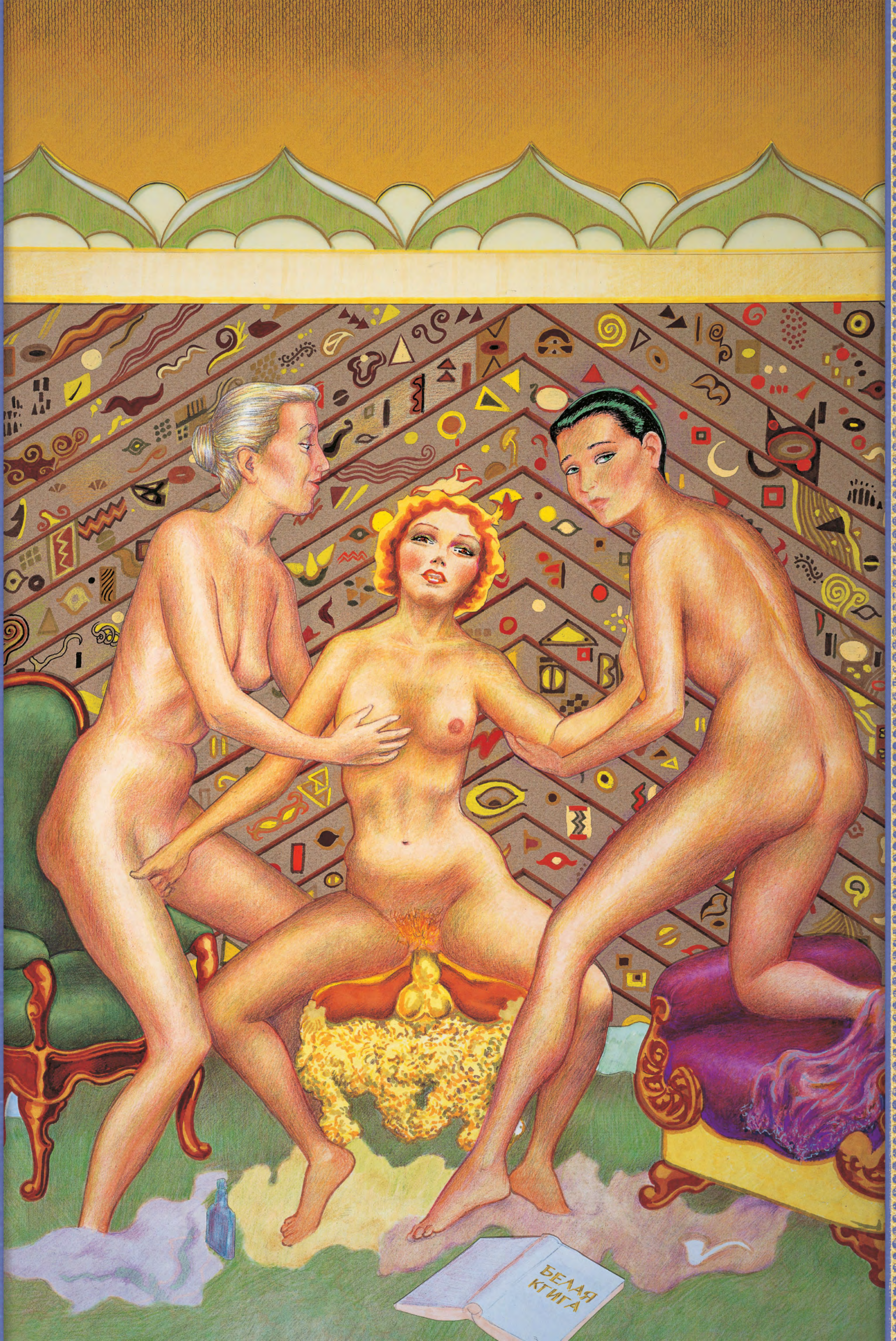

Пропавшие 1

Книга

Девчонки

МЫ
ВСЕ
ЛИШЬ
СОСТАРИВШИЕСЯ
ДЕТИ,
КОТОРЫЕ
СУЕТЯТСЯ
ПЕРЕД
ТЕМ,
КАК
ОТПРАВИТЬСЯ
КО СНУ.

– Льюис Кэрролл

ПРОПАЩЕ ДЕВЧОНКИ

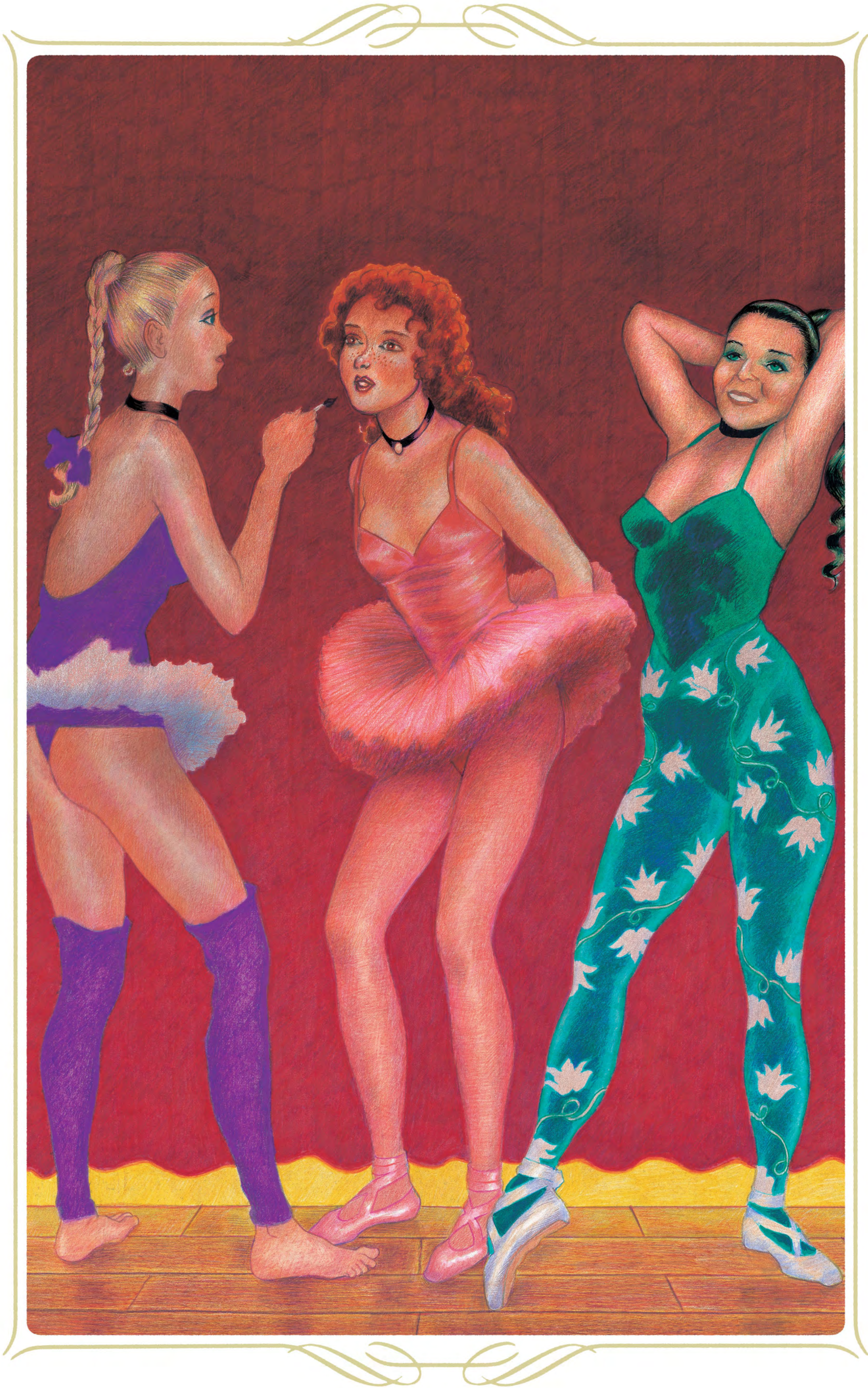

АЛАН МУР

МЕЛИНДА ГЕББИ

TOP SHELF PRODUCTIONS (USA)/KNOCKABOUT (UK)

«Состарившиеся дети»

ПРОПАЩЕ
КНИГА ДЕВЧОНКИ¹

Мы все лишь
состарившиеся
дети, которые
суетятся
перед тем, как
отправиться
ко сну.

- Льюис
Кэрролл

глава

1

Зеркало

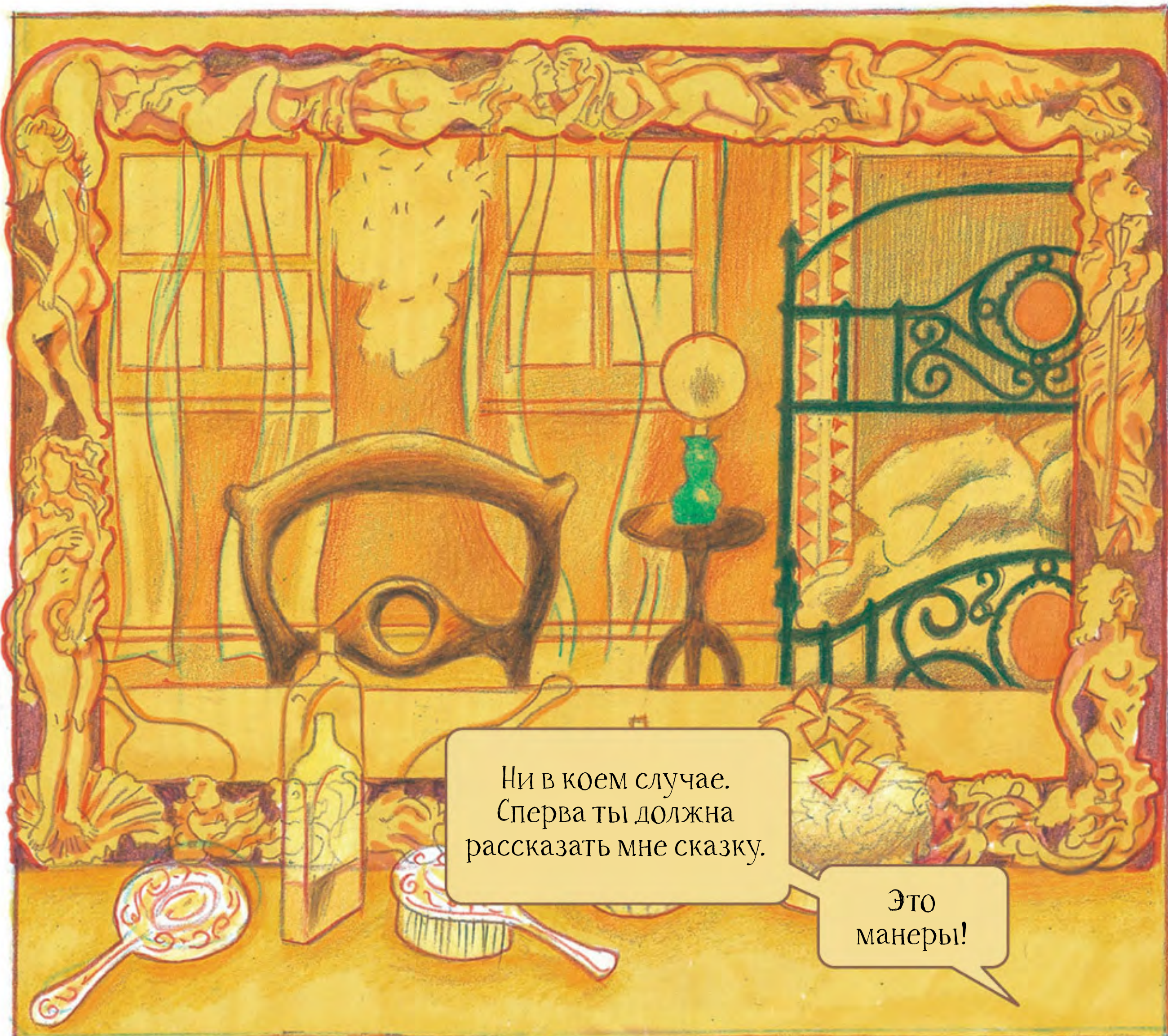
Расскажи мне сказку.

О, я не знаю никаких сказок.

Твои маленькие белые груди - какие они очаровательные. Когда ты **вырастешь**, они будут уже совсем не те.

Можешь потрогать их для меня?

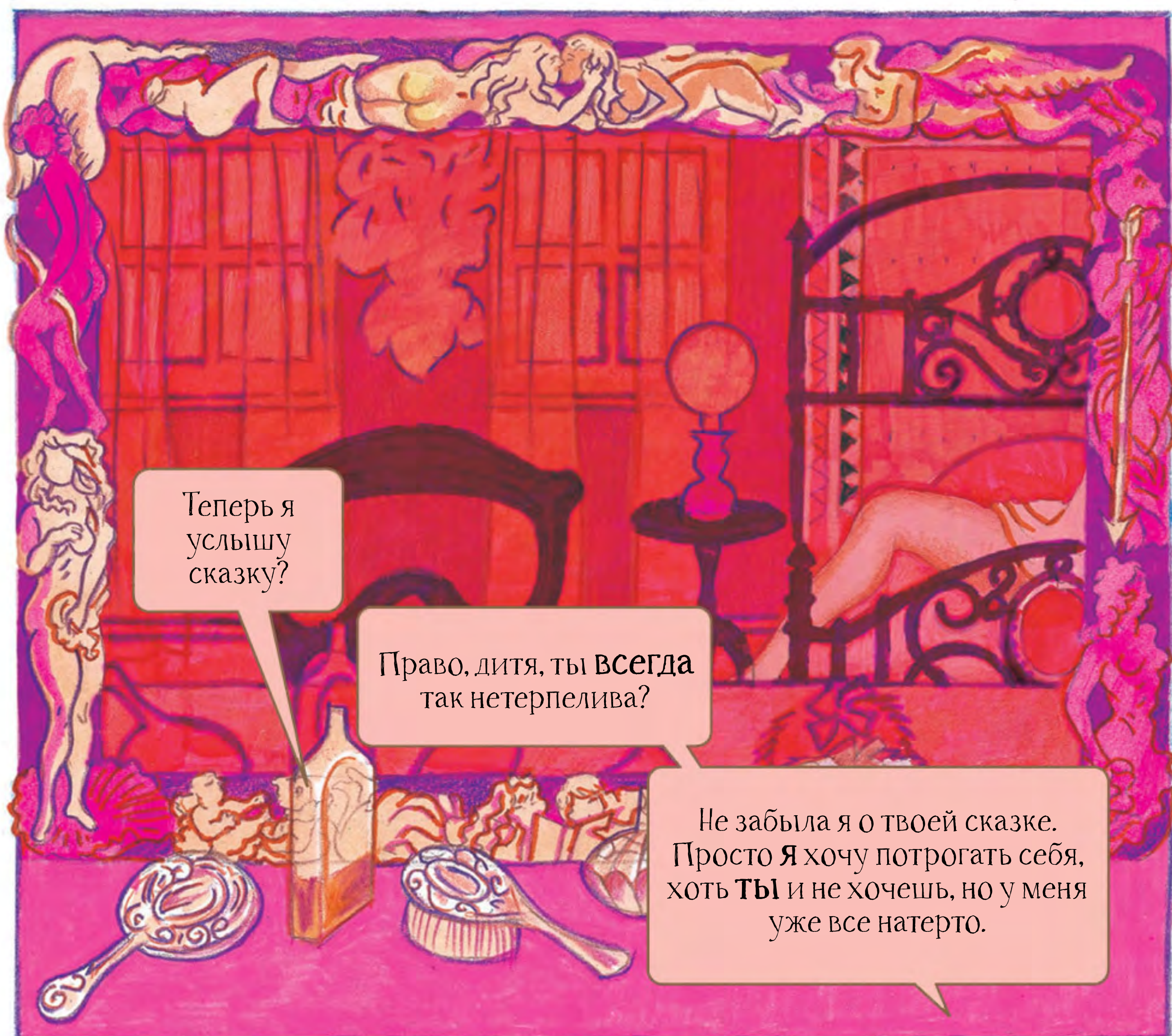
Ни в коем случае. Сперва ты должна рассказать мне сказку.

Это манеры!

Ну, тогда дай хотя бы **разглядеть** тебя толком. Раздвинь чуток ножки, и тогда я сделаю так же.

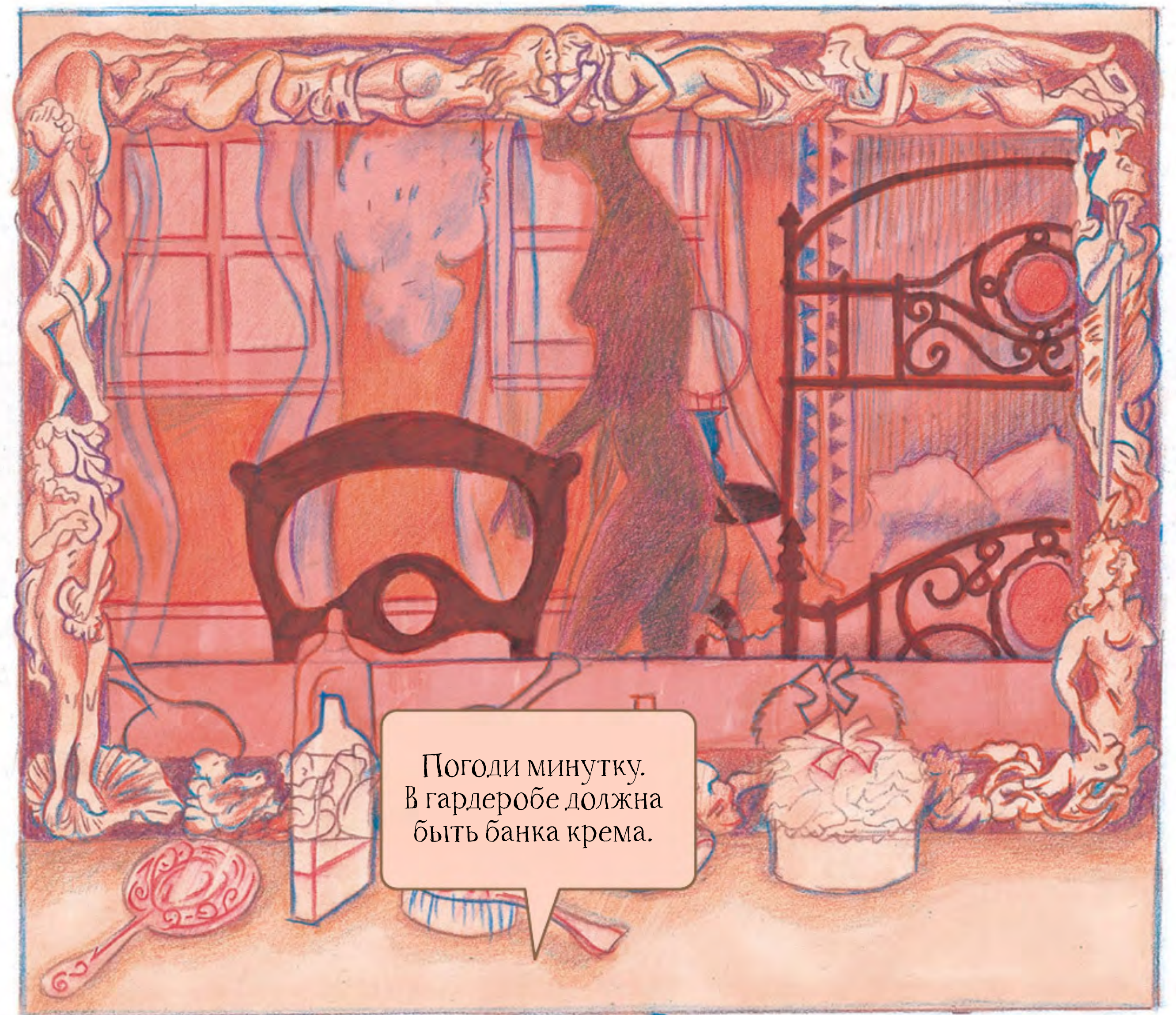
Да, вот. Вот так.

Теперь я услышу сказку?

Право, дитя, ты **всегда** так нетерпелива?

Не забыла я о твоей сказке. Просто Я хочу потрогать себя, хоть **Ты** и не хочешь, но у меня уже все натерто.

Погоди минутку. В гардеробе должна быть банка крема.

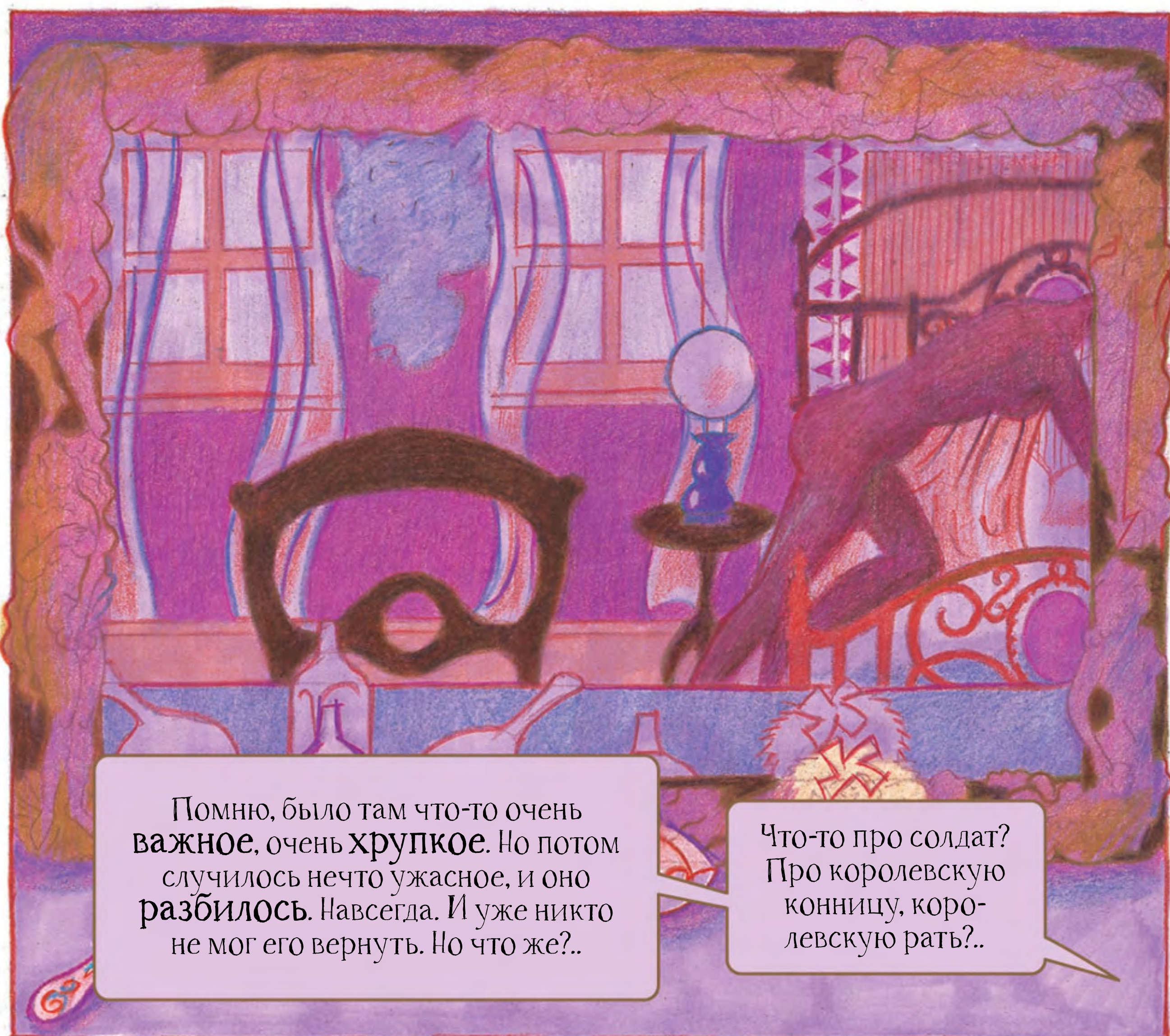
Со мной тебе **придется** научиться терпению. Стоит мне принять лекарство, как все становится таким занятым и расплывчатым.

«Холодный крем». Хмф. Ненавижу это горячее, липкое место. Все так и **тает**.

Итак, твоя сказка...

Где же я остановилась? Так трудно вспомнить...

Помню, было там что-то очень **важное**, очень **хрупкое**. Но потом случилось нечто ужасное, и оно **разбилось**. Навсегда. И уже никто не мог его вернуть. Но что же?..

Что-то про солдат? Про королевскую конницу, королевскую рать?..

Прости, что перебиваю, но это было, часом, не зеркало?

В этой сказке когда-нибудь разбивается **зеркало**?

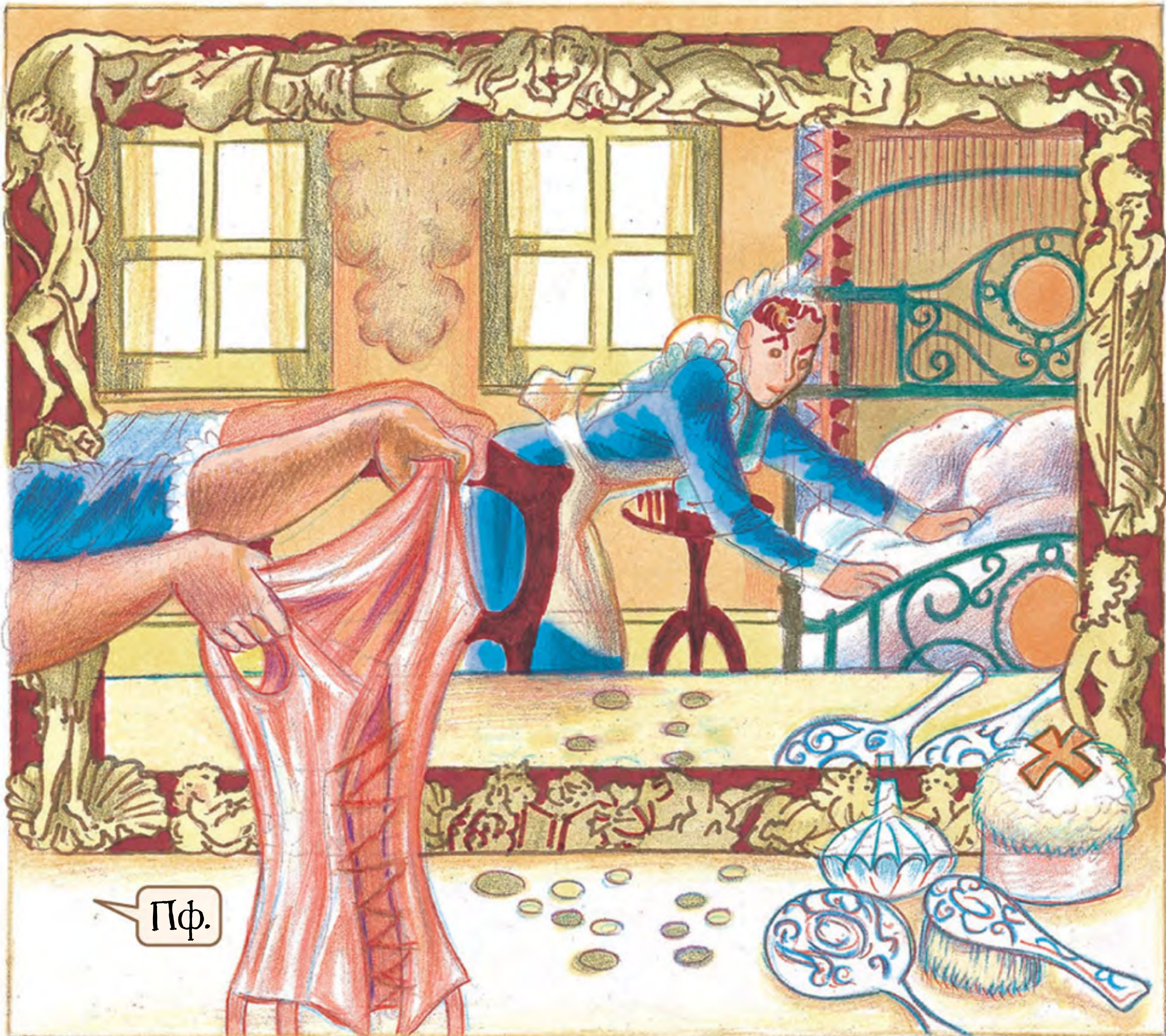

О нет.

Нет, любовь моя. **Зеркало** не разобьется. Зеркало не растает.

Больше - нет.

Пф.

А у нее тут вчера девчонка была. Я все слышала.

Это не твое дело, Эмма. В жизни не слышала подобной дерзости.

Так, куда же убрать вот ЭТО? Пожалуй что в ее комод.

Вот так. Не знаю, чистое или нет, но это уже пусть она сама смотрит.

Что за девчонка?

Маленькая. Я слышала, как леди Ферчайлд говорила про ее сиськи.

Это же гадость просто, разве нет?

Хаххх

Ну, полагаю, потому-то семья и решила сплавить ее сюда, чтобы в Англии она их не позорила.

Ха! Ей-то они лапшу вешают, что она тут управляет их шахтой, но только вздор это.

Раз в месяц является бригадир и она что-то там подписывает. Вот и вся ее работа. В остальное время вся в дурмане, ничего не может. Ну я не знаю.

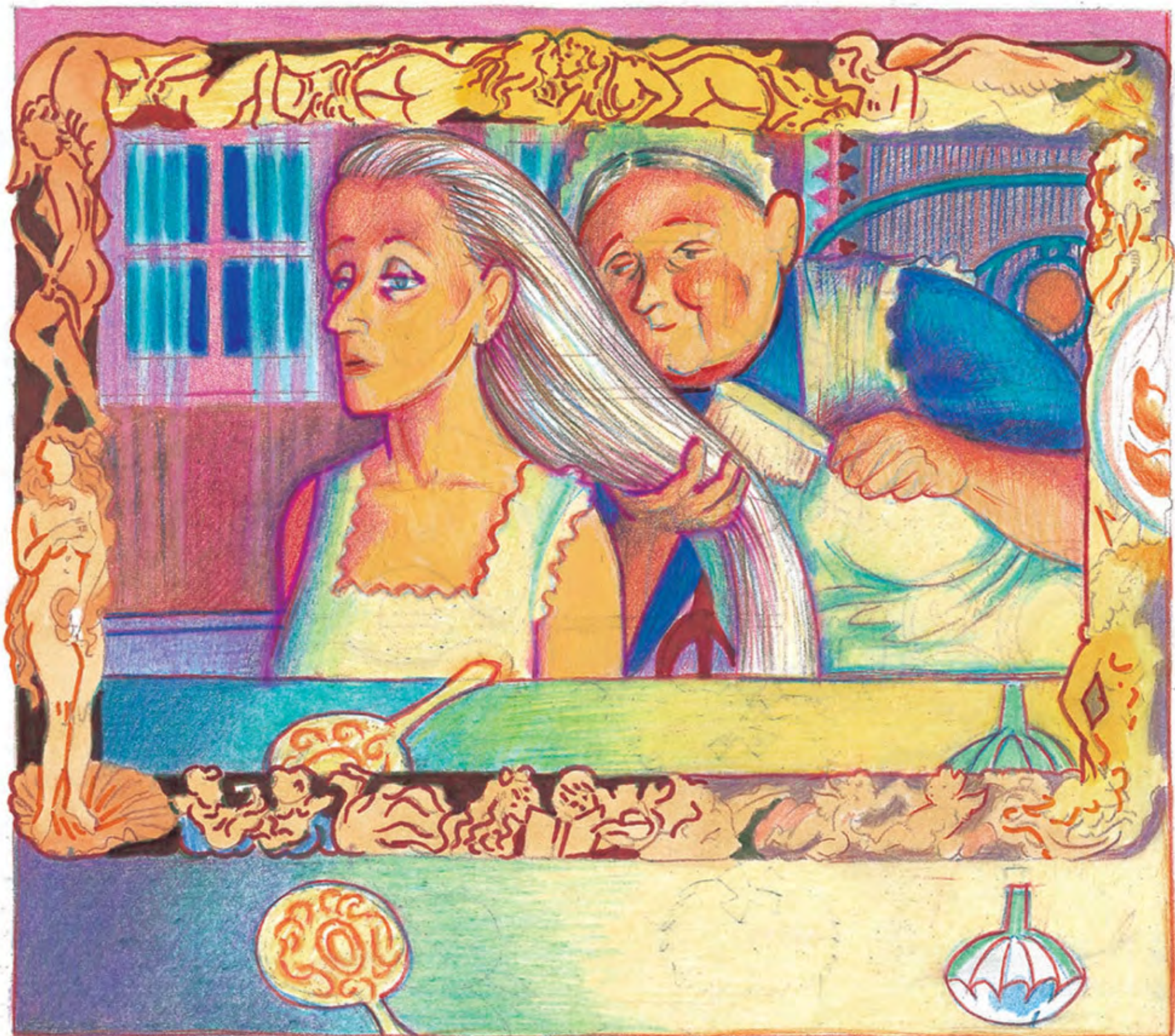
Наркотики, девочки... и почему люди так себя ведут?

Порода. Не нам с тобой об этом рассуждать!

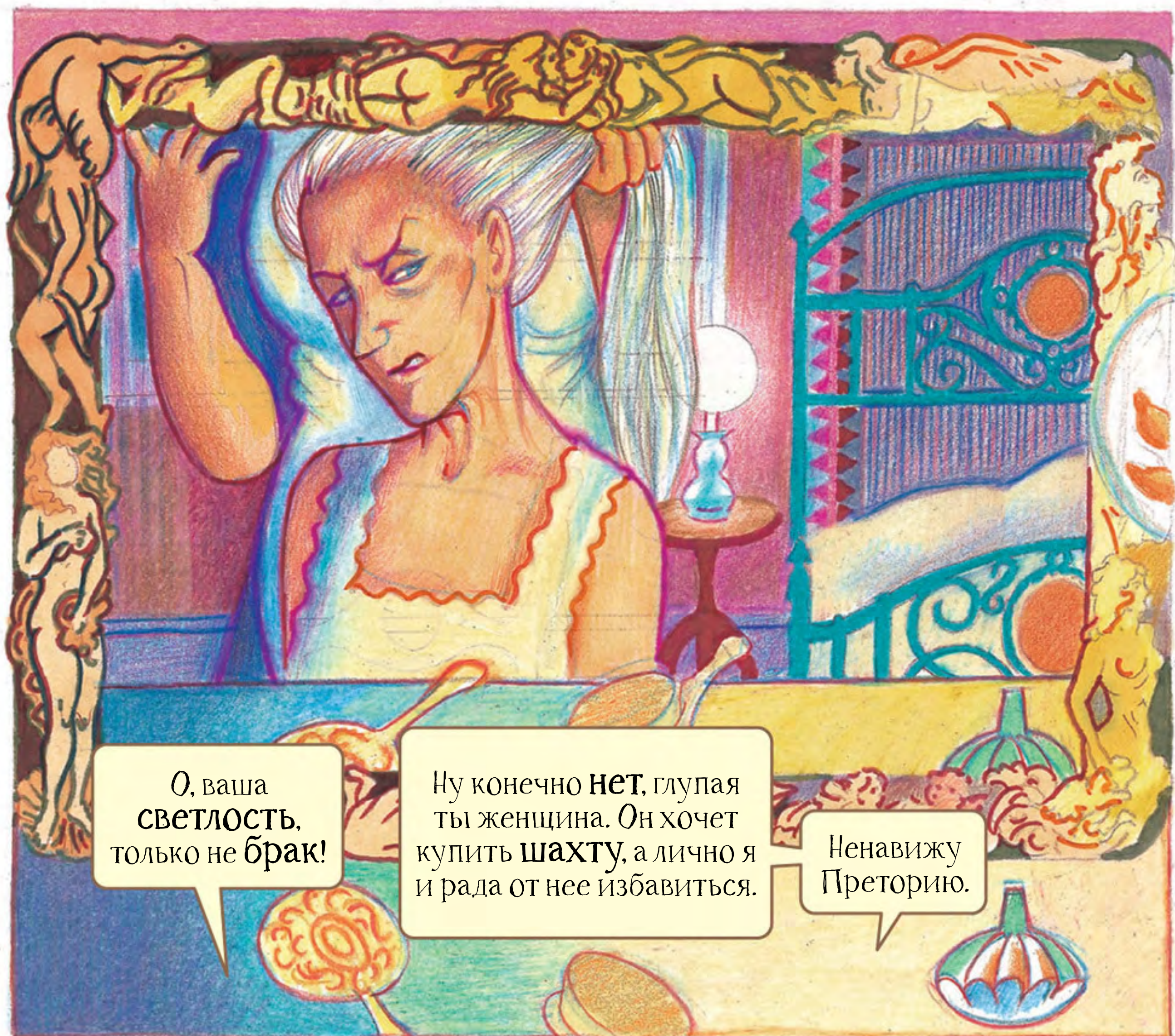
Так, теперь мне нужно приготовить ее светлости ванну...

Сходи и посмотри, как на дворе справляются ниггеры.

Симпсон? Что бы ты сказала, сообщи я что господин де Врие... помнишь господина де Врие?

Что он сделал мне некое предложение, а я приняла его?

О, ваша светлость, только не брак!

Ну конечно **нет**, глупая ты женщина. Он хочет купить **шахту**, а лично я и рада от нее избавиться.

Ненавижу Преторию.

Но... ваша светлость, семья... ваш брат говорил об имперском **присутствии** в этих краях после Бурской войны...

Имперская чушь!

Джоффри просто не хочет, чтобы я оскандалила их графство, сопровождая в **оперу** какую-нибудь фрейлину.

Так или иначе, все решено.

Я отправлюсь в отель на австрийской границе. Вы с Эммой вернетесь в «Серые луга»... я уже написала Джоффри, чтобы подготовить его.

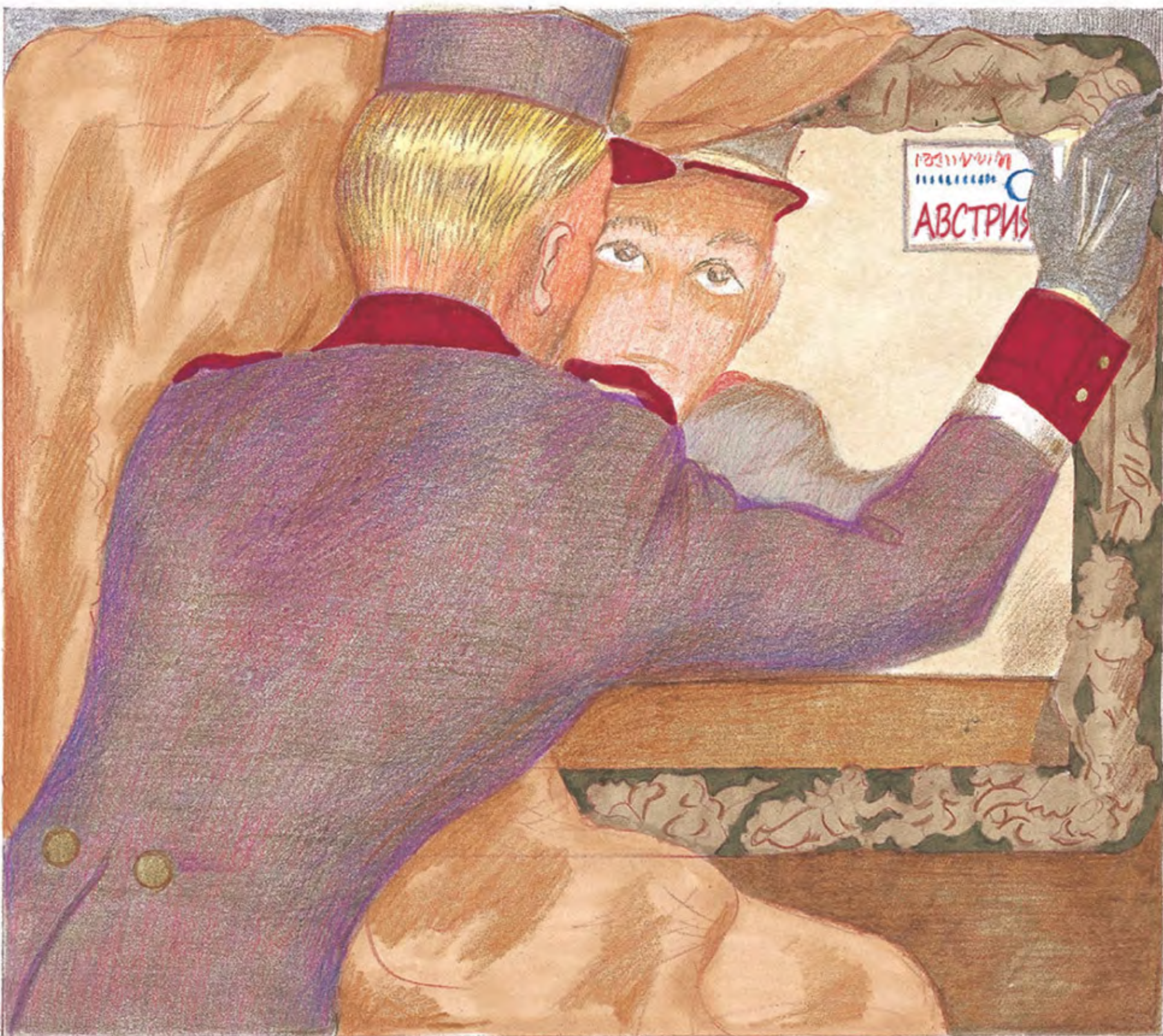
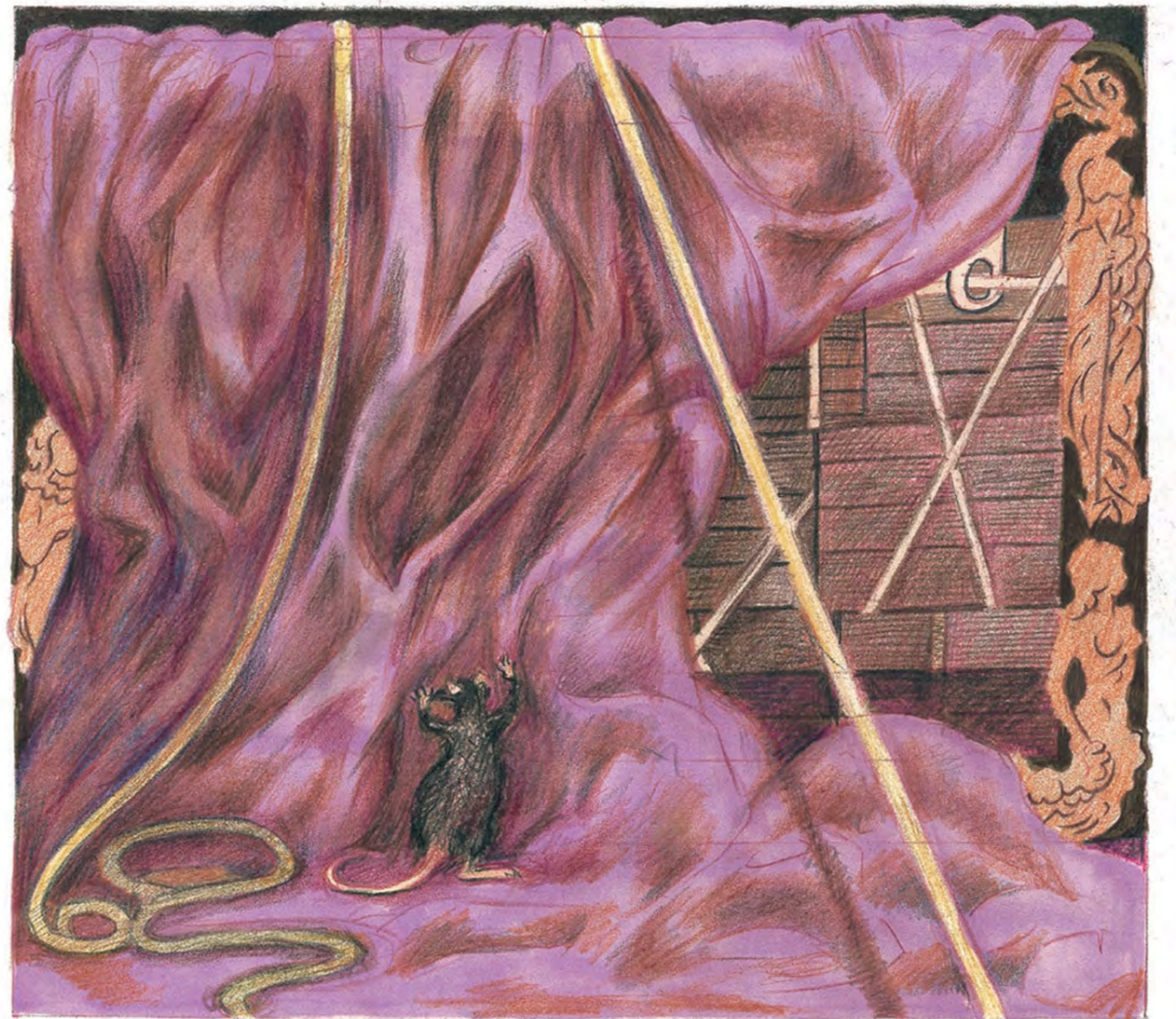
Но, ваша светлость... ваши вещи.

Транспорт уже готов. А не считая платьев, у меня есть только это **зеркало**.

Не могу вынести мысли оставить его, так долго оно пробыло в семье.

С самого моего детства.

Да... да, думаю, в алькове с занавеской, лучше места не придумать.

И верно! Великолепный вкус вашей светлости посрамит отель «Химмельгартен»*.

Жак? Эдуард? Allez-vous maintenant**.

Вы несправедливы к себе, мсье Ружёр. Отель изумителен. Я вполне уверена, что буду наслаждаться каждой секундой пребывания.

Ваша светлость, лишь об этом я и мечтаю. Но позвольте задать вам вопрос?

Прошу.

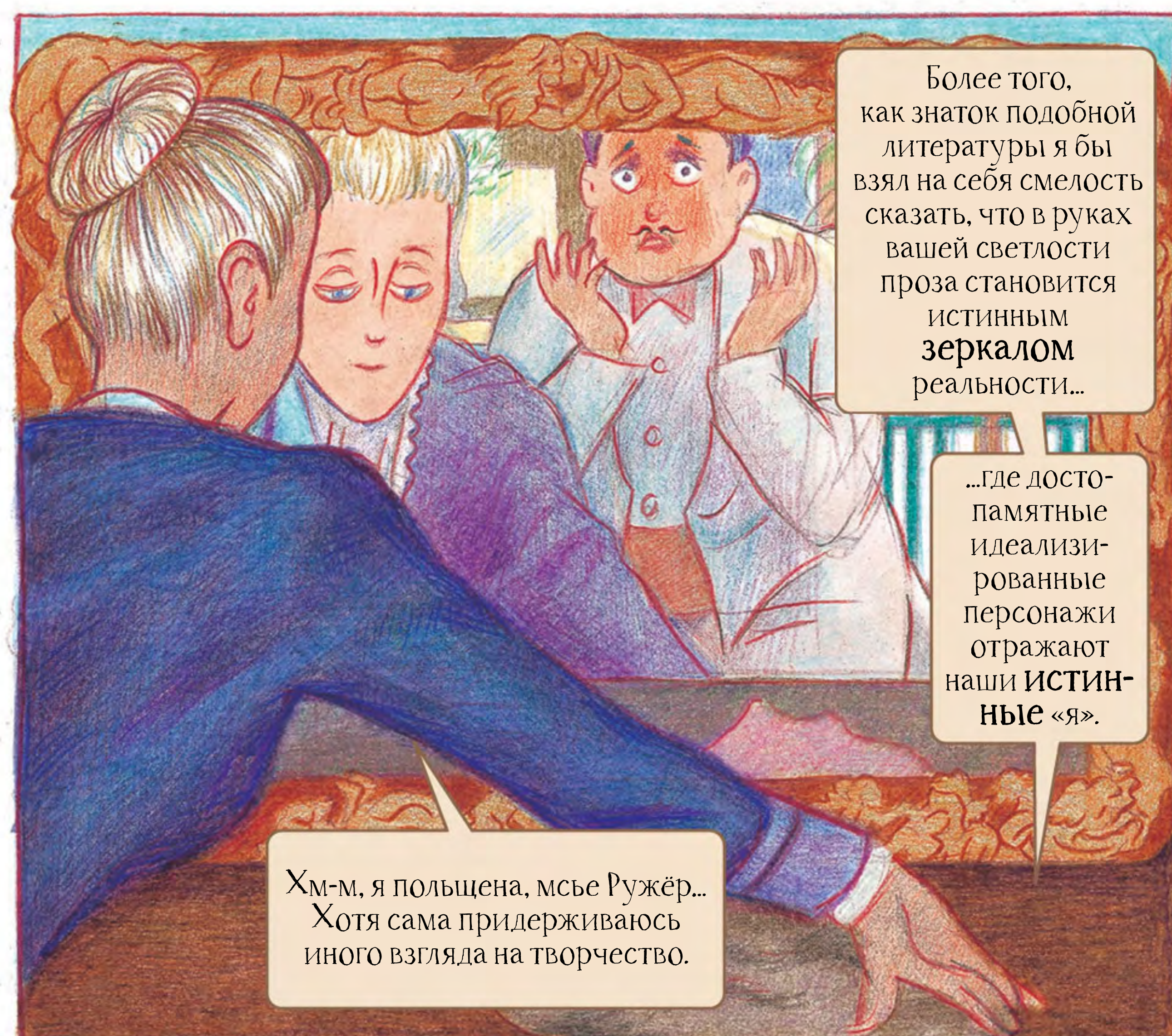
Очень хорошо, простите мое бесстыдство, но считается, что вы - автор произведений определенной природы, под nom de plume*** «Ипполита»?

Правда ли это?

Мои редкие пробы пера, мсье Ружёр, лишь безобидные развлечения. Если же они вас оскорбляют, я с удовольствием продолжу их в другом месте и...

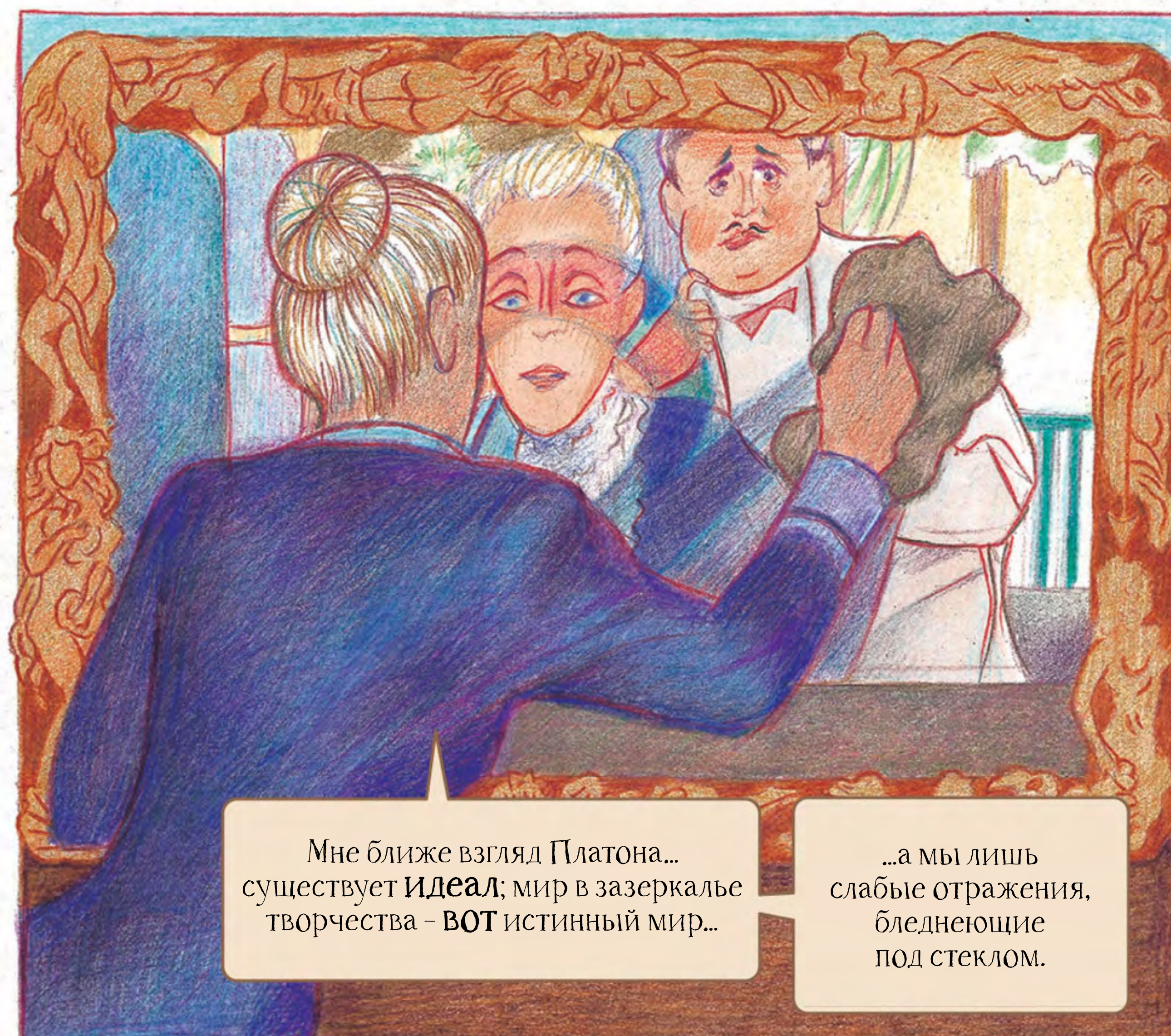
Нет-нет-нет! Вы не поняли! Я всячески восхищаюсь **ВАШИМ** творчеством!

Хм-м, я польщена, мсье Ружёр... Хотя сама придерживаюсь иного взгляда на творчество.

Более того, как знаток подобной литературы я бы взял на себя смелость сказать, что в руках вашей светлости проза становится истинным **зеркалом** реальности...

...где достопамятные идеализированные персонажи отражают наши **ИСТИННЫЕ** «я».

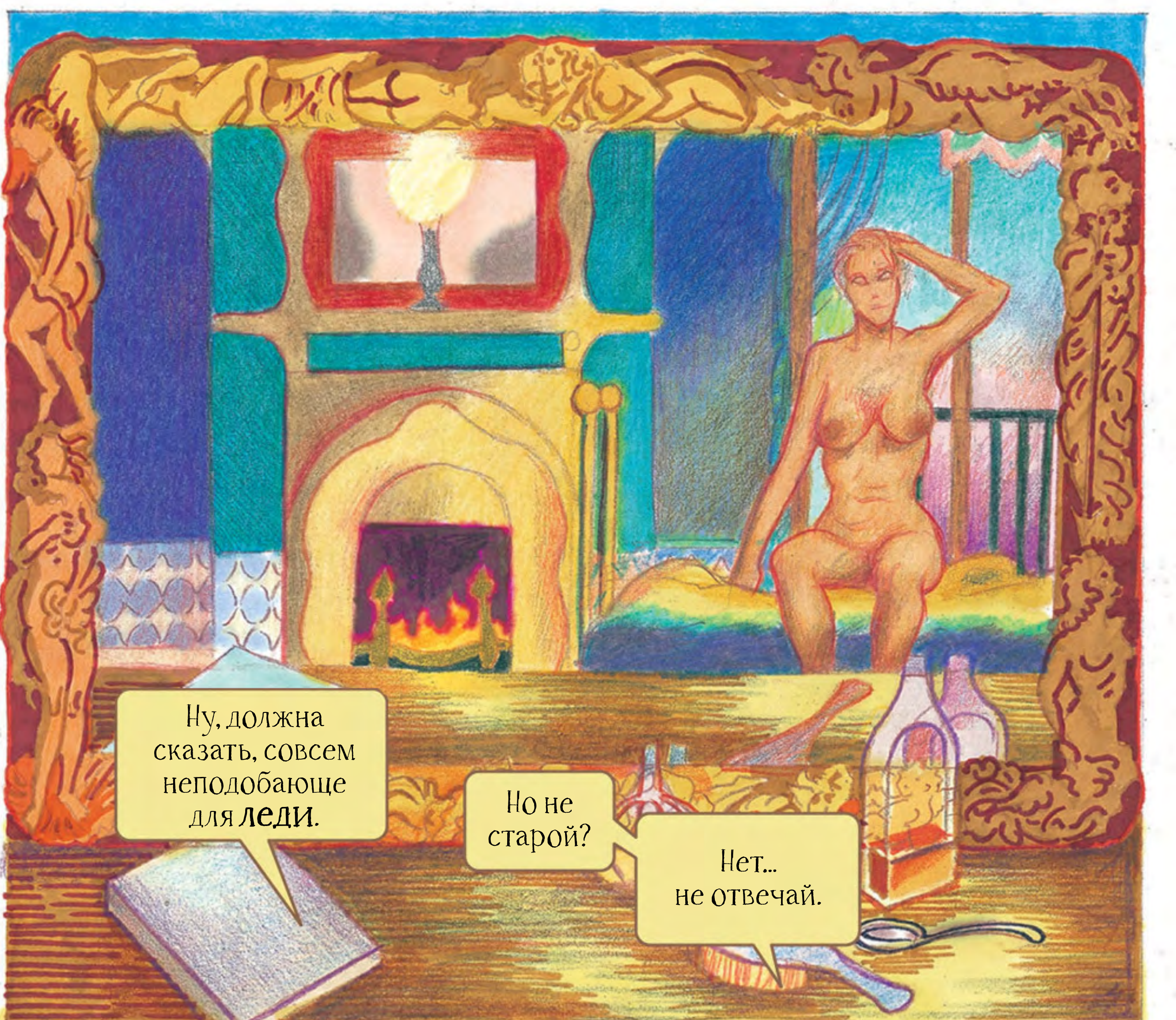
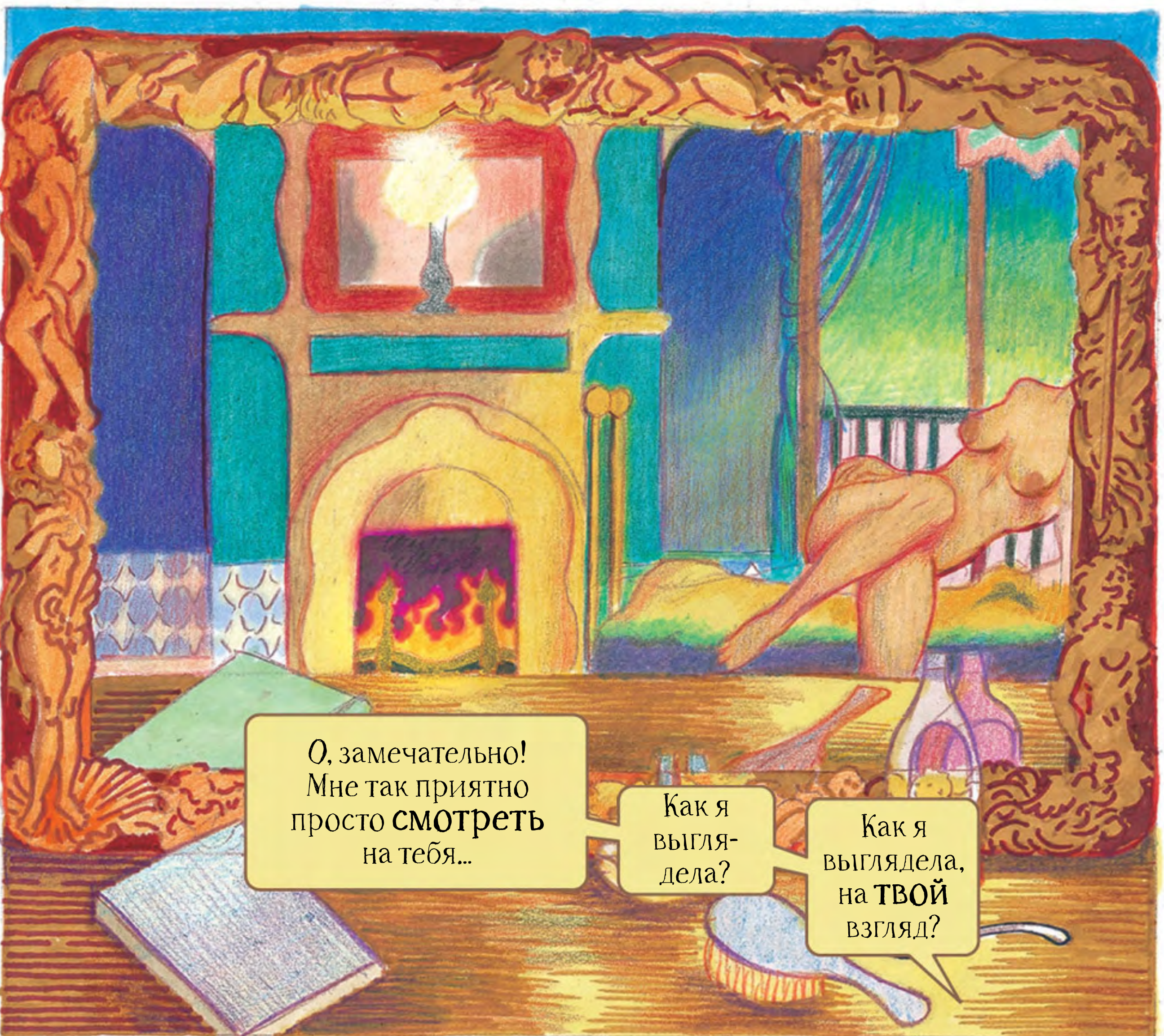
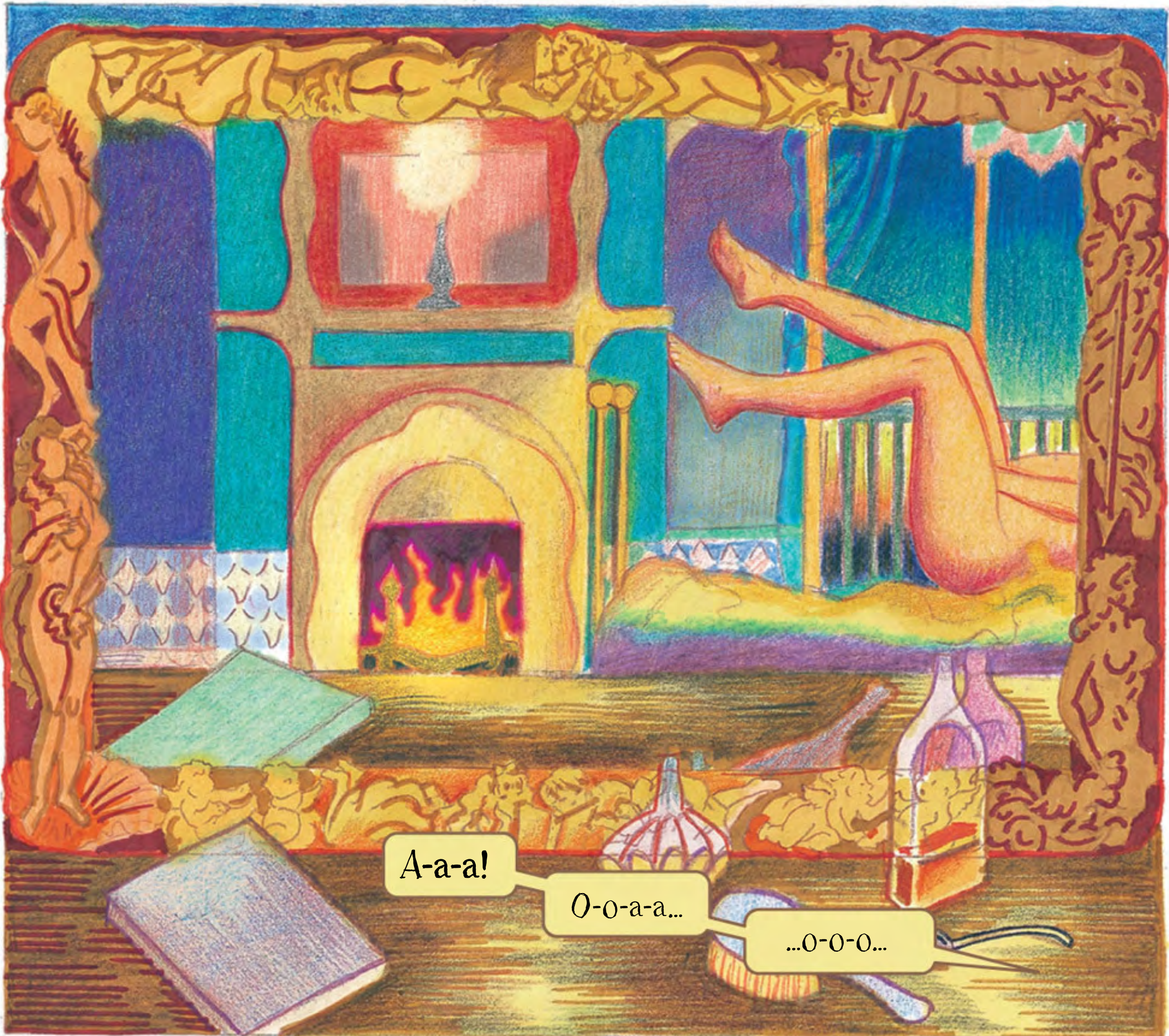
Мне ближе взгляд Платона... существует **ИДЕАЛ**; мир в зазеркалье творчества - **ВОТ** истинный мир...

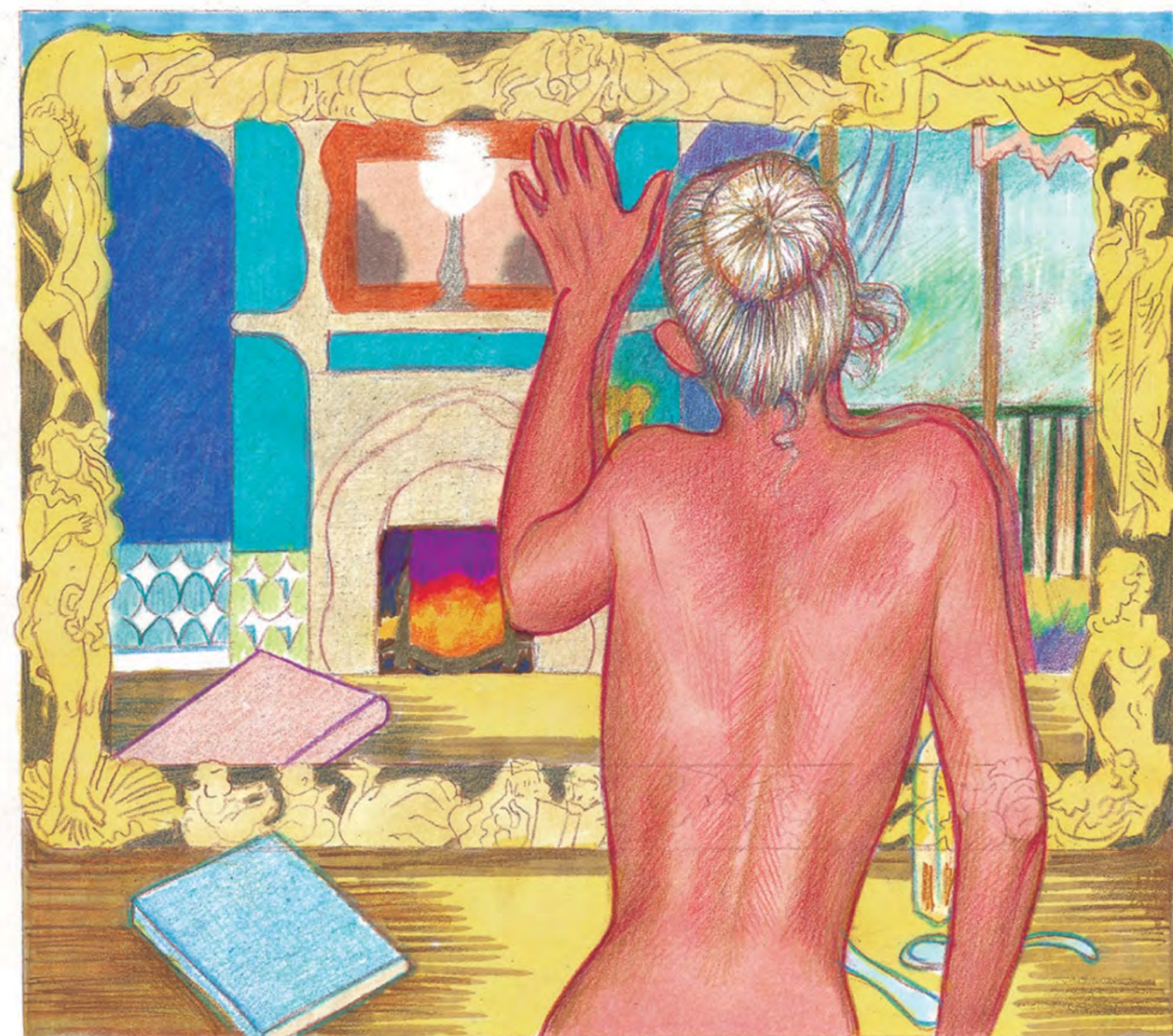
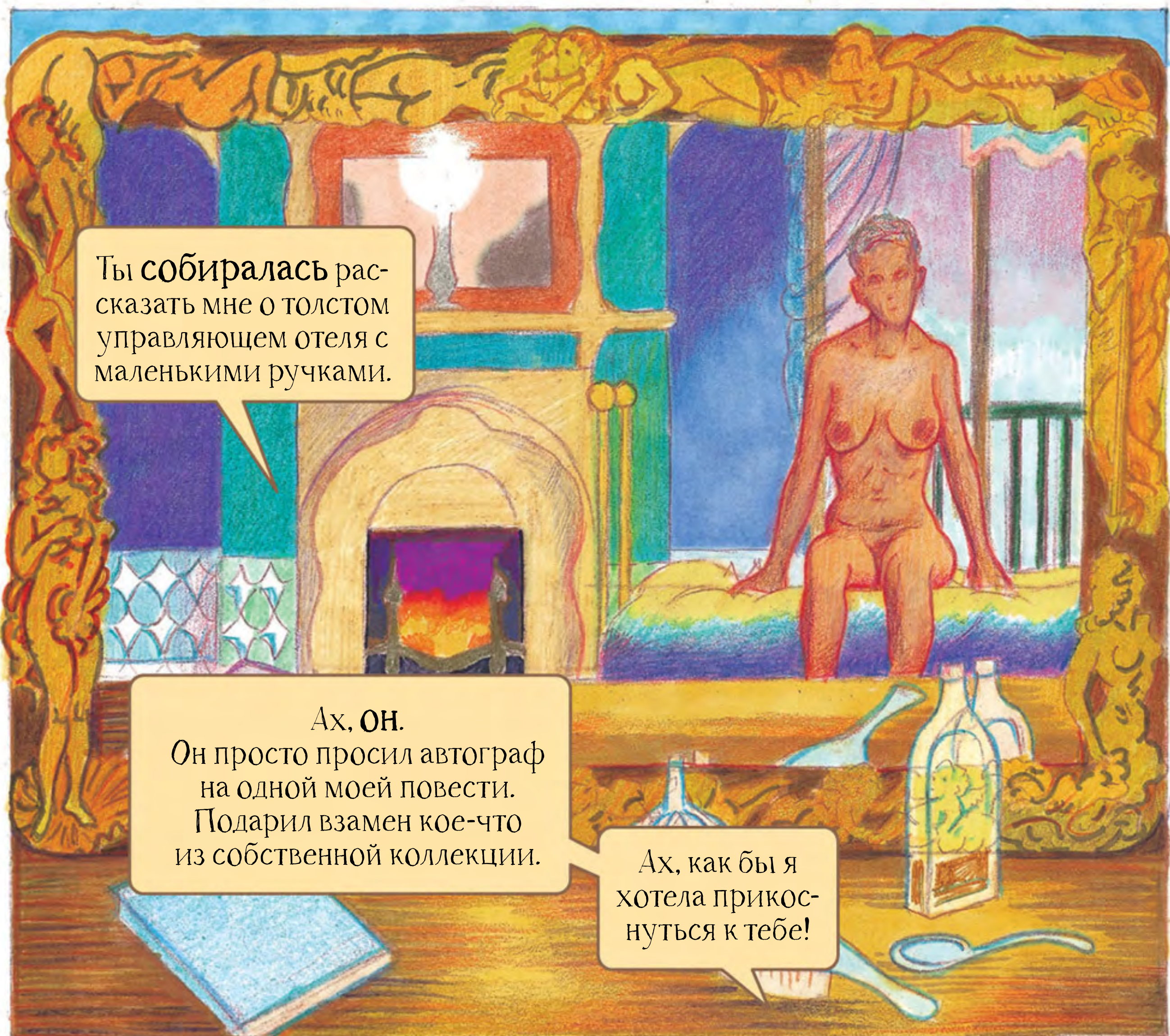
...а мы лишь слабые отражения, бледнеющие под стеклом.

*«Небесный сад» (нем.)

**Можете идти (нем.)

***Псевдоним (фр.)

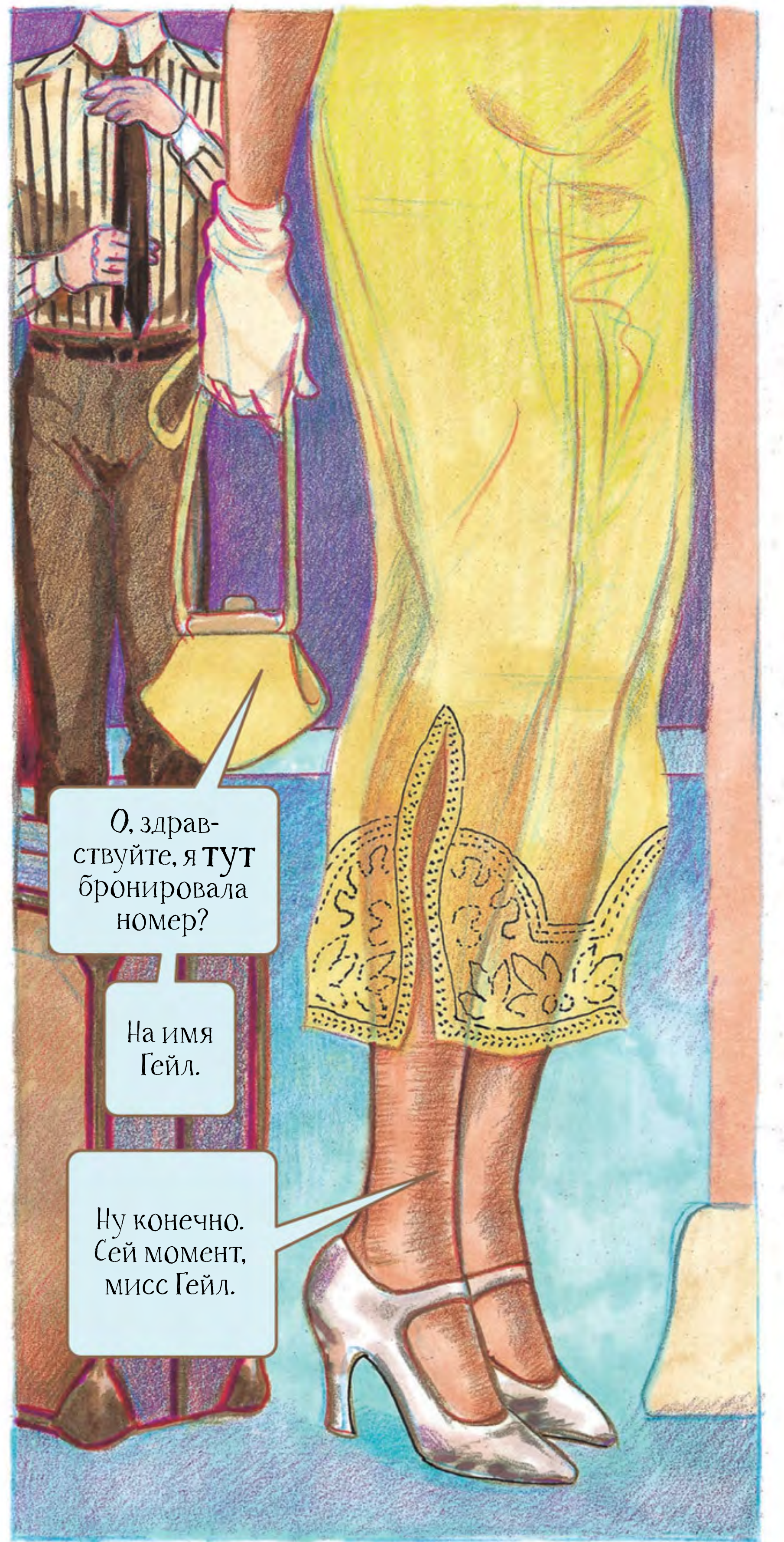
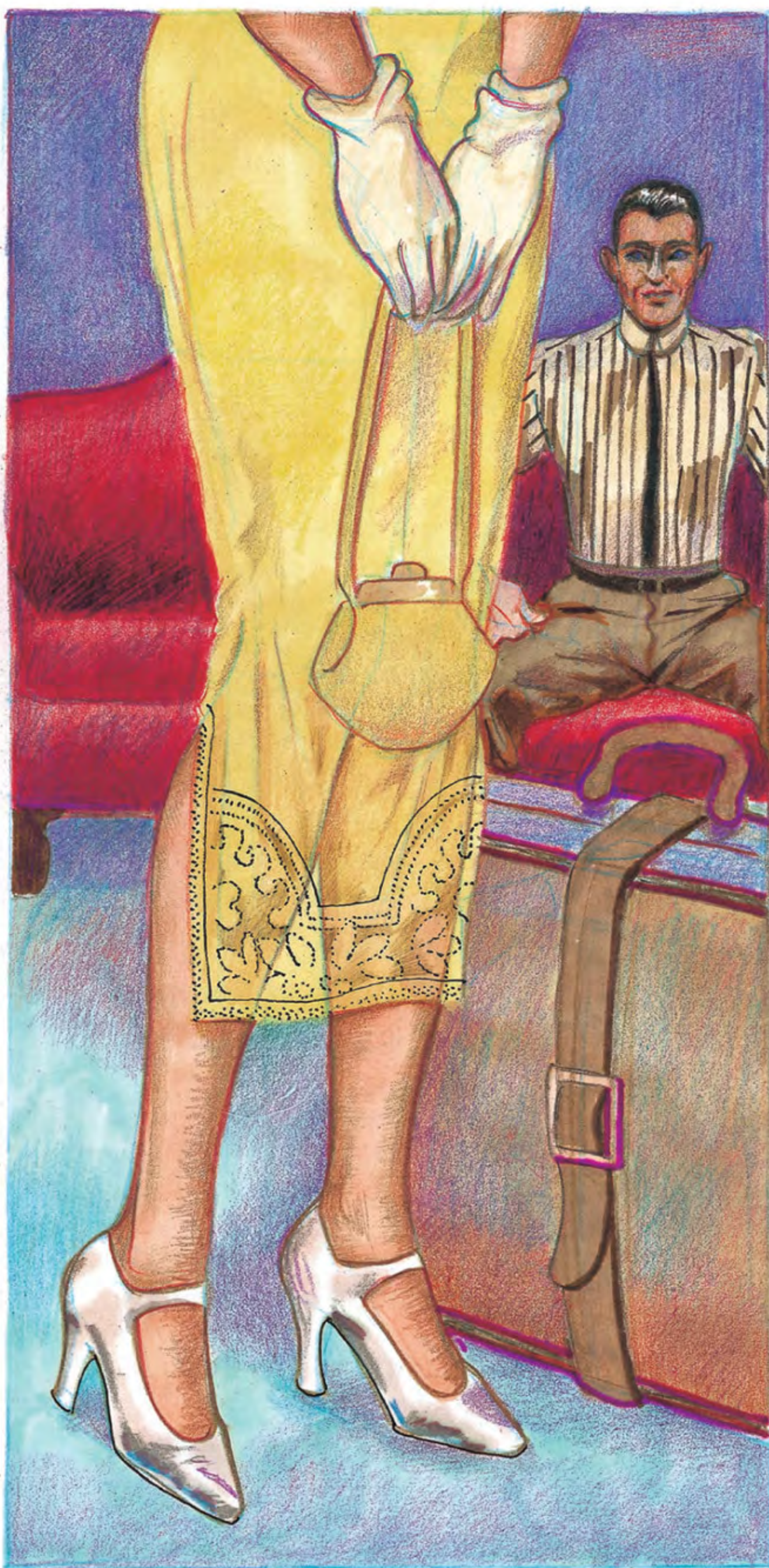
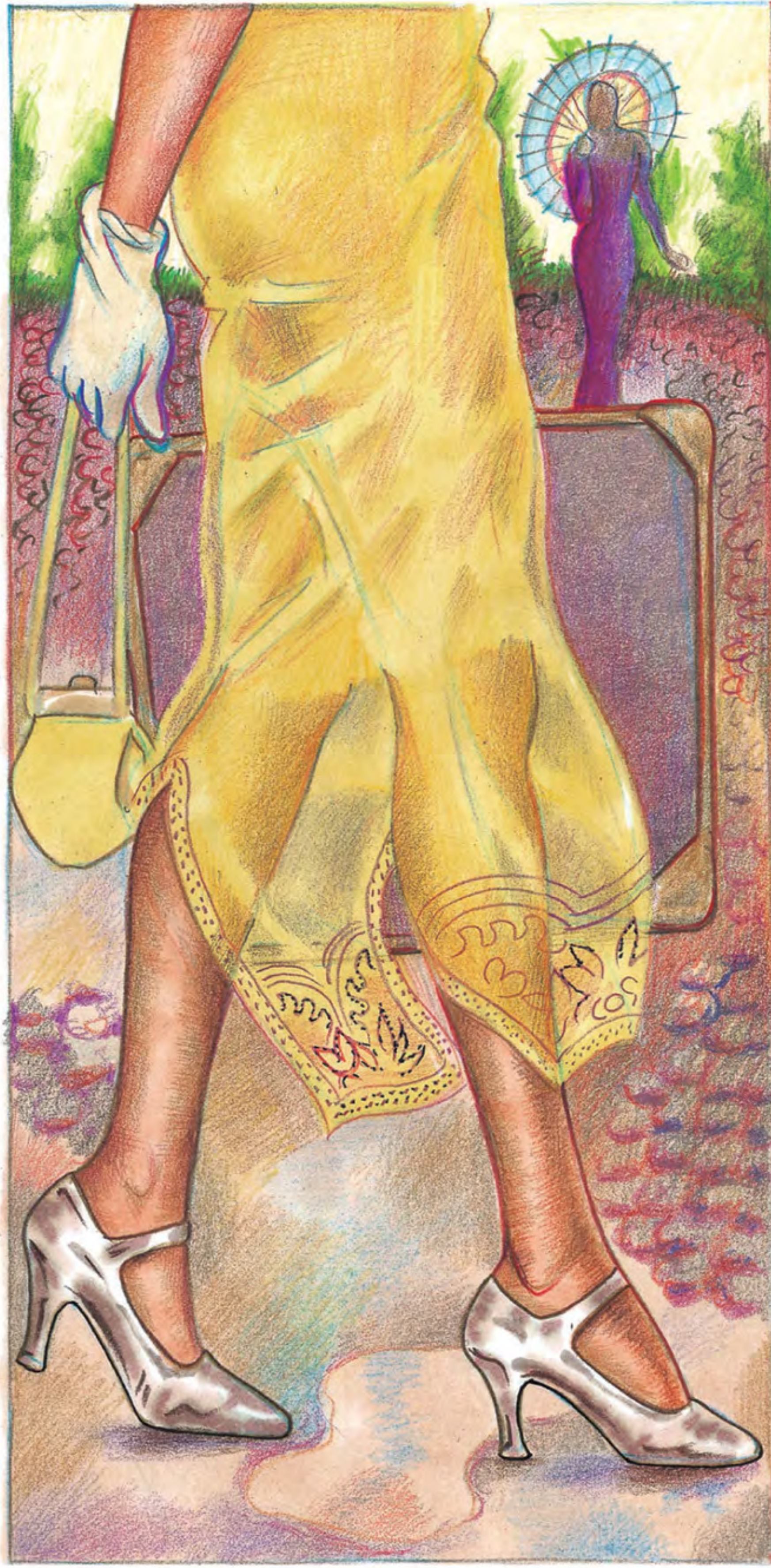
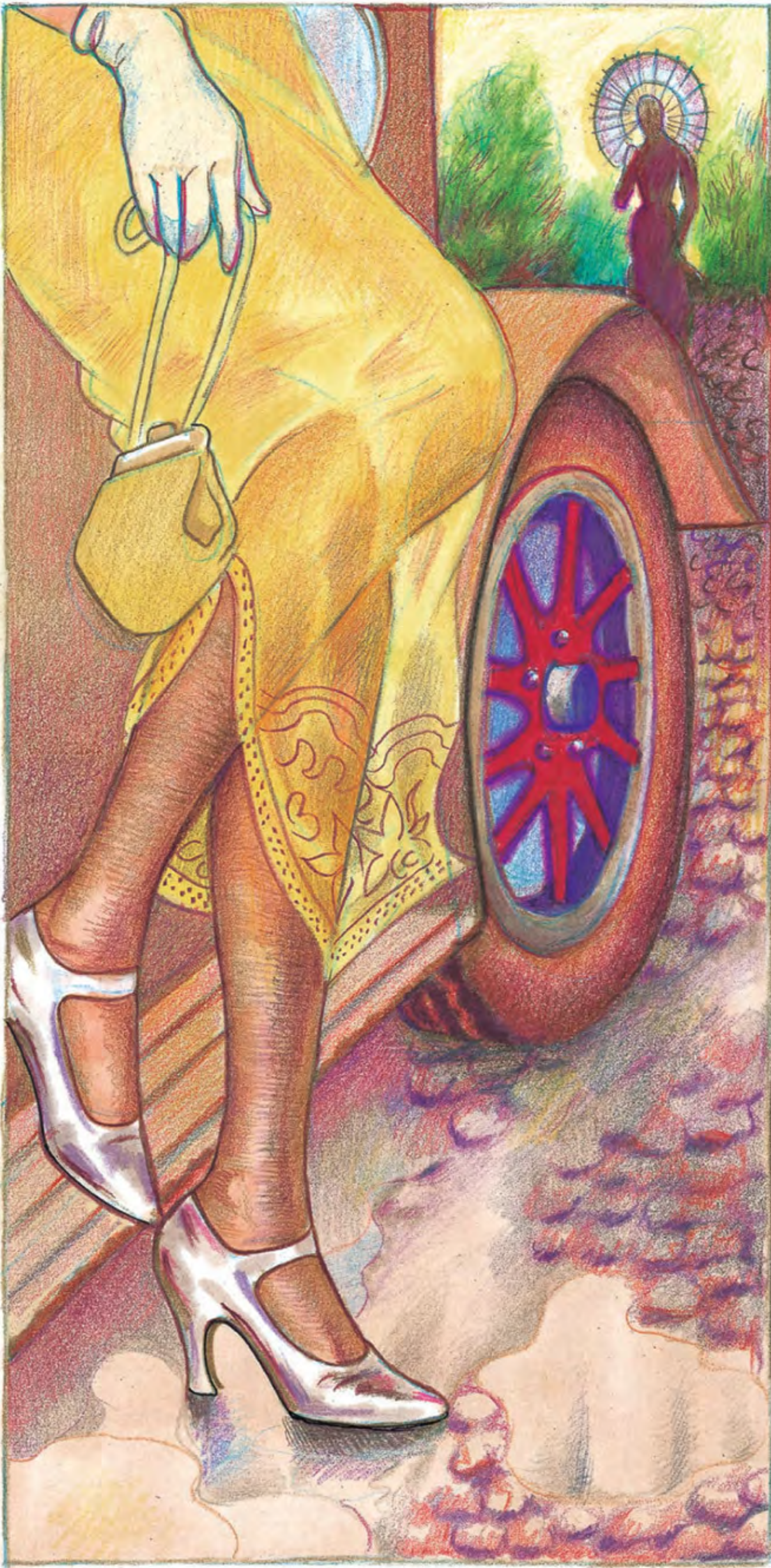

Глава

2

Серебряные башмачки

Вот мы и пришли:
комната один-один-
надцать на первом этаже.
Добро пожаловать в отель
«Химмельгартен», мисс
Гейл. Я вызову носильщика
для вашего багажа.

Правда?
Как мило.

В носильщиках
нет нужды. Я сам
живу на этом этаже.
Лучше мне показать
леди ее номер и
помочь с багажом.

О.

О, что ж, спасибо,
мистер... э-э...

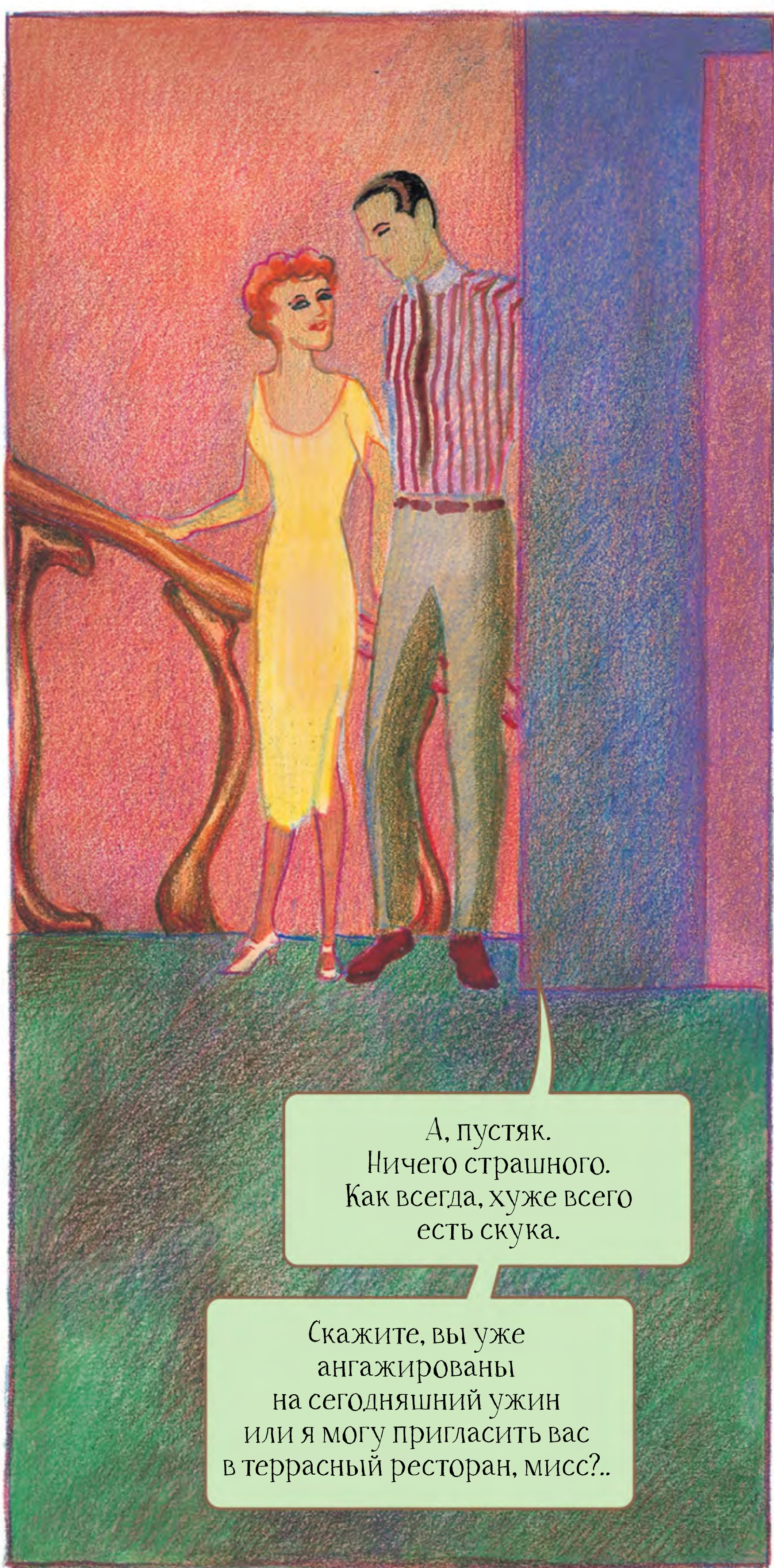

Бауэр.
Капитан **Рольф** Бауэр.
Я в «Химмельгартене»
на время выздоровления.

Между прочим,
вы имеете милые
туфельки.

О. Да чего там,
спасибо...
Ха-ха-ха...

Выздоровление...
вы **БОЛЬНЫ?**

А, пустяк.
Ничего страшного.
Как всегда, хуже всего
есть скука.

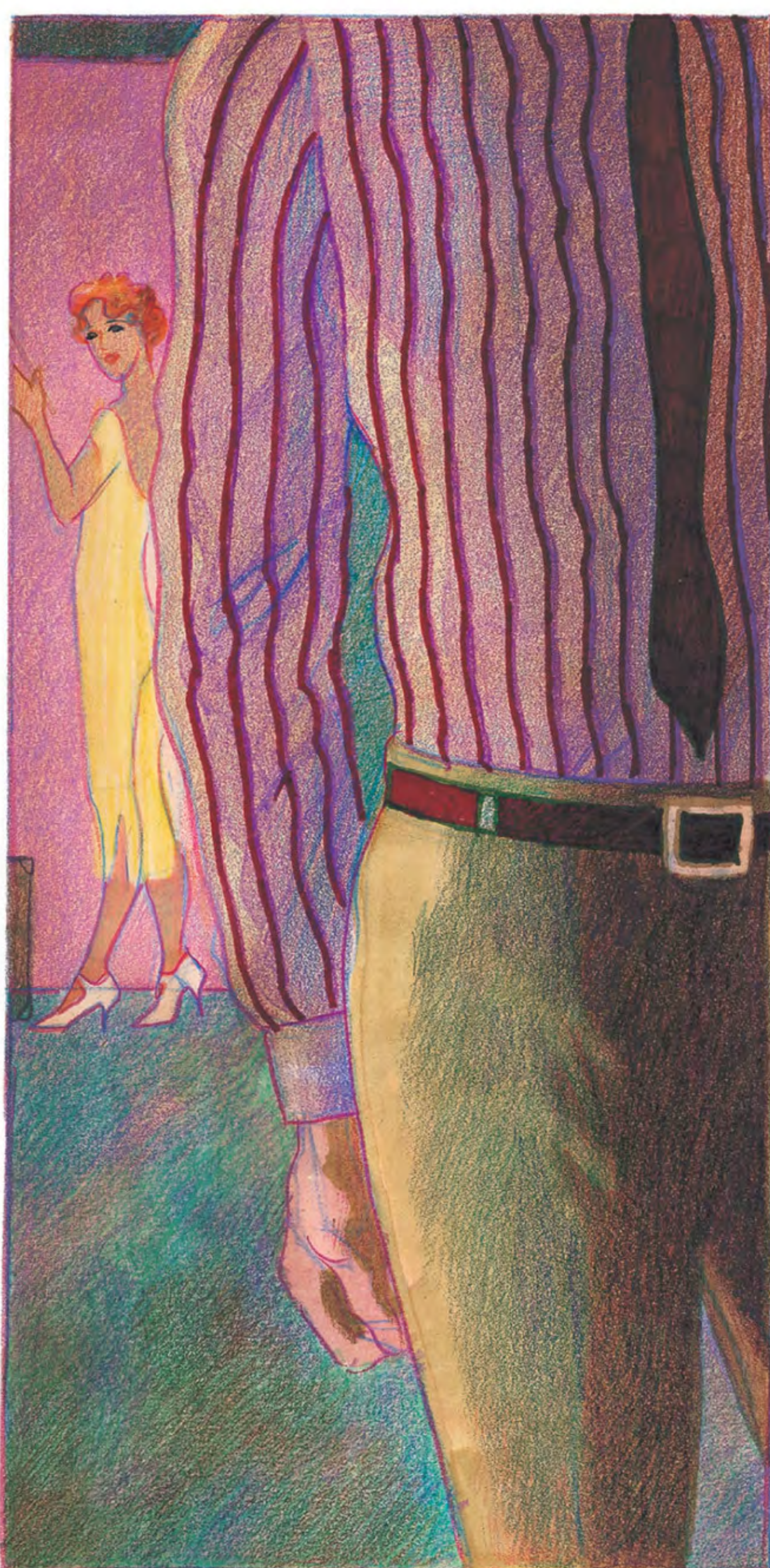
Скажите, вы уже
ангажированы
на сегодняшний ужин
или я могу пригласить вас
в террасный ресторан, мисс?..

Гейл.
Дотти Гейл...
и ужин -
это же
чудненько.
Знаете,
а мне уже
нравится
в Европе.

Я рад... кстати,
мы у вашего
номера.

Тогда
до вечера.

Вот почему я и отправилась сюда, как дошло наследство от мамочки. На Среднем Западе ни у кого нет **СТИЛЯ**.

Запишите на счет номера один-три-пять, пожалуйста.

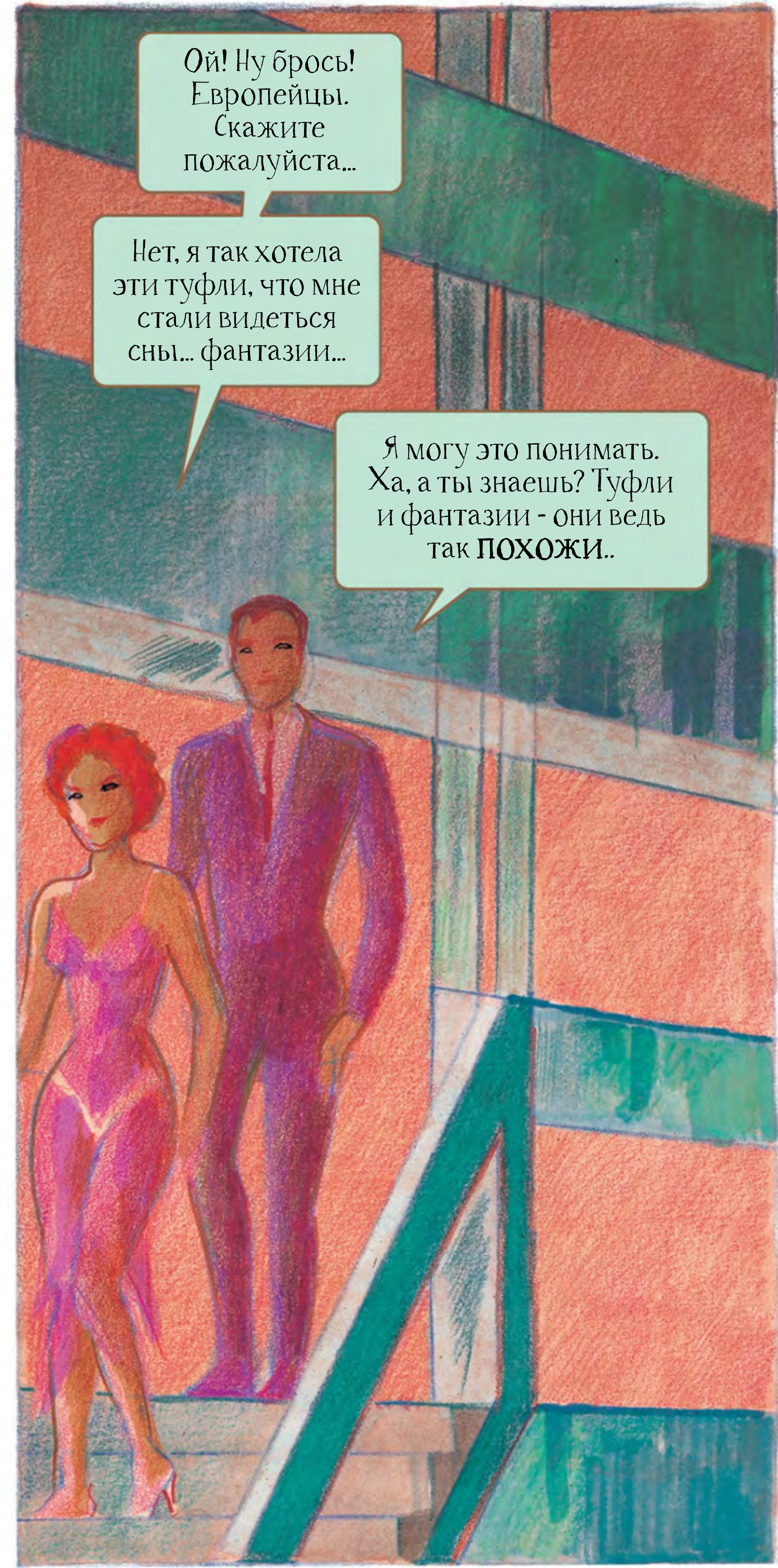
Разумеется, сэр, если подпишете... спасибо, сэр.

В общем, я посещала Канзас-Сити с мачехой, увидела эти туфли и просто умерла! В жизни не видала таких элегантных.

Как и я. Они ослепительны и прекрасны, как сама Америка.

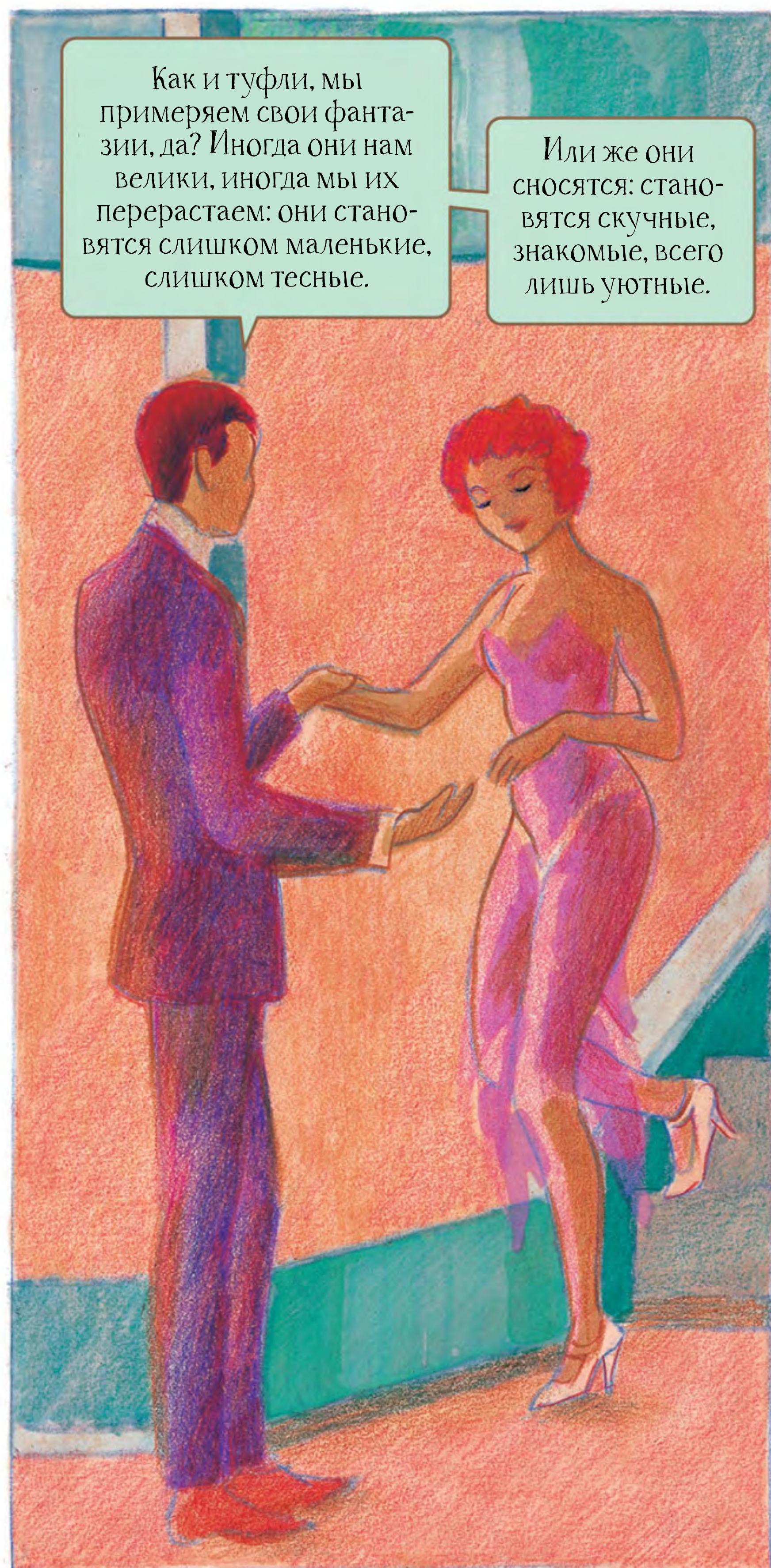
Как ее женщины.

Ой! Ну брось! Европейцы. Скажите пожалуйста...

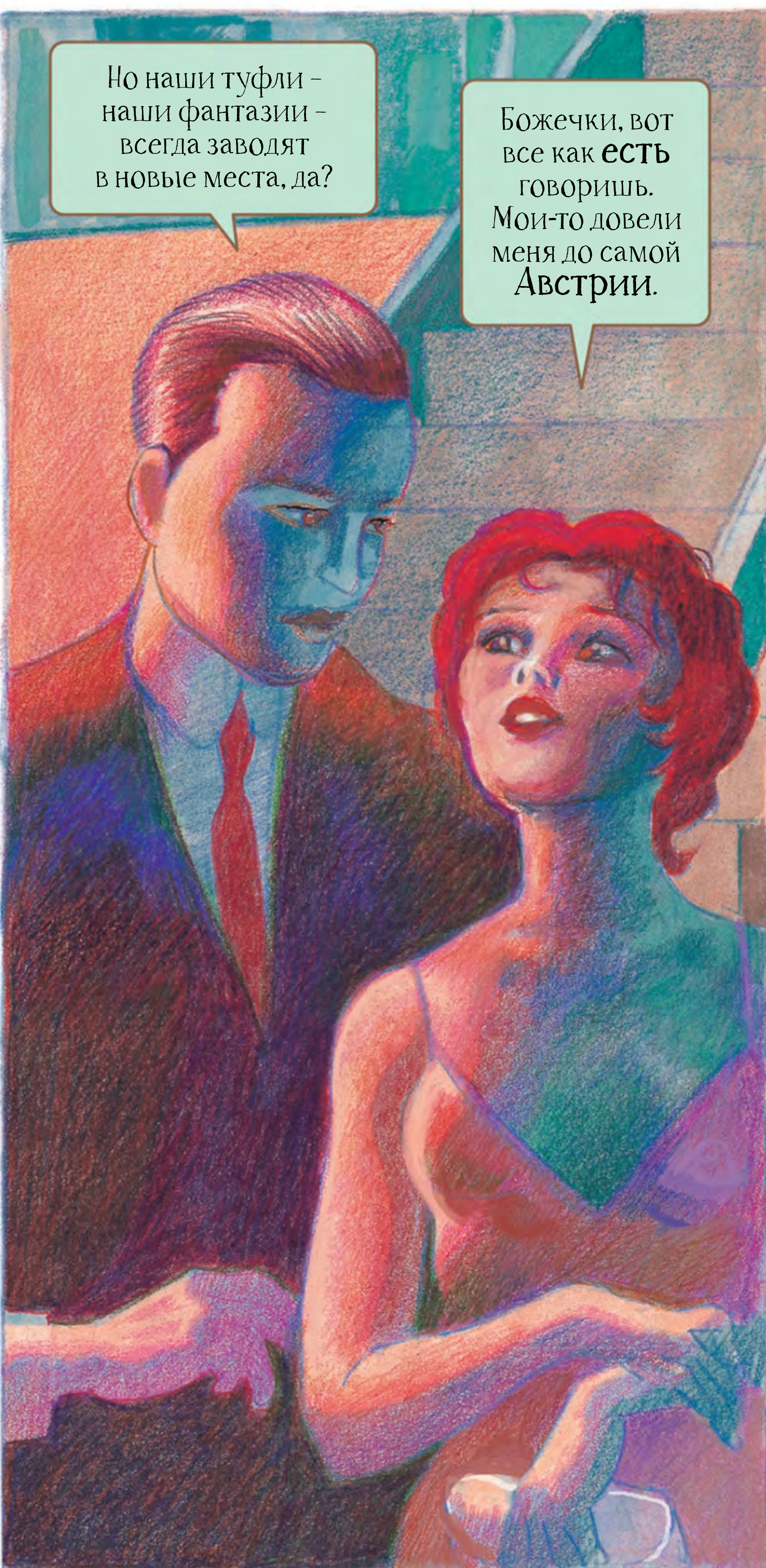
Нет, я так хотела эти туфли, что мне стали видаться сны... фантазии...

Я могу это понимать. Ха, а ты знаешь? Туфли и фантазии - они ведь так **ПОХОЖИ**..

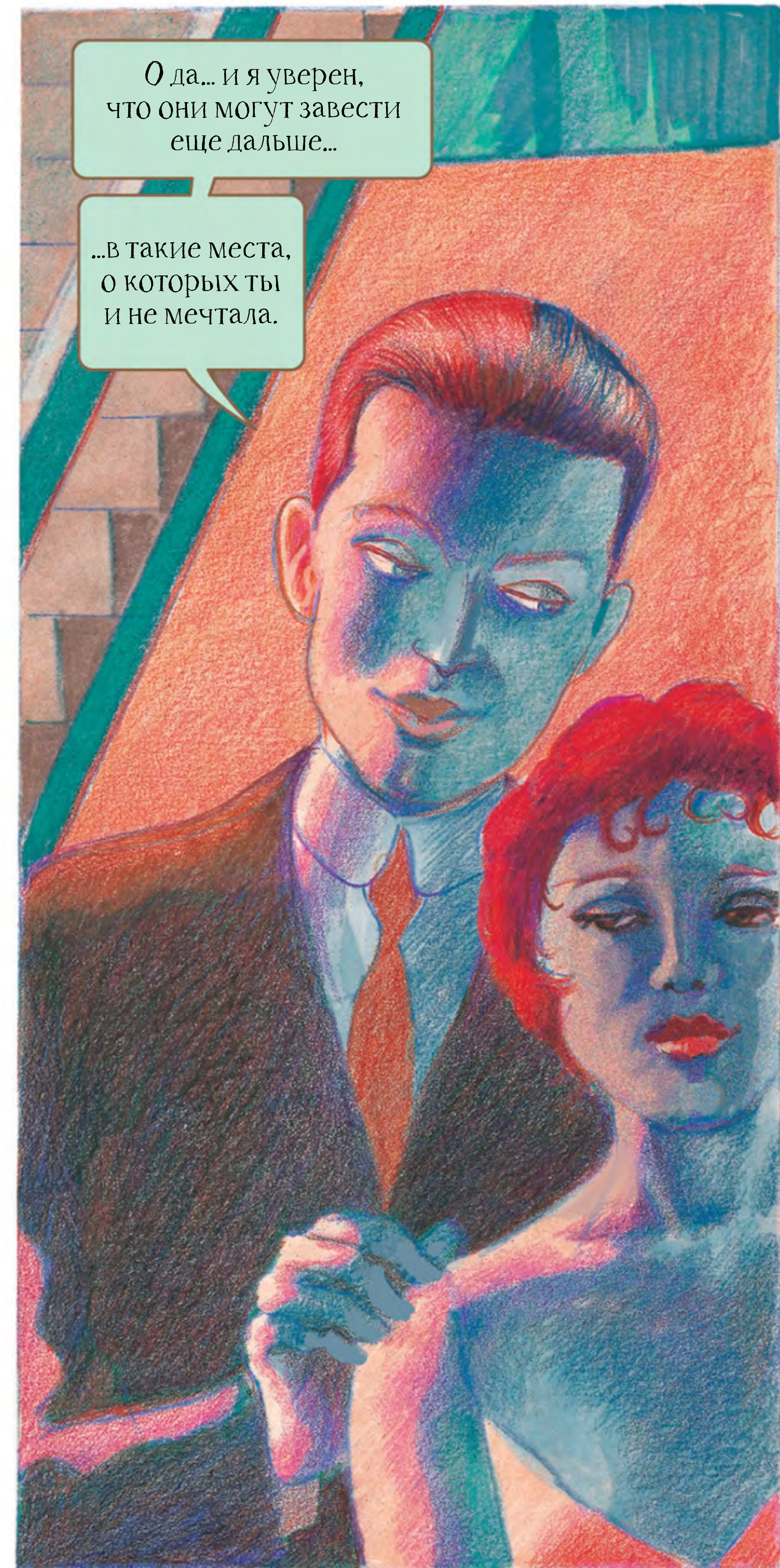
Как и туфли, мы примеряем свои фантазии, да? Иногда они нам велики, иногда мы их перерастаем: они становятся слишком маленькие, слишком тесные.

Или же они сносятся: становятся скучные, знакомые, всего лишь уютные.

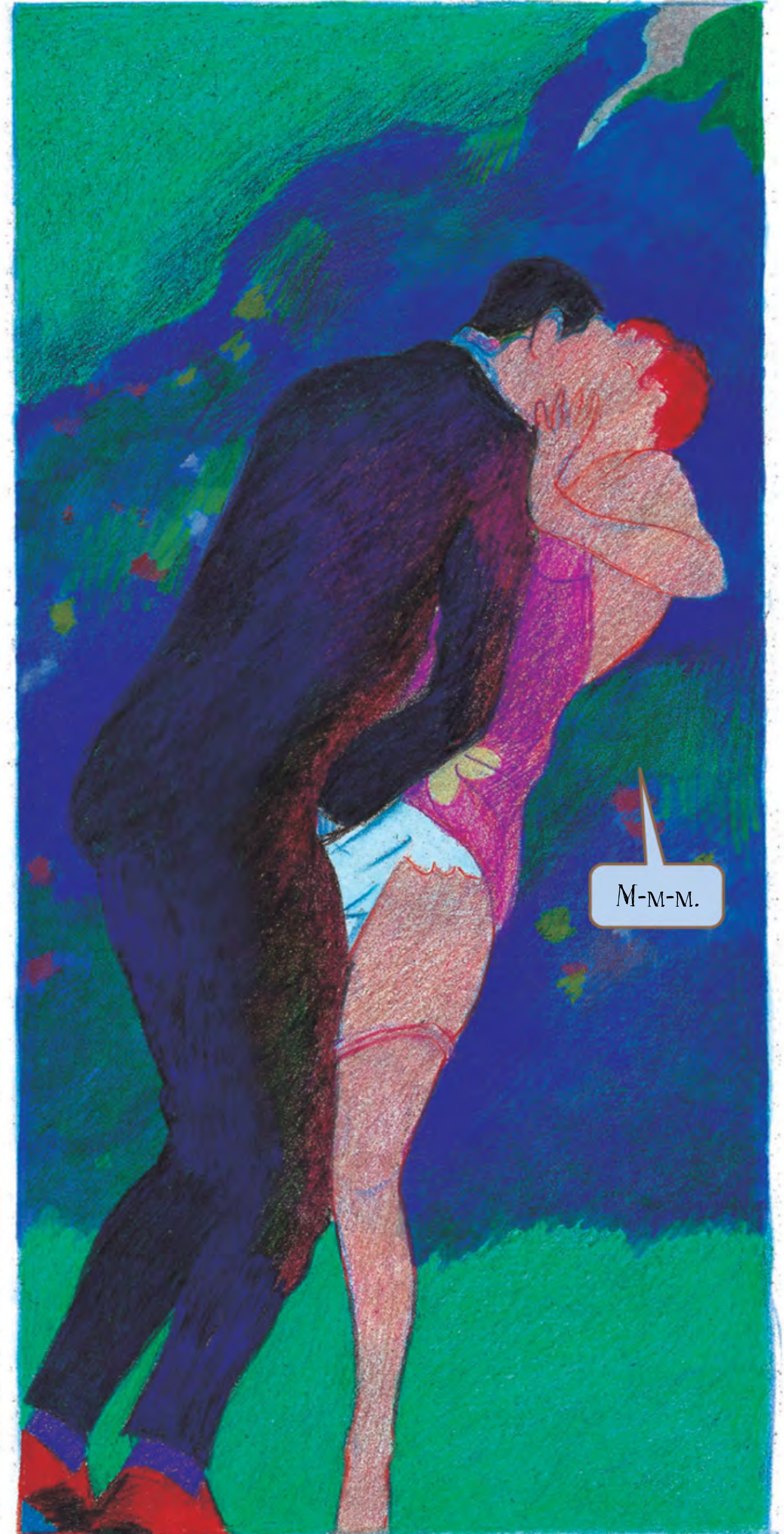
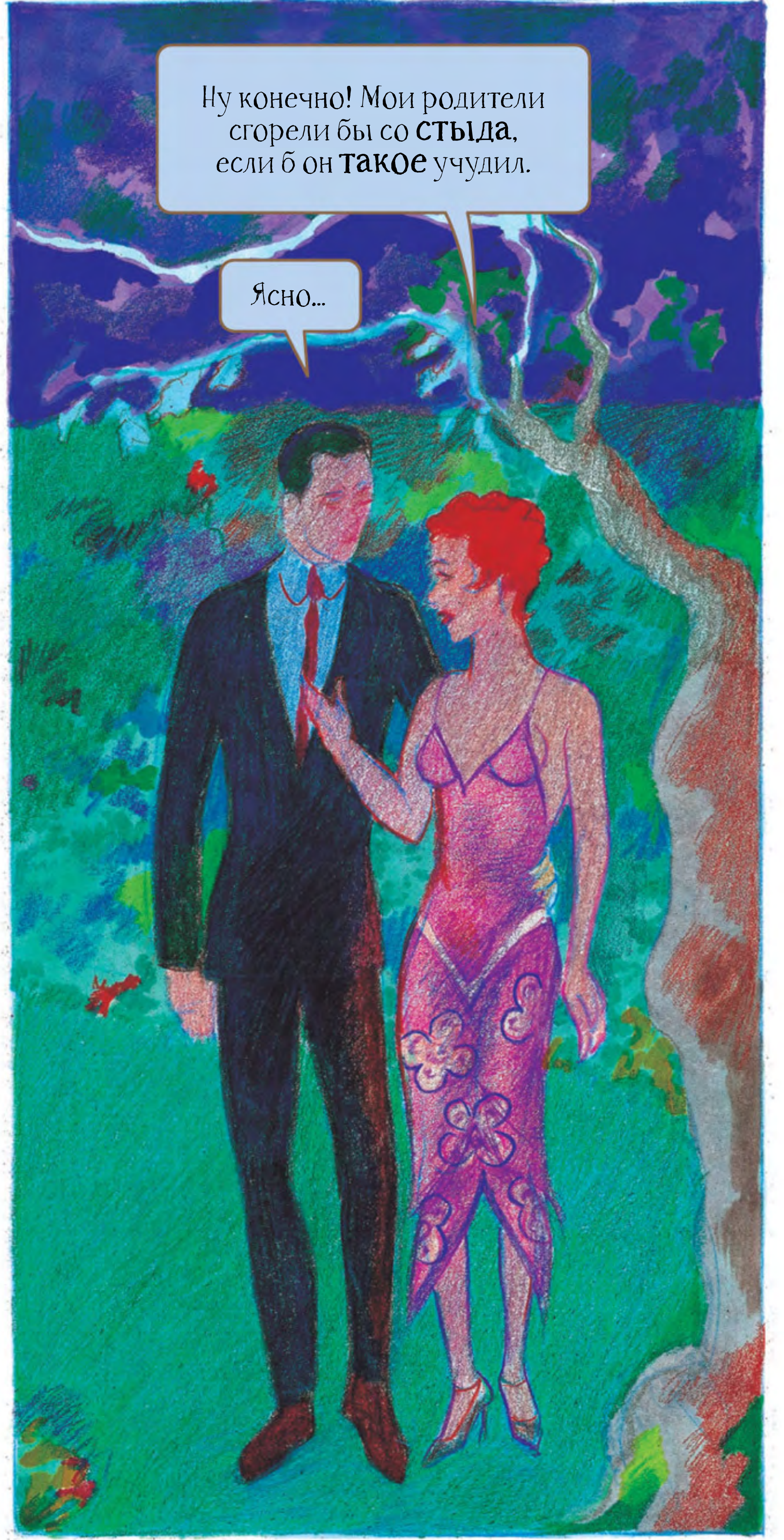
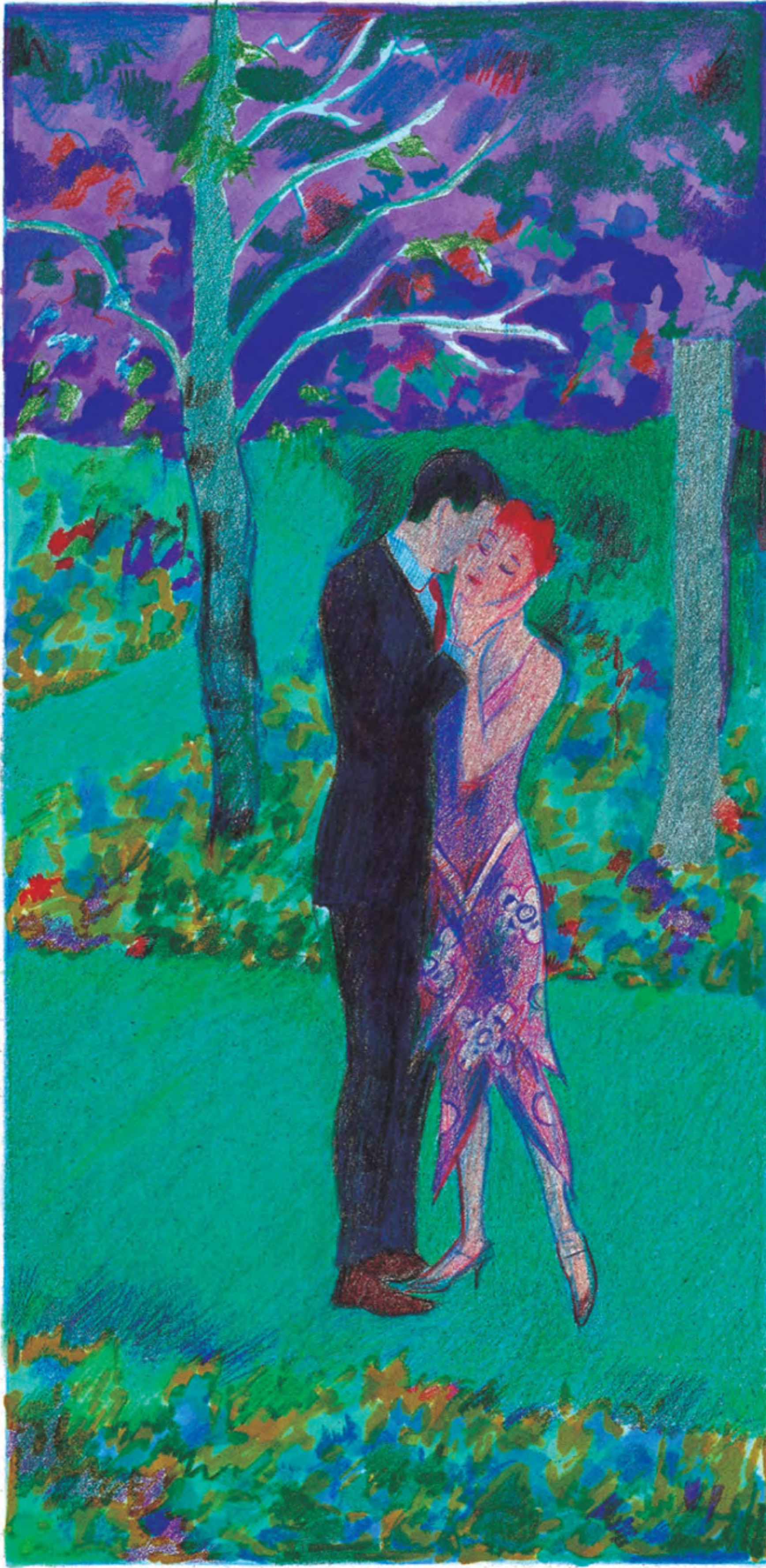
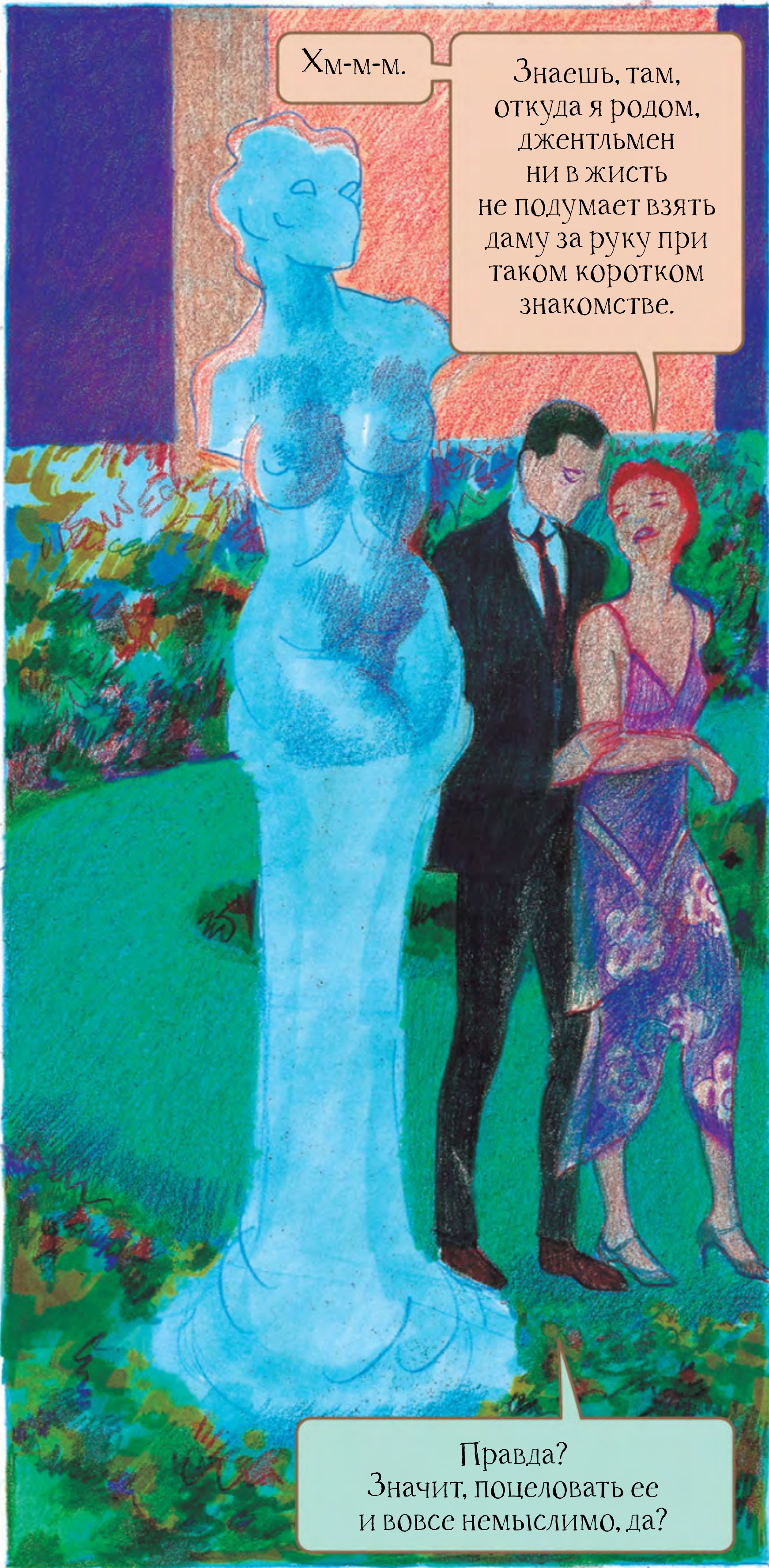
Но наши туфли - наши фантазии - всегда заводят в новые места, да?

Божечки, вот все как **ЕСТЬ** говоришь. Мои-то довели меня до самой **Австрии**.

О да... и я уверен, что они могут завести еще дальше...

...в такие места, о которых ты и не мечтала.

А-ах.
Позволь мне...

...ах.

Вот...

О боже...

Слушай,
я не могу...
Я... черт.

Слушай,
я не предохранялась
и не хочу ребенка,
так что...

Ох,
чтоб
тебя.

Не суть, есть
еще множество
занятий.

Что это есть за красота?
Разве можно ее прятать.

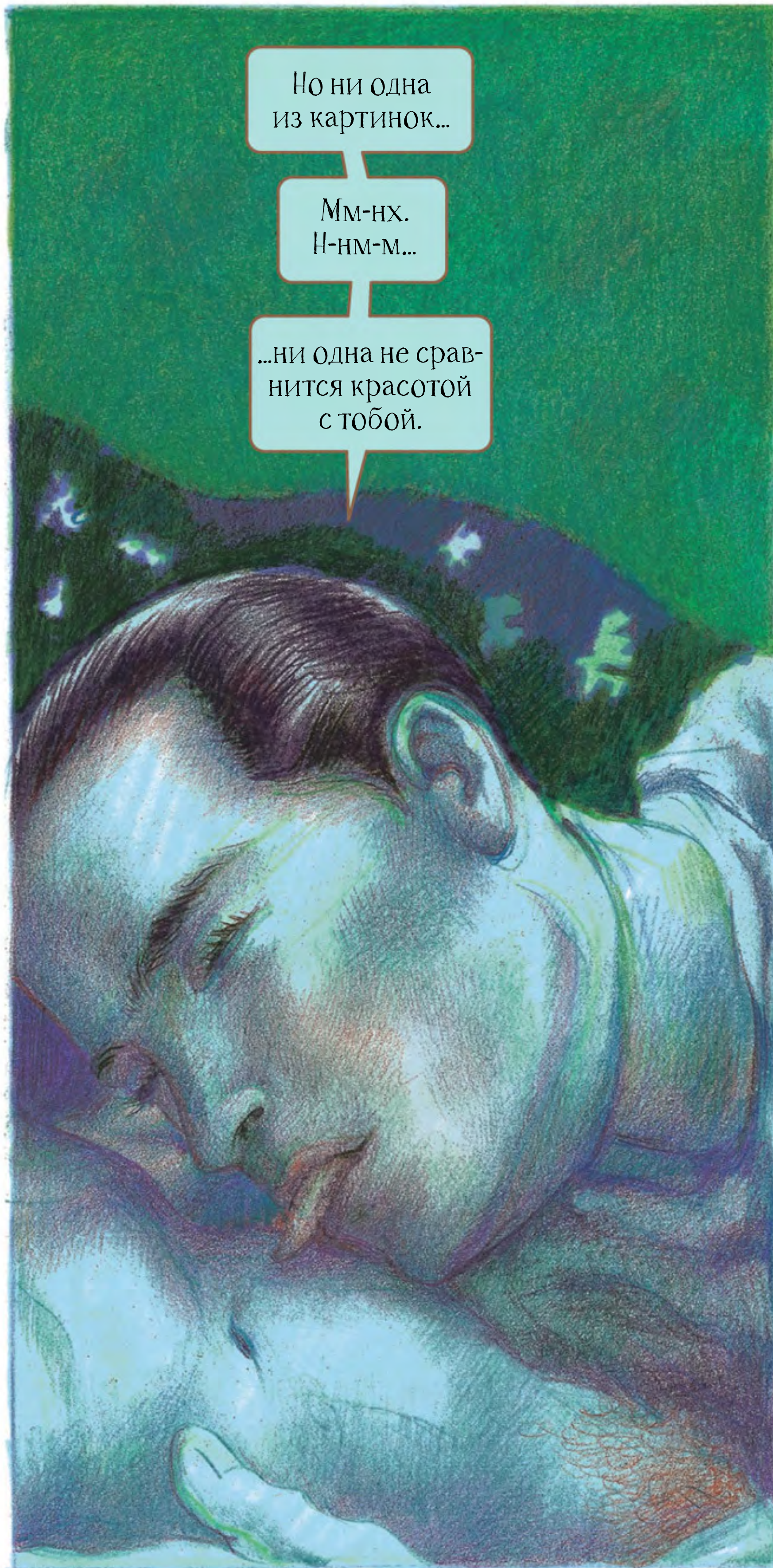
Ох-х. Но... но мы
так близко к отелю.
А если кто увидит?

Управляющий?
О, он терпим.
Видела бы ты его
библиотеку. Его
«Белая книга»
с картинками...

Мн-н...

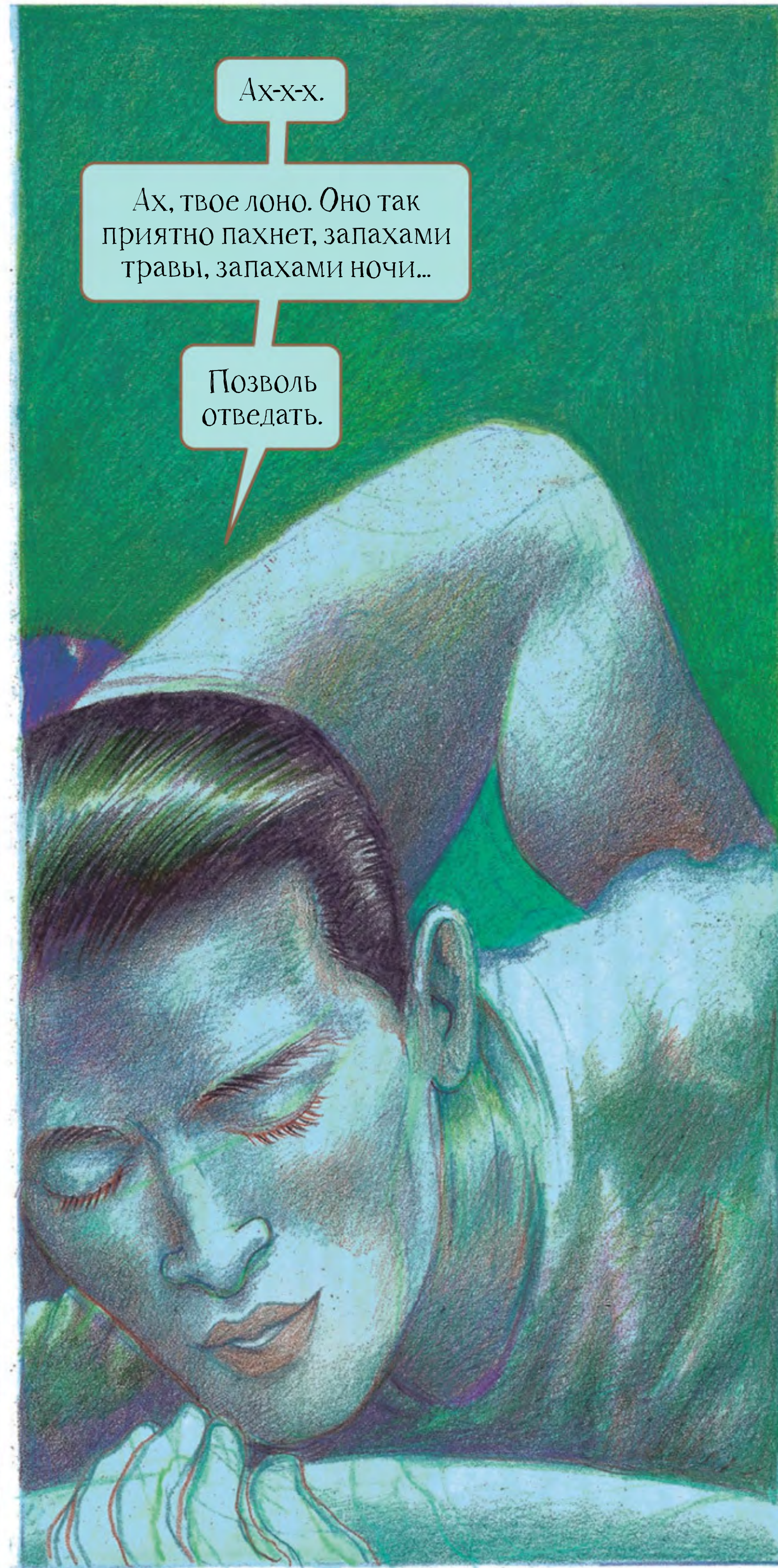
М-мл-л.

Но ни одна
из картинок...

Мм-нх.
Н-нм-м...

...ни одна не срав-
нится красотой
с тобой.

Ах-х-х.

Ах, твоё лоно. Оно так
приятно пахнет, запахами
травы, запахами ночи...

Позволь
ответить.

Ох...

...ОХ...

...О, Рольф,
что ты со мной
делаешь?
Это просто...

О-о-ох-х-х...

...О-ОХ-Х...

«О, милый,
я вот-вот...
Я сейчас...

М-мх - твоя ножка.
Не прекращай
двигать ножкой...
МХМ-М-М...

О, Рольф.
О боже,
я...

А-ох-х!

А-ох, Господи...

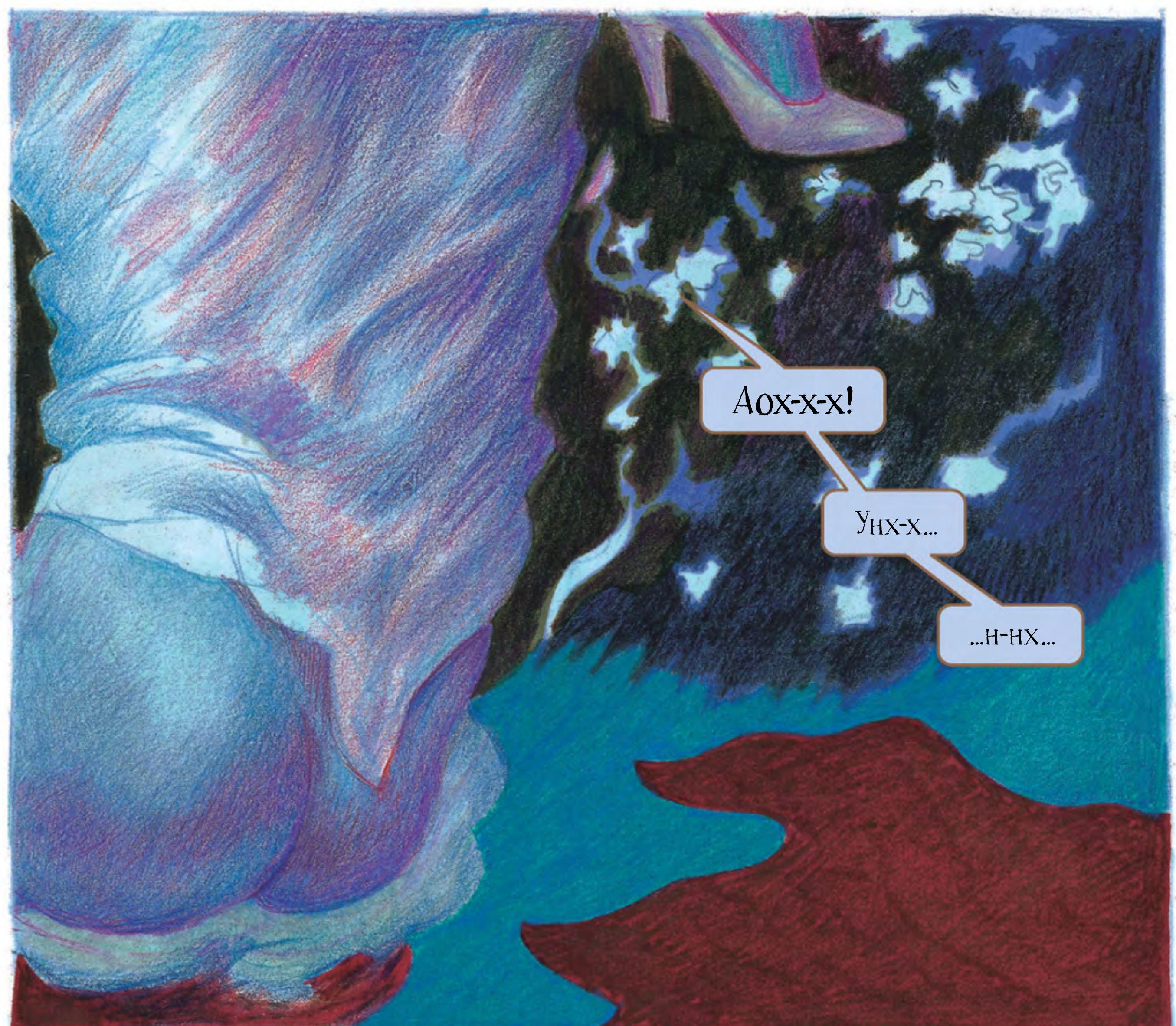
...О-ОХ...

Ух-х-х...
О-ох-х-х...

Хах... хах...
твоя ножка... хах...
не прекращай
двигать... двигай...

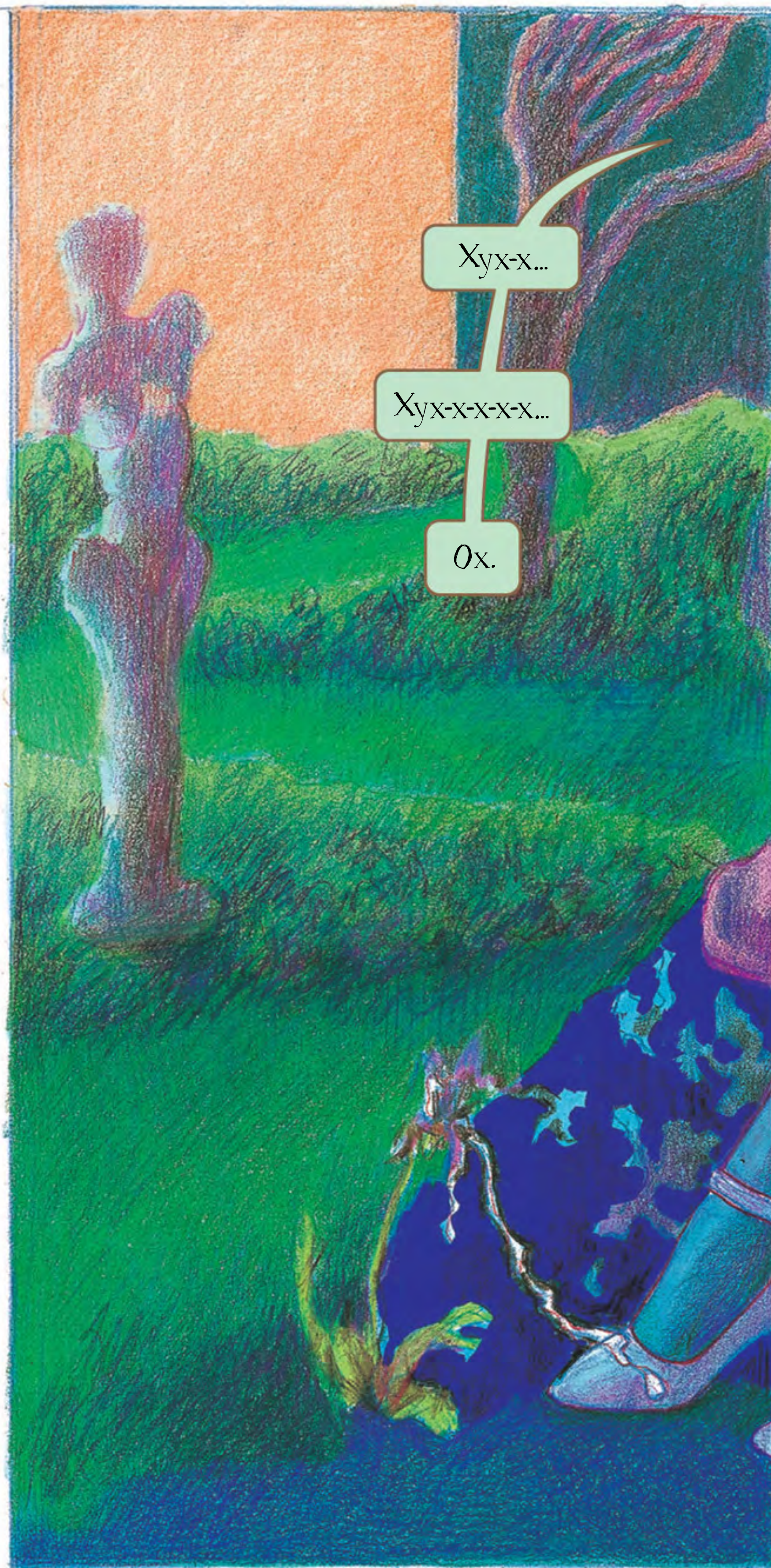
Да.
Вот так,
да. Да!

Аох-х-х!

Унх-х...

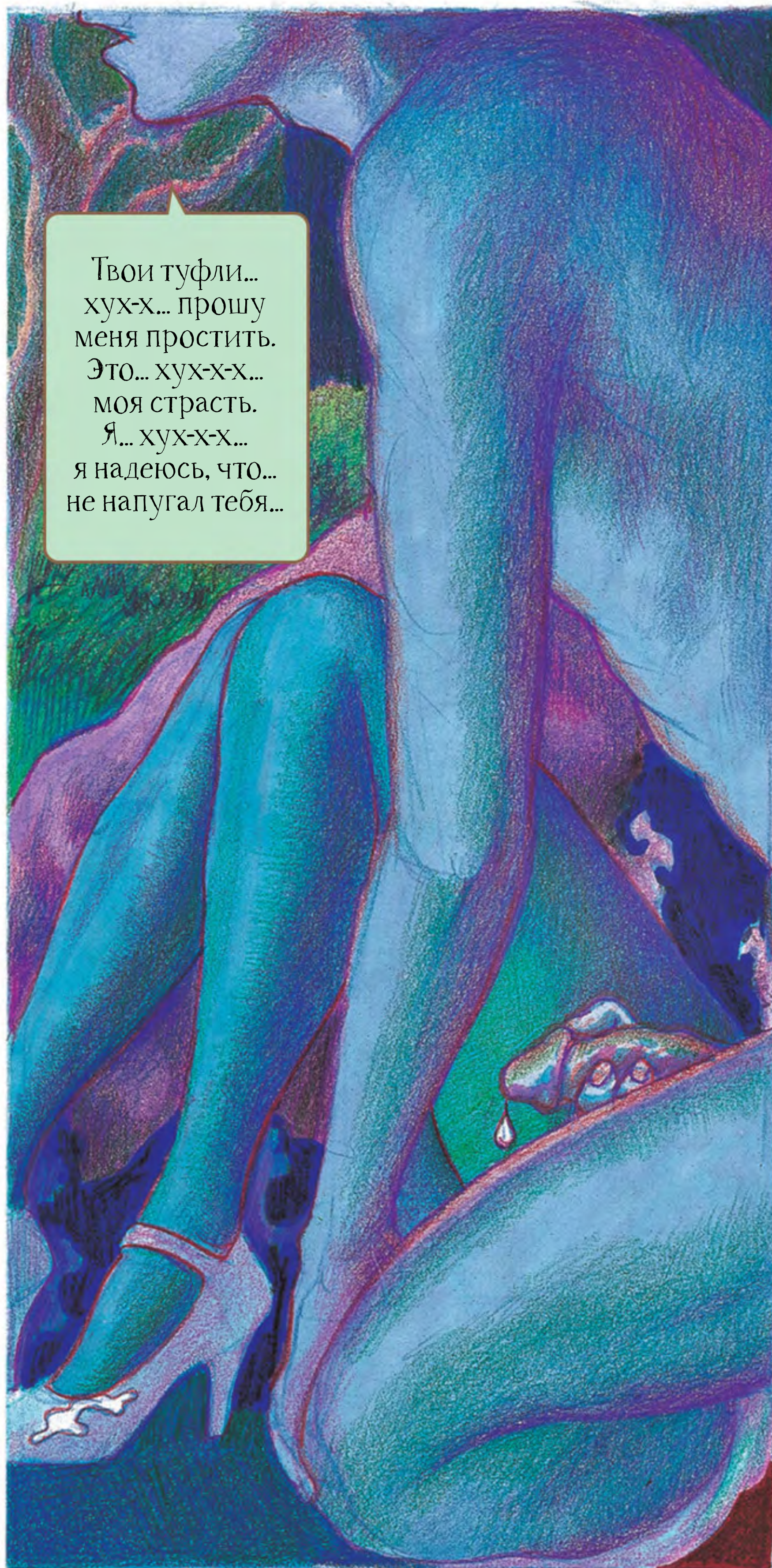
...Н-НХ...

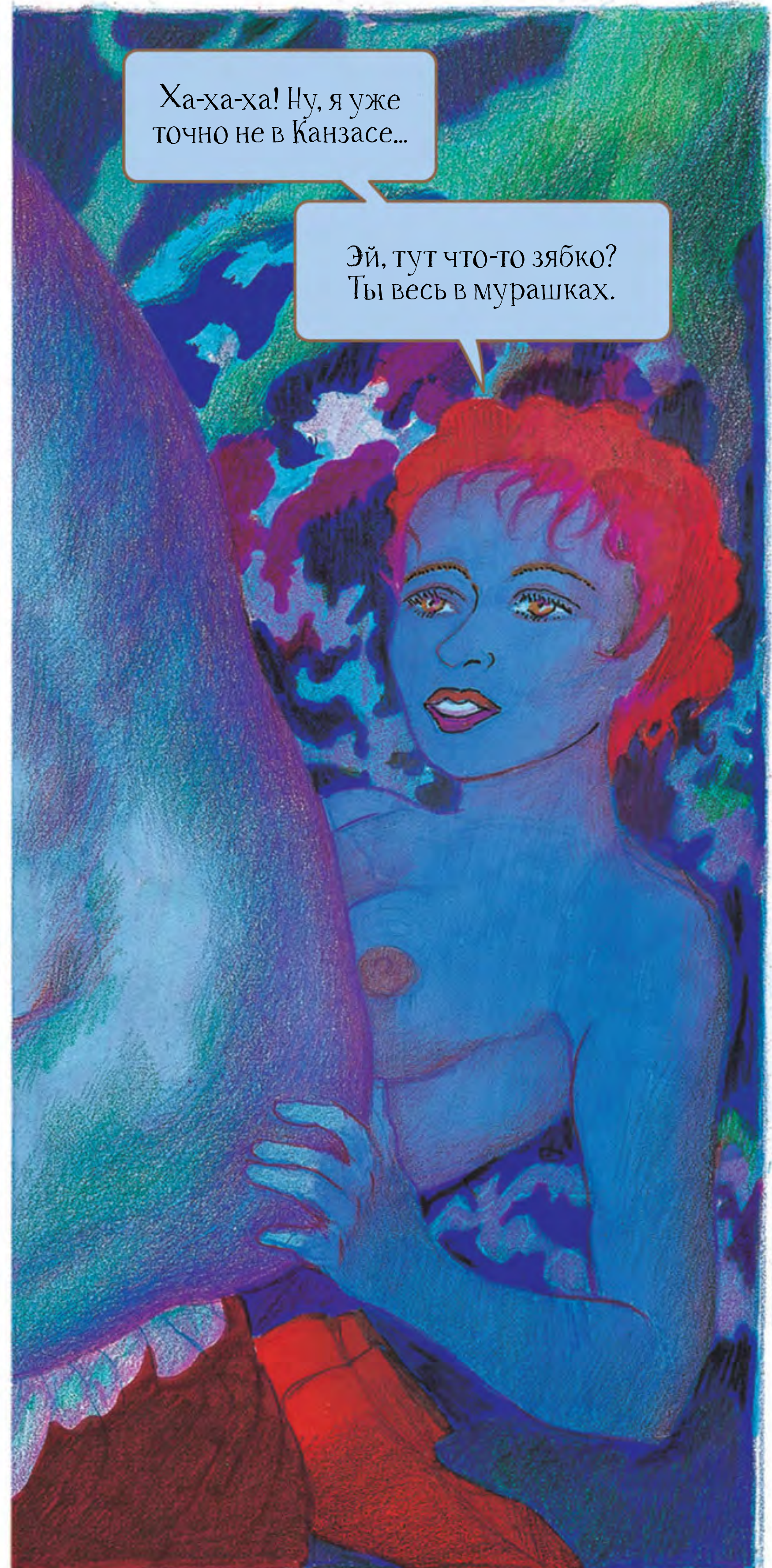
Хух-х...

Хух-х-х-х...

Ох.

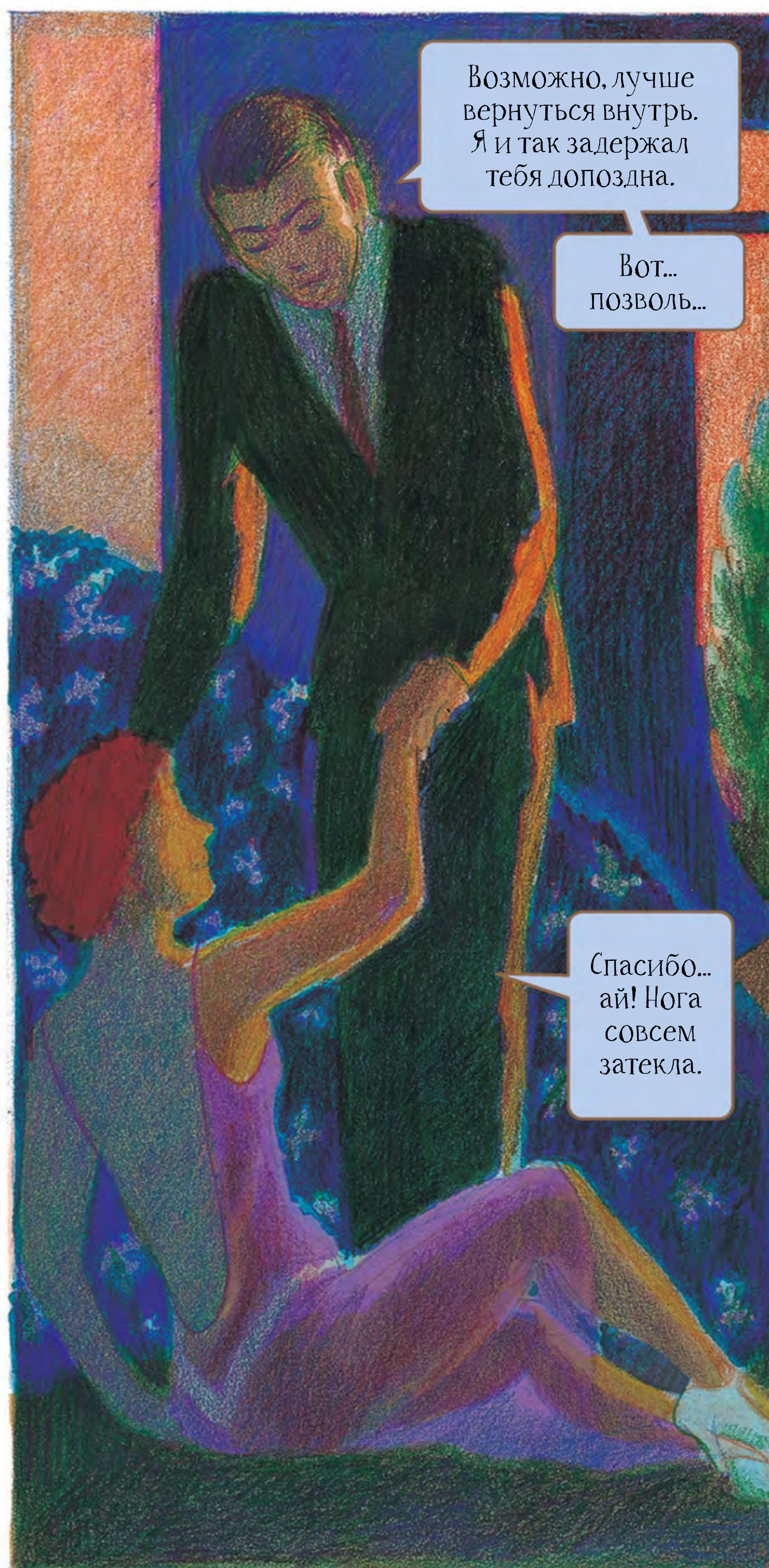

Твои туфли... хух-х... прошу меня простить. Это... хух-хх... моя страсть. Я... хух-х-х... я надеюсь, что... не напугал тебя...

Ха-ха-ха! Ну, я уже точно не в Канзасе...

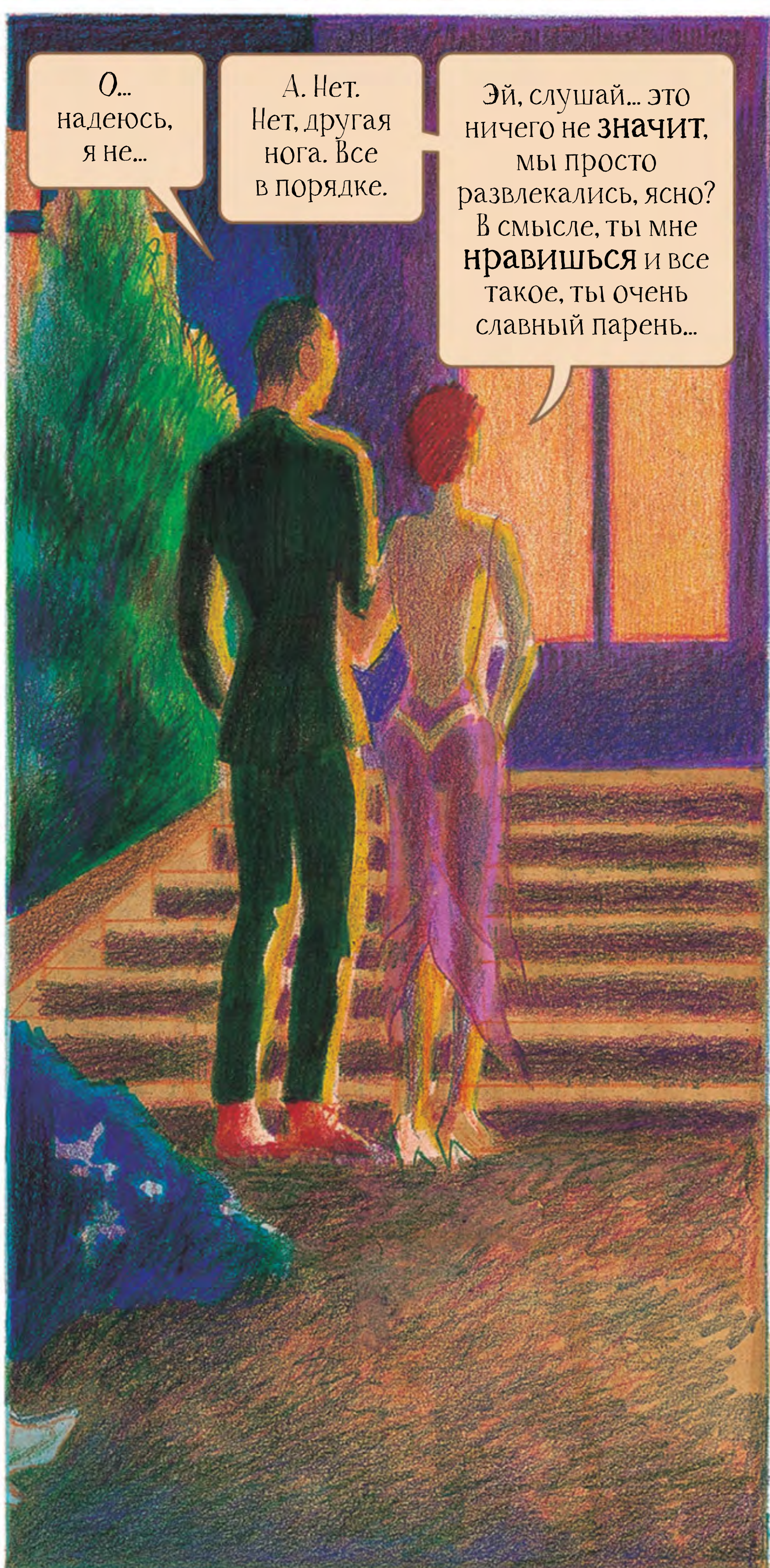
Эй, тут что-то зябко? Ты весь в мурашках.

Возможно, лучше вернуться внутрь. Я и так задержал тебя допоздна.

Вот... позволь...

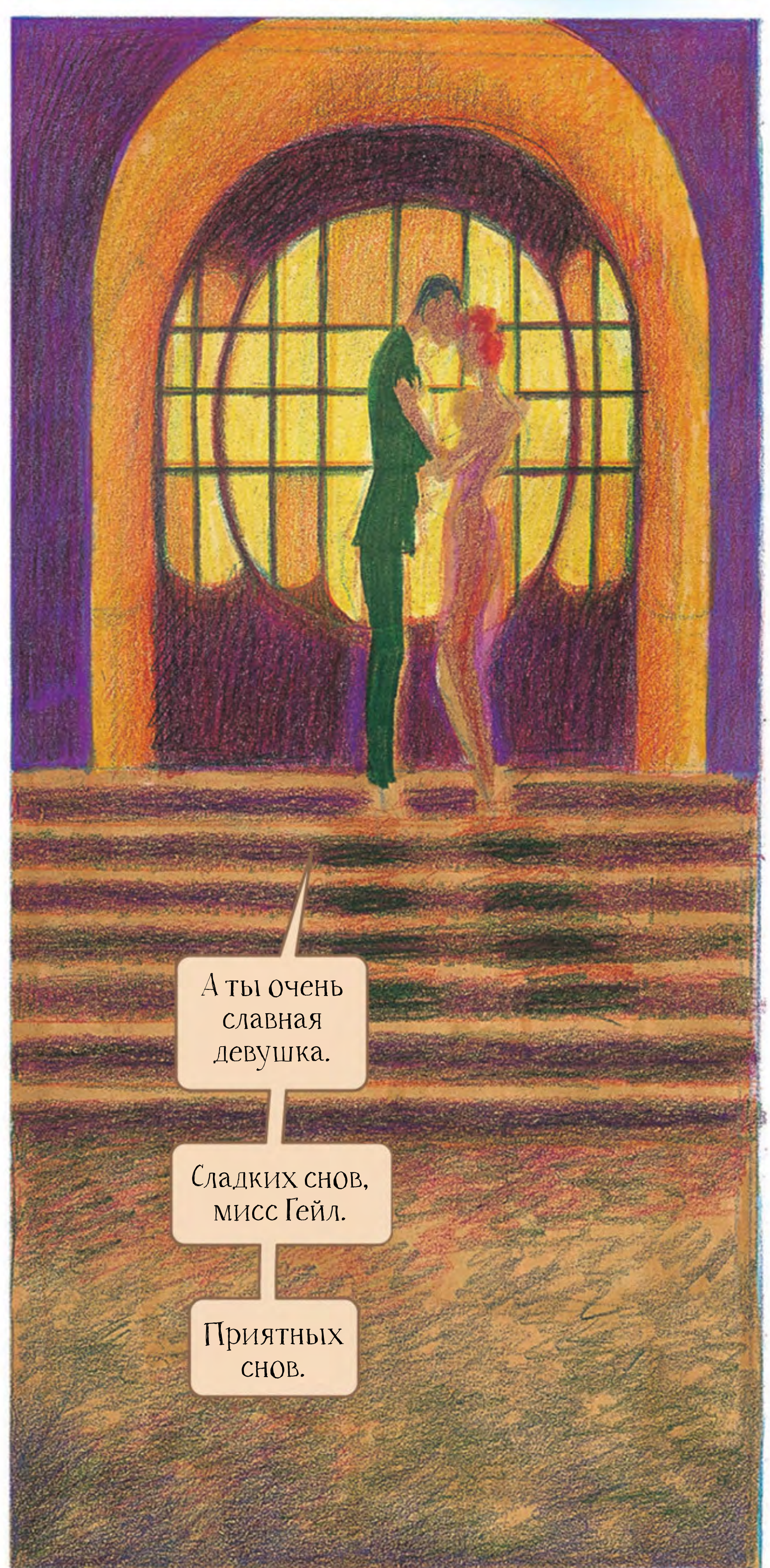
Спасибо... ай! Нога совсем затекла.

О... надеюсь, я не...

А. Нет. Нет, другая нога. Все в порядке.

Эй, слушай... это ничего не **ЗНАЧИТ**, мы просто развлекались, ясно? В смысле, ты мне **нравишься** и все такое, ты очень славный парень...

А ты очень славная девушка.

Сладких снов, мисс Гейл.

Приятных снов.

Глава

3

Исчезающие тени

Привет! Вы, наверно, меня не помните, меня звать Гейл. Мы встретились, когда я заселялась, только я не знаю вашего имени.

Здорово, что здесь балкон прям снаружи зала для завтрака, да?

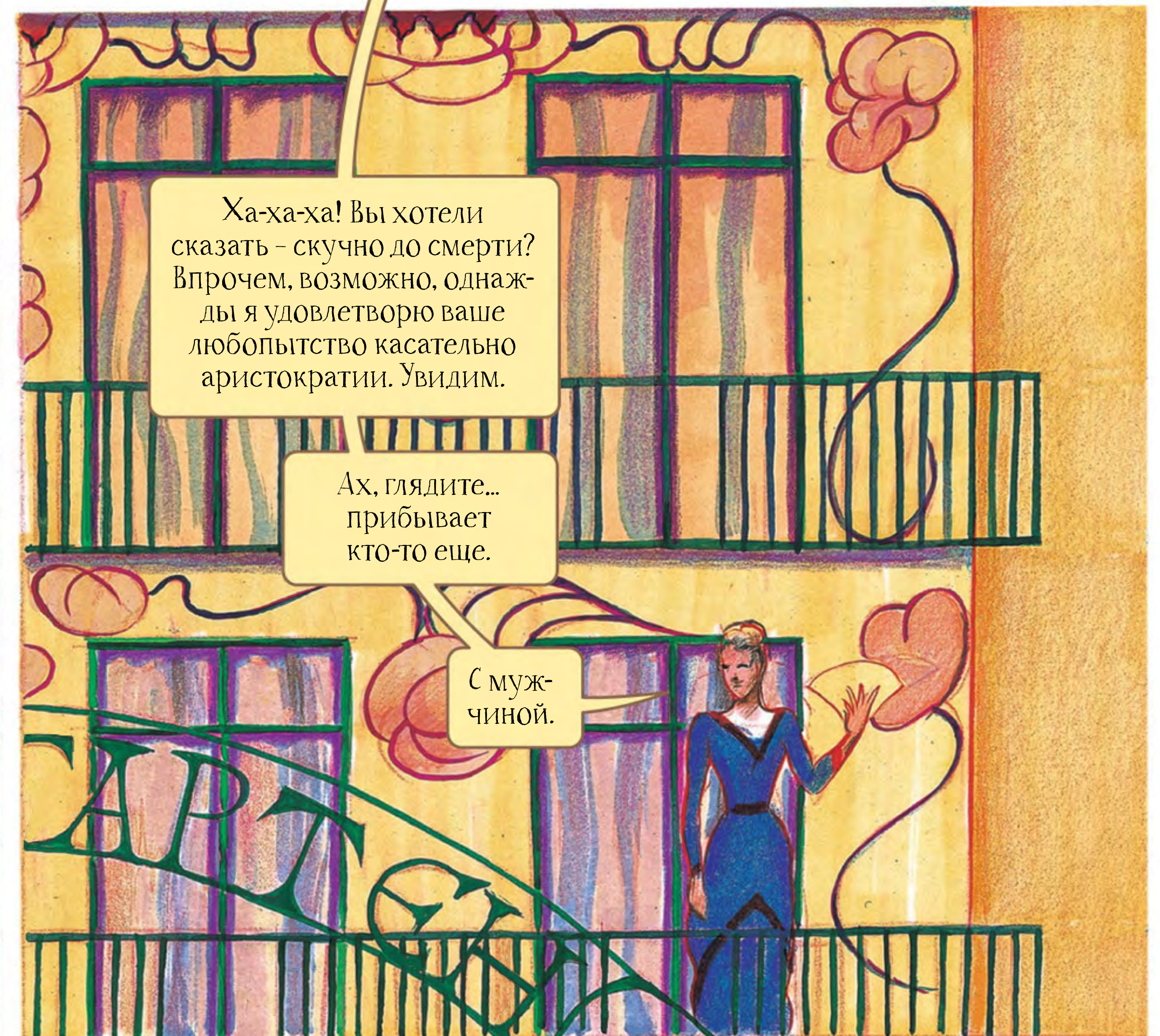
«Зал для завтрака»? Дитя мое, взгляните, как исчезают тени: уже почти полдень! Ныне я предпочитаю говорить «Обеденный зал».

А, и, отвечая на ваш вопрос, я леди Фэрчайлд.

Леди? Вот так так, а я и книксен не сделала! Что вы только обо мне подумаете?

Ого, да вы, наверно, были на всяких там королевских приемах. Как же интересно послушать модные сплетни!

Ха-ха-ха! Вы хотели сказать – скучно до смерти? Впрочем, возможно, однажды я удовлетворю ваше любопытство касательно аристократии. Увидим.

Ах, глядите... прибывает кто-то еще.

С мужчиной.

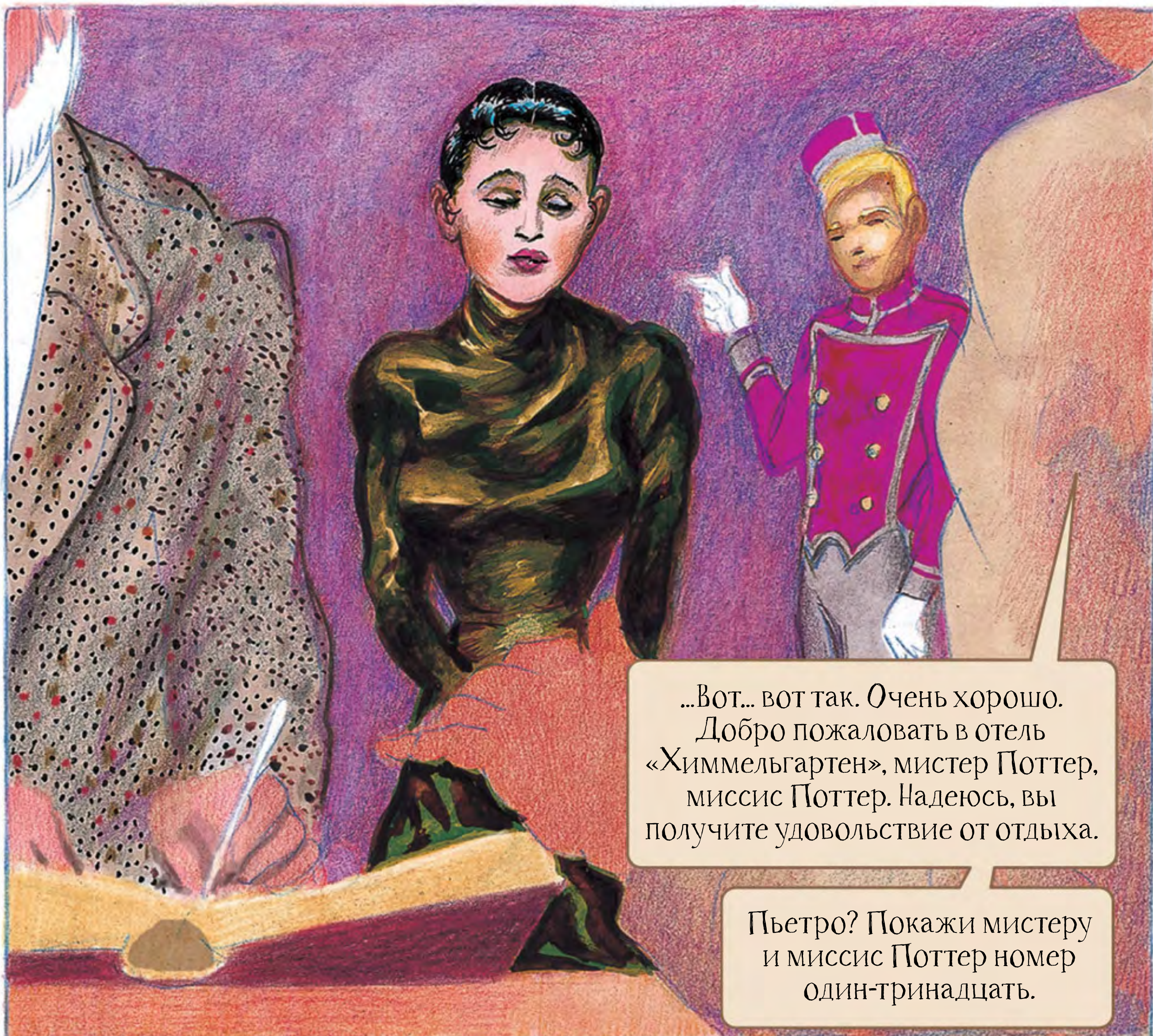

Прости, Гарольд.

Слушай, я тебя не упрекаю, старушка, но мы едва не проехали чертов отель. А все это витание в облаках.

Так, беги и открывай дверь, уберемся с проклятого полуденного солнца.

...Вот.. вот так. Очень хорошо. Добро пожаловать в отель «Химмельgarten», мистер Поттер, миссис Поттер. Надеюсь, вы получите удовольствие от отдыха.

Пьетро? Покажи мистеру и миссис Поттер номер один-тринадцать.

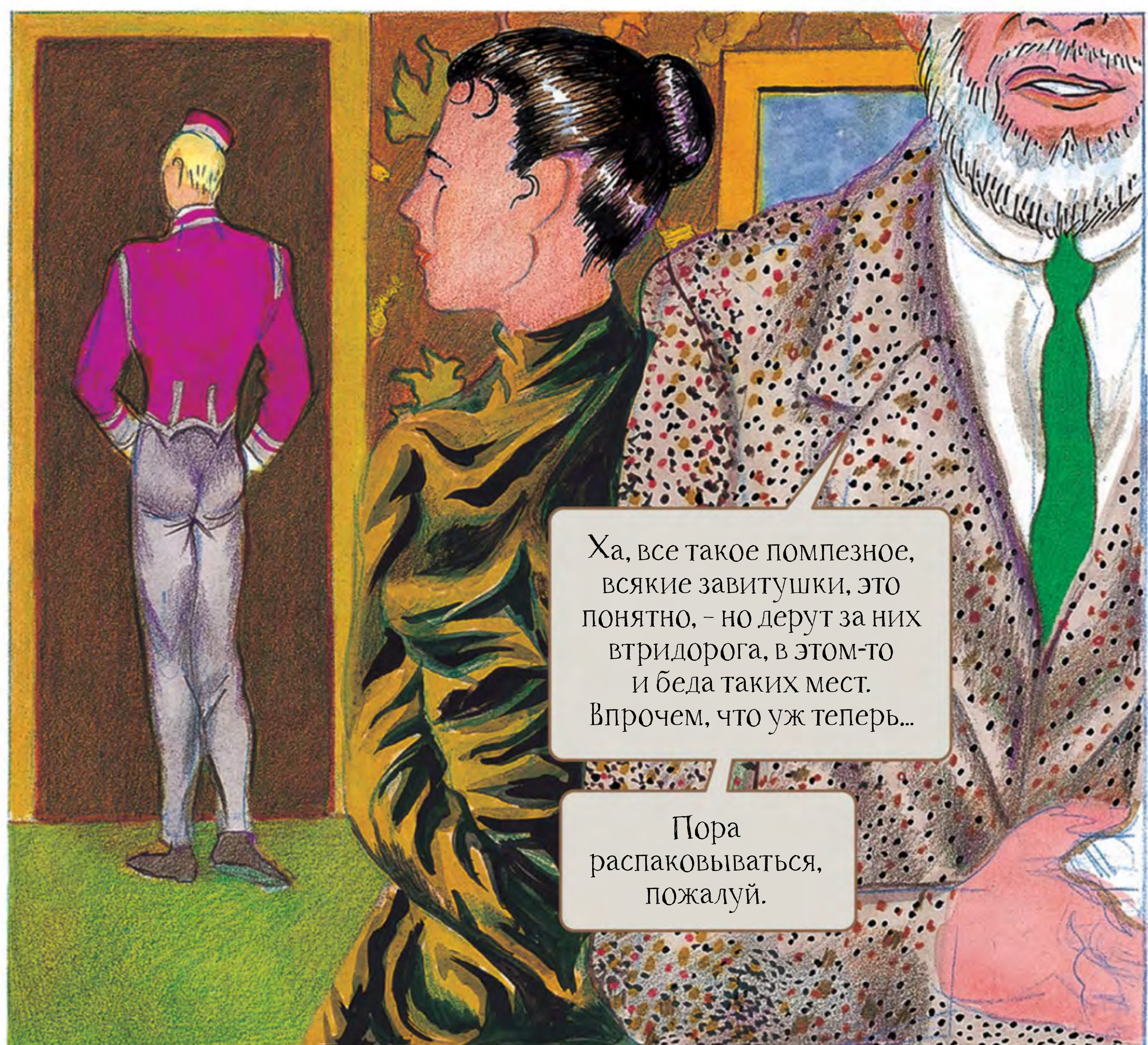

Это он самый? Слишком вычурный, на мой вкус...

...но сойдет. Полагаю, вы-то к этому и стремились, а?

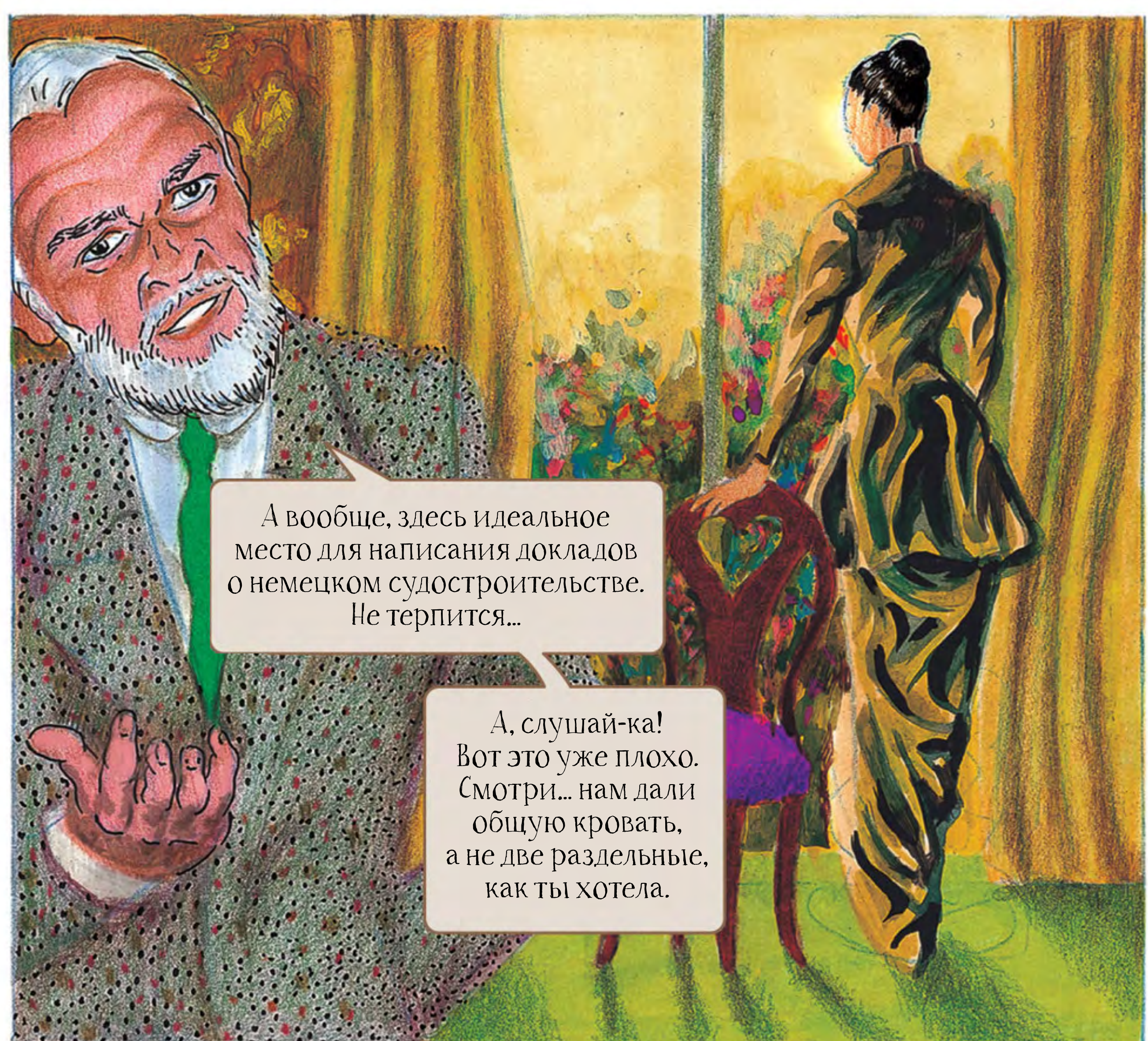
Очень красиво.

Надеюсь, сэр найдет номер удобным. Как и мадам, разумеется.

Ха, все такое помпезное, всякие завитушки, это понятно, - но дерут за них втридорога, в этом-то и беда таких мест. Впрочем, что уж теперь...

Пора распаковываться, пожалуй.

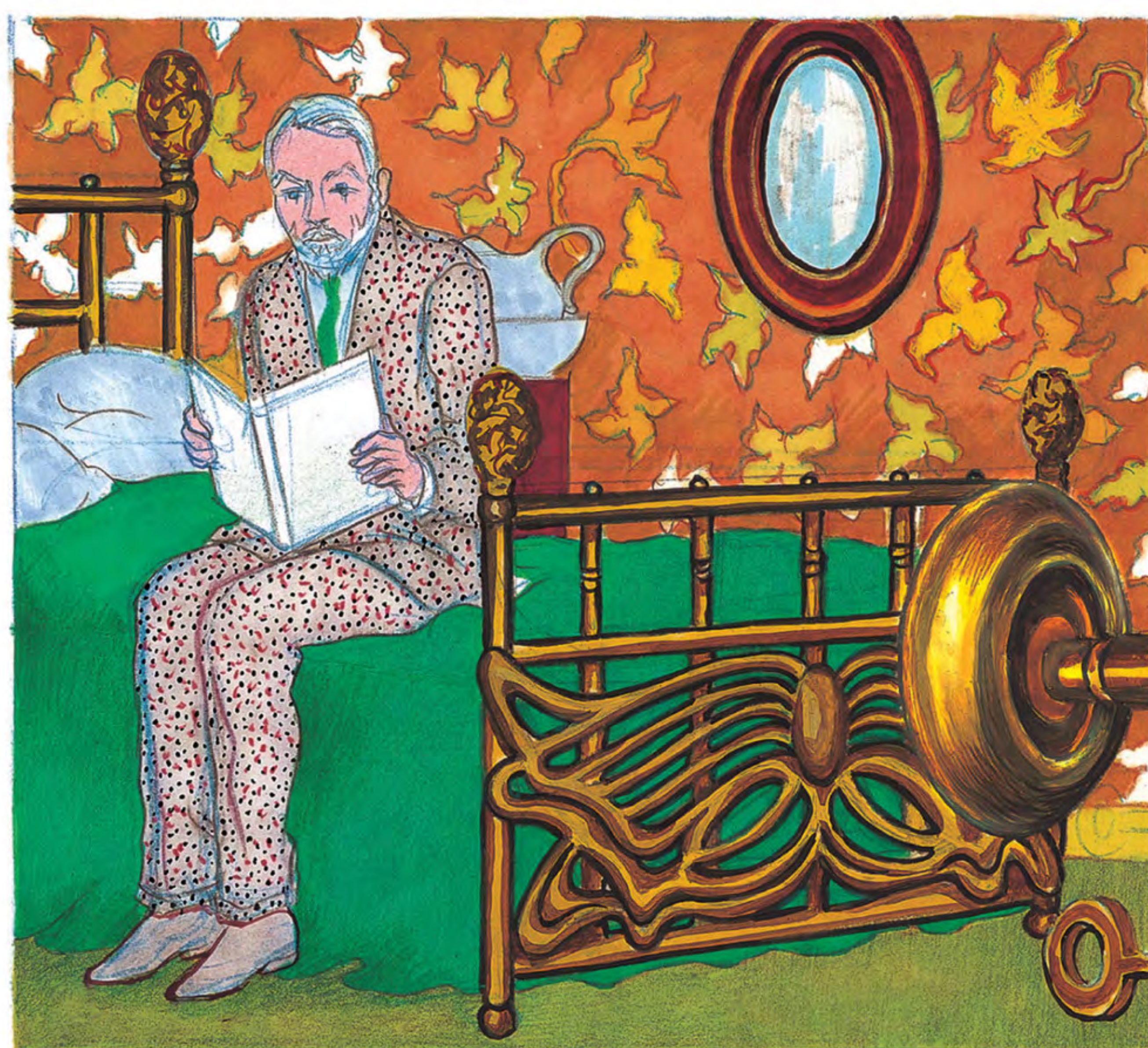
А вообще, здесь идеальное место для написания докладов о немецком судостроительстве. Не терпится...

А, слушай-ка! Вот это уже плохо. Смотри... нам дали общую кровать, а не две отдельные, как ты хотела.

Уверен, что просил номер с двумя кроватями. Абсолютно уверен. Ну что ж. Ничего не попишешь. Придется потерпеть.

Вот что я тебе скажу, я буду распаковывать, а ты разбирать, договорились?

Однажды посещенный, будуар Венеры не изгладится из памяти: это мелодия аромата, расшитой блестками парчи и позолоченной лепнины, исполненная в жанре ноктюрна. В нем оказалось темно, не считая света, исходяемого тремя свечами, дерзкая форма коих побудила Розали умолять свою госпожу подарить одну такую свечу для святилища, возлюбленного приверженцами прославленной поэтессы Эгейского моря, – присутствовавшие джентльмены только горячо поддержали эту мольбу.

Все трое по возвращении были любезно встречены Розали; изящней дамы Пьеро не видывал, хотя с головы до ног бесовка была облачена в черное и только черное (ее чулки, ее домино, кольцо из органди, распустившееся на шее подобно чудовищной орхидее). Она вела их чрез пустые залы, пока Косме дразнил Тангейзера, наступая на кружевную пену шлейфа несчастного шевалье.

Употребив свечу по новому назначению, они увидели, как тени разбухли, словно нежное желание, и каждая тень приобрела новую форму, хотя и неизменно оставалась подле своего владельца, незаметная, – тайный близнец, насеяющий мрачную реальность за дальними берегами демимонда.

Розали обратилась к самой скрытой тайне ее королевы, без смущения лакая росу с кучерявых куш, окружающих душистую ложину, без страха пред сумеречным гротом или его таинствами.

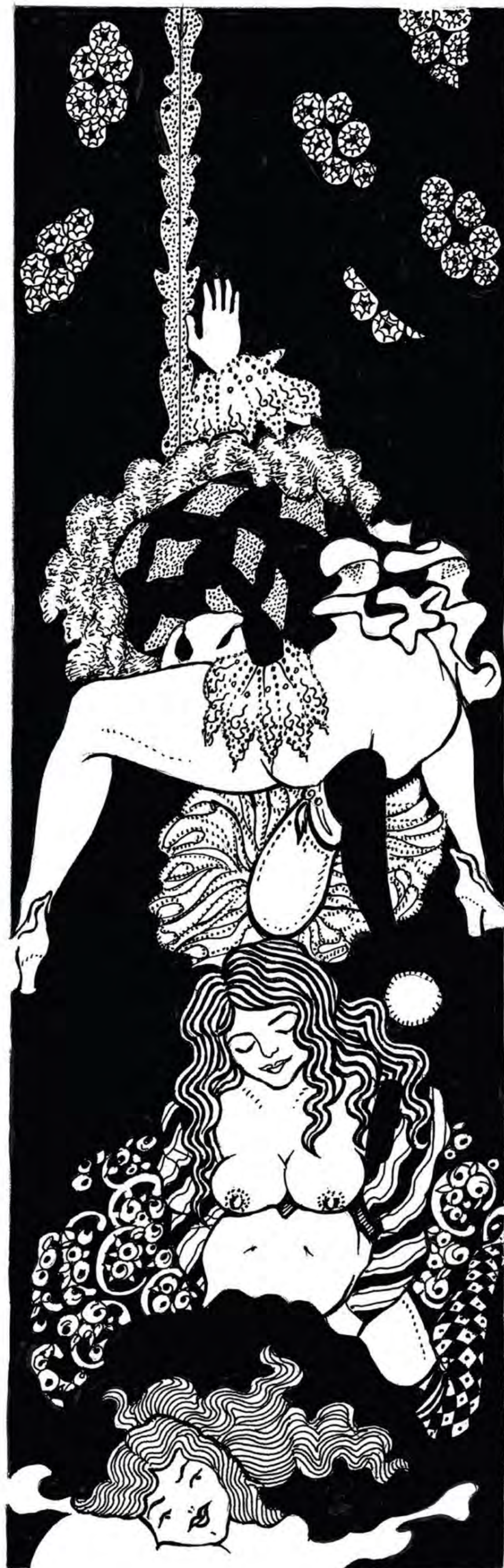

Распаленный сей игрой теней, Косме сбросил свои оборки, побуждая Розали заняться им так же, как ее госпожой, и устремился к тому игольному ушку, что известно как самые тесные врата в рай.

Так, оставив Венеру седлать благородную колонну, коей ее не одарил величайший скульптор, служанка отыскала очередную свечу для самой темной ниши куафера. И в будуаре остался лишь один огонек, а непристойные тени ликовали в мерцающем свете.

В этом любострастном кьяроскуро Розали и Косме брыкались, как жеребцы, а Венера в одиночестве мчалась на парафиновом коне навстречу блаженству, сомкнув ноги на его блестящих боках.

Не считая злосчастливого Тангейзера, всем досталось по скакуну, пока богиня, смилостивившись, не помянула его преклонить колена и поднять свои многочисленные юбки, а сама потушила кончик единственного источника света, откуда по его стволу струились ручейки воска; декоративное извержение.

Так тьма опустила на Венерину гору, и, ох, что за томное сумрачное королевство она скрыла – живое от шепотов, вздохов и интимнейших звуков!

Оставим же нашего рыцаря и его зачарованную королеву в ночи, раскинувшихся на таком мягком покрывале, что в нем легко утонуть, в мире тени, в приторном обильном краю безграничной вседозволенности, где тьма налита нашими редчайшими фантазиями, под горой.

О.

Здравствуй.
Быстро ты
обернулась.

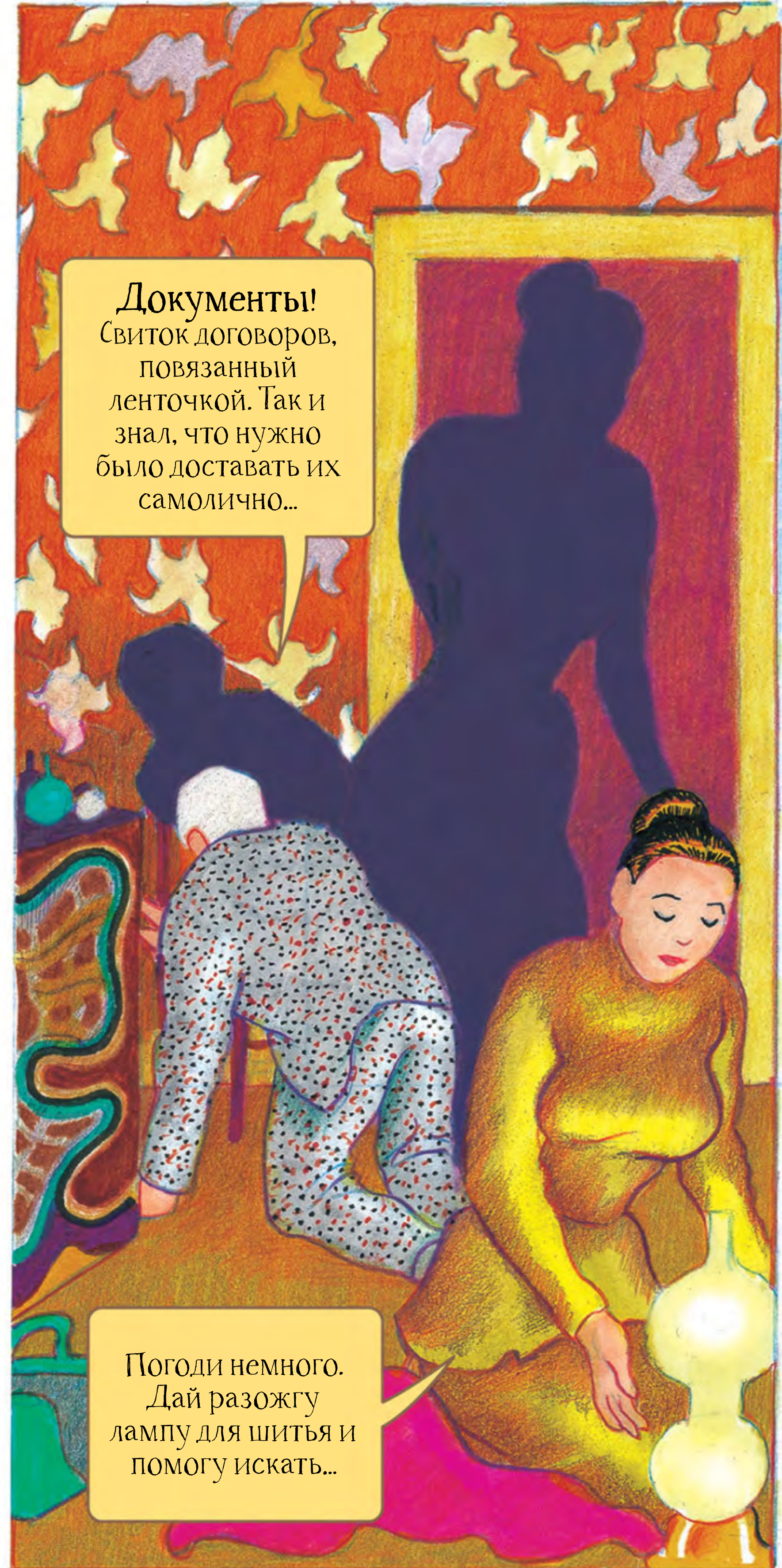
Нет, я... я вспомнила,
что перед сном мне
нужно кое-что зашить. Я
не желала задерживаться...

Хм-мпф. Да ты, похоже,
бежала. Раскраснелась,
как брюква. Я как раз искал,
ну знаешь, некоторые
документы, над которыми
завтра нужно поработать.

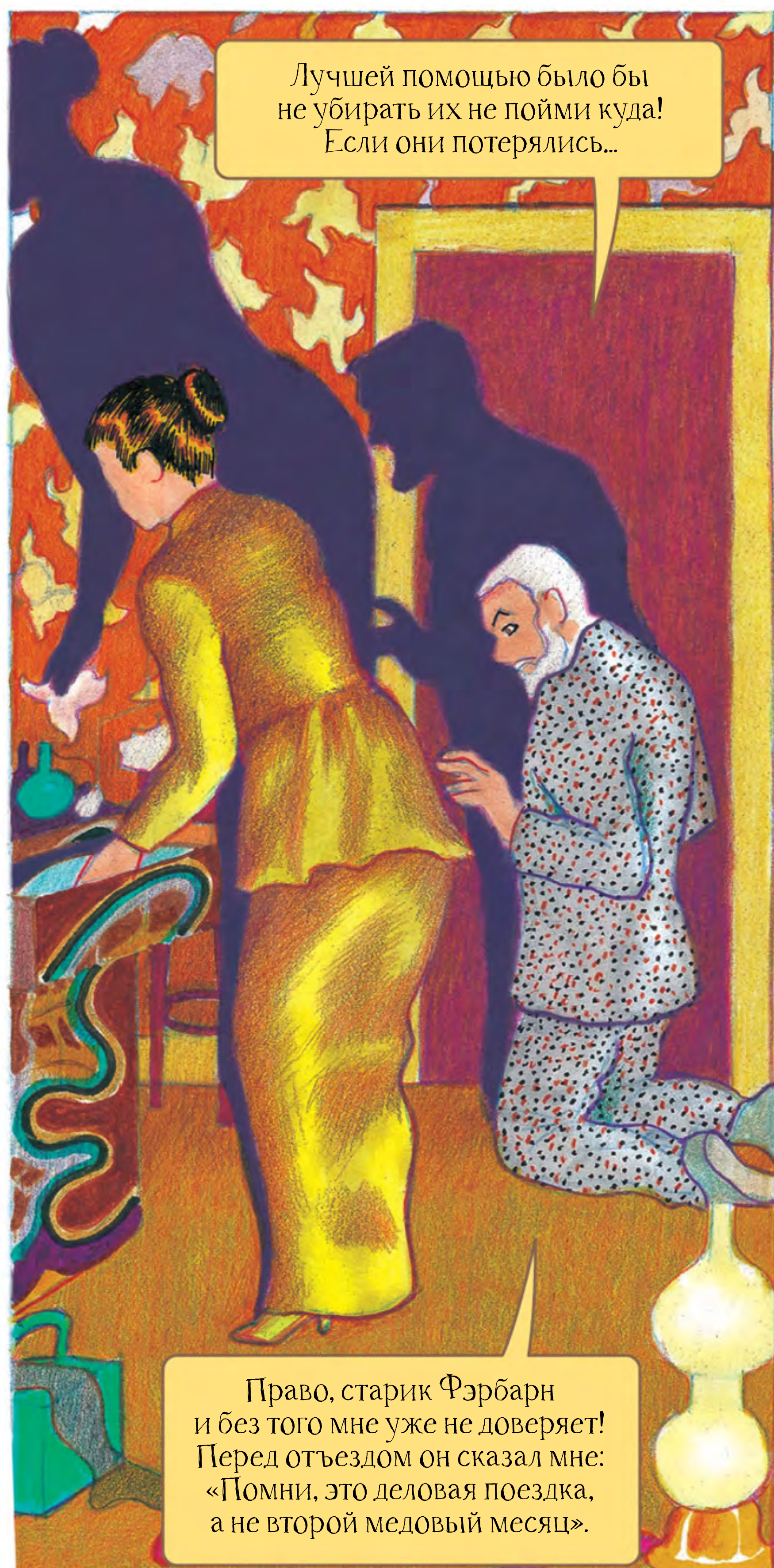
Наверняка
ты их куда-то
сунула...

Документы?

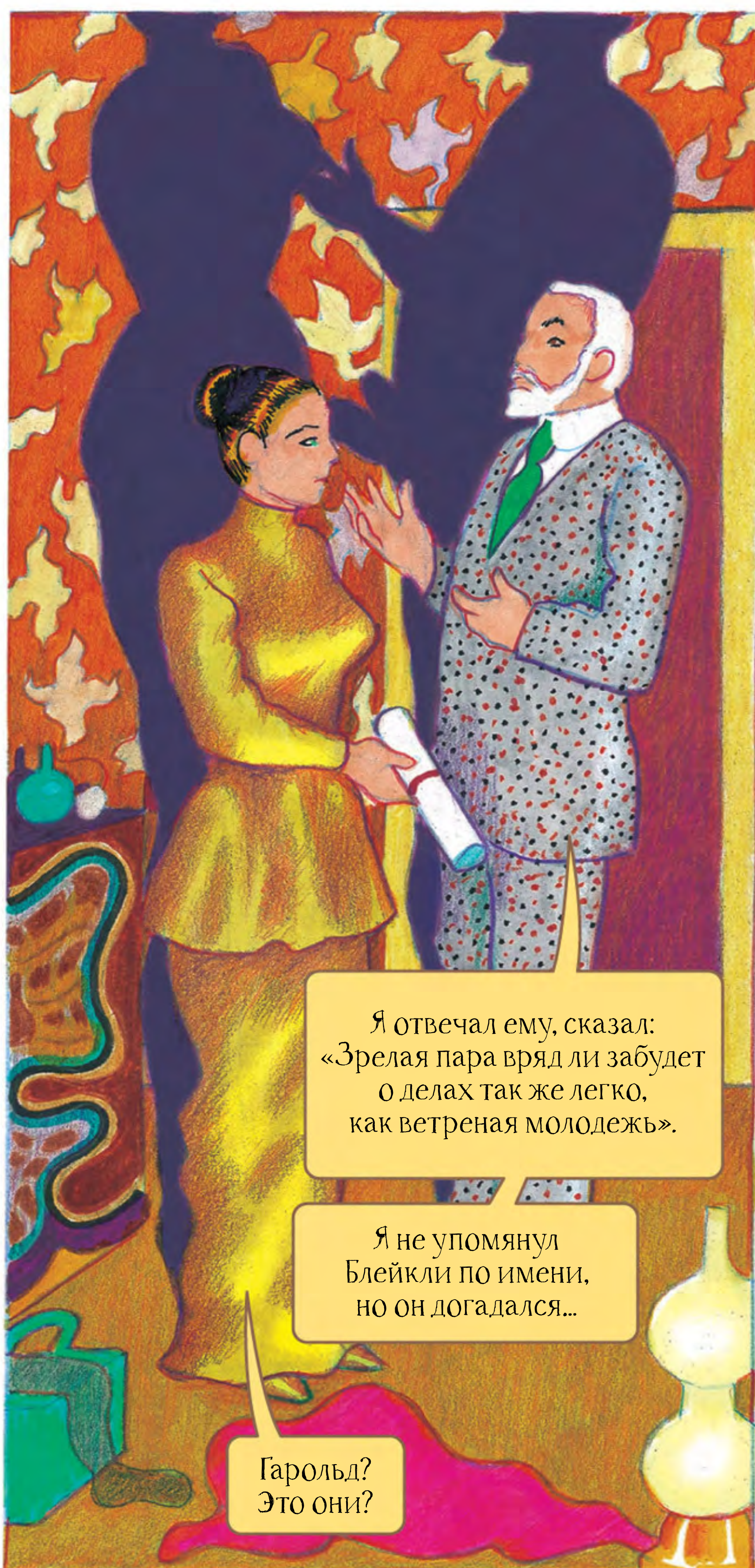
Документы!
Свиток договоров,
повязанный
ленточкой. Так и
знал, что нужно
было доставать их
самолично...

Погоди немного.
Дай разожгу
лампу для шитья и
помогу искать...

Лучшей помощью было бы
не убирать их не пойми куда!
Если они потерялись...

Право, старик Фэрбарн
и без того мне уже не доверяет!
Перед отъездом он сказал мне:
«Помни, это деловая поездка,
а не второй медовый месяц».

Я отвечал ему, сказал:
«Зрелая пара вряд ли забудет
о делах так же легко,
как ветреная молодежь».

Я не упомянул
Блейкли по имени,
но он догадался...

Гарольд?
Это они?

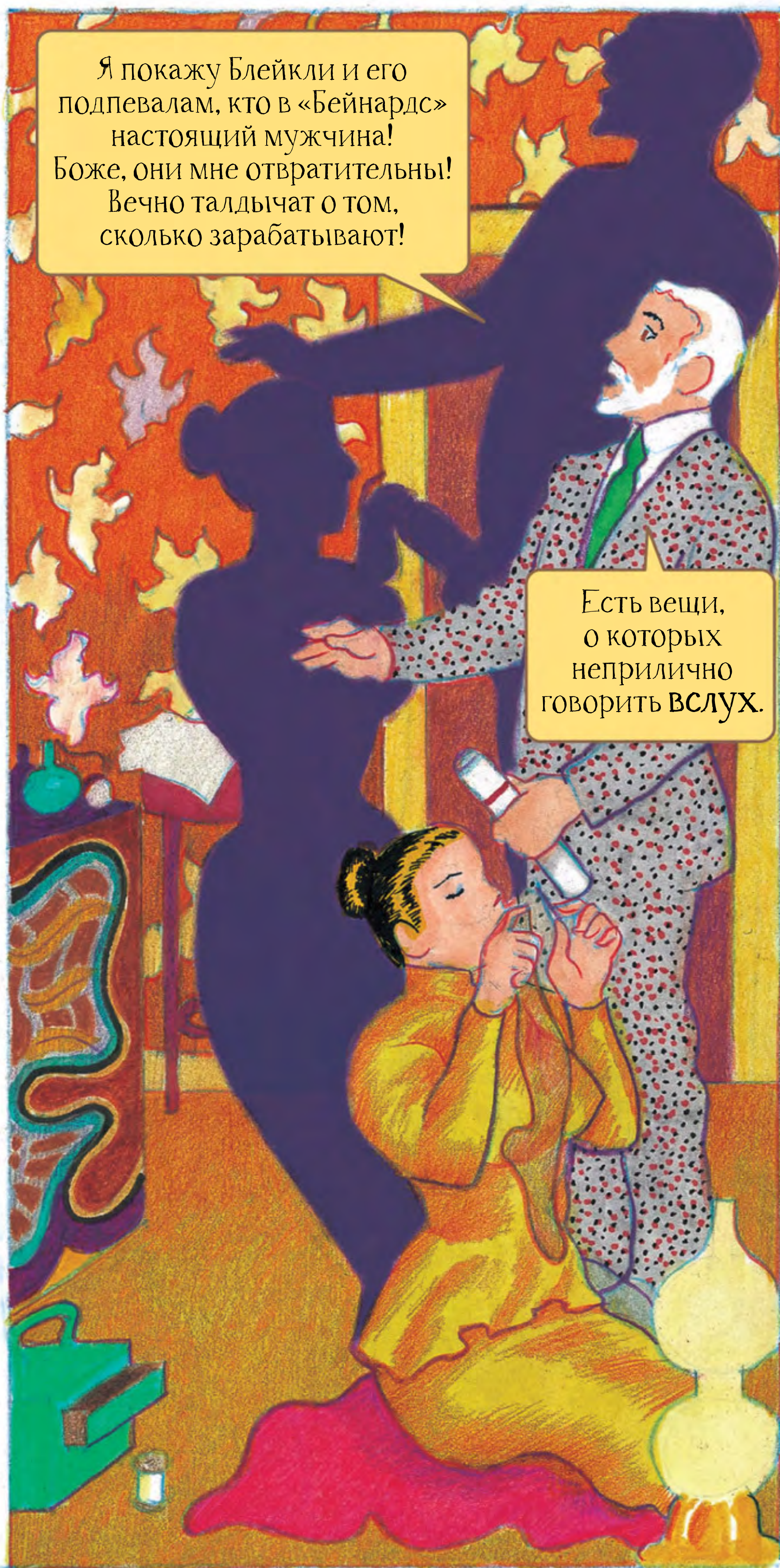

О. Да.
Да, они.
Спасибо.

Знаешь, мой
доклад будет
идеален. Брошу его
на стол Фэрбарну
и посмотрю ему
прямо в лицо.

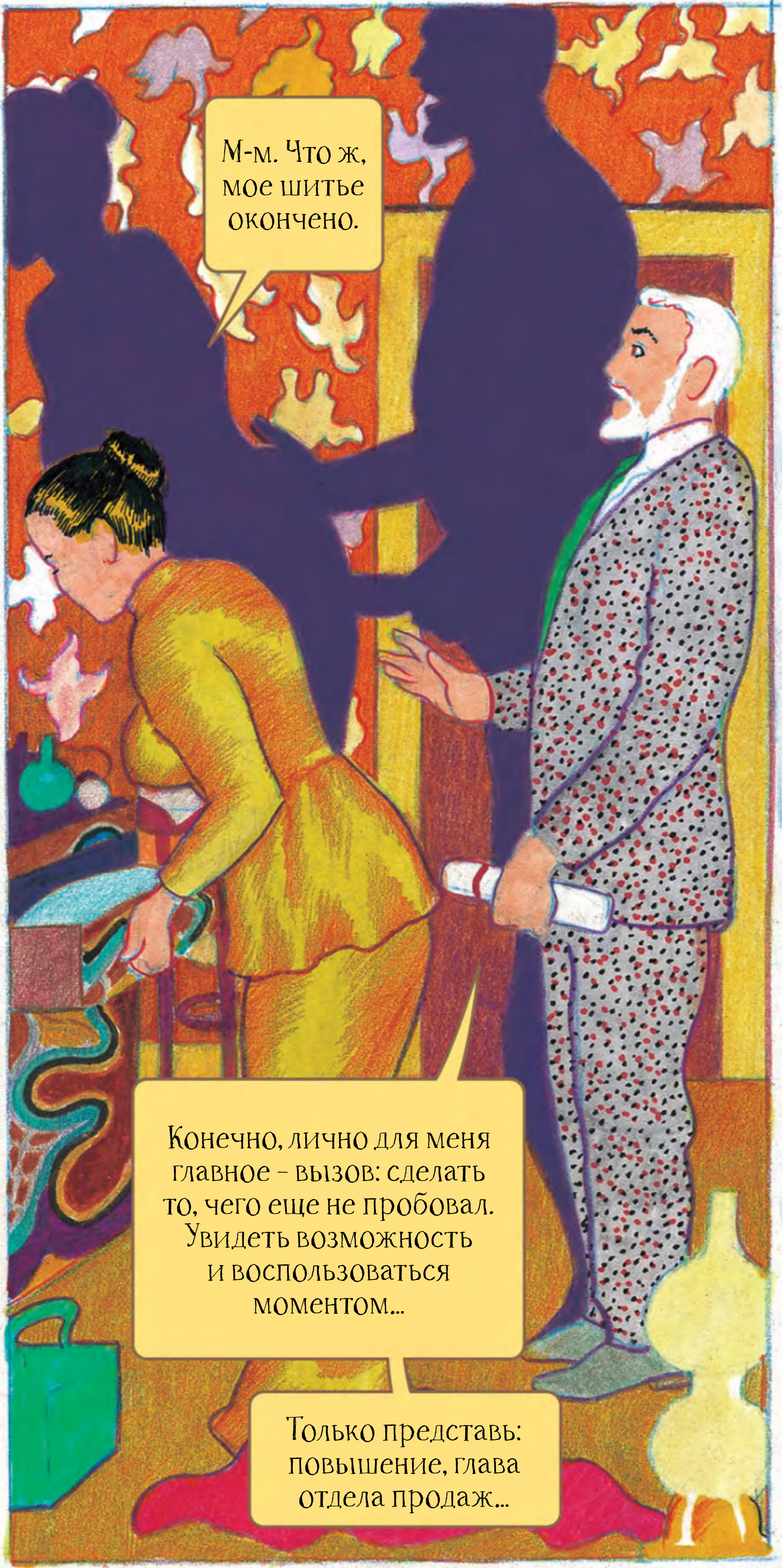
М-м.

Знаешь,
кое о чем
мечтаешь
очень долго.

Я покажу Блейкли и его подпевалам, кто в «Бейнардс» настоящий мужчина! Боже, они мне отвратительны! Вечно талдычат о том, сколько зарабатывают!

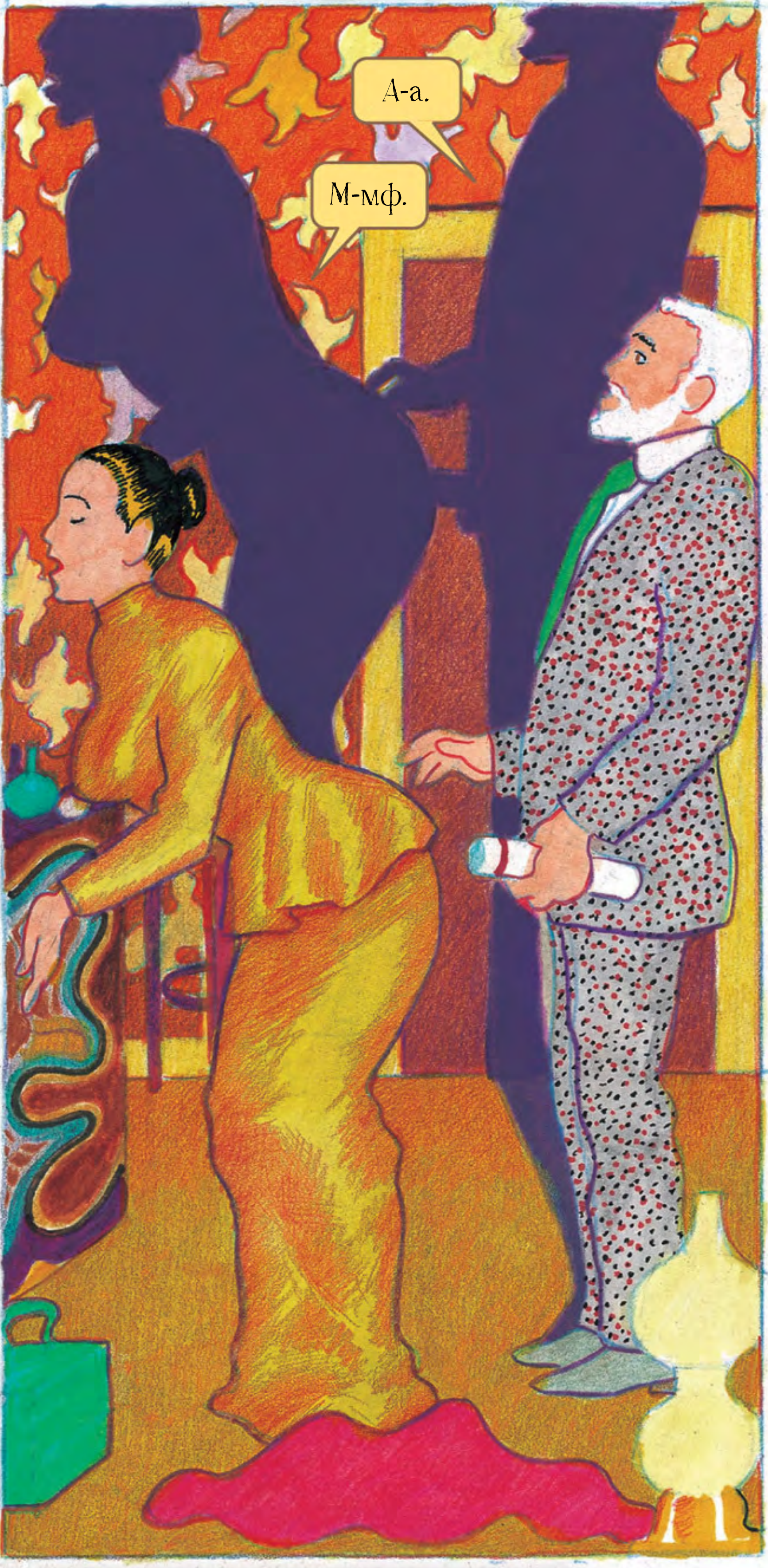
Есть вещи, о которых неприлично говорить вслух.

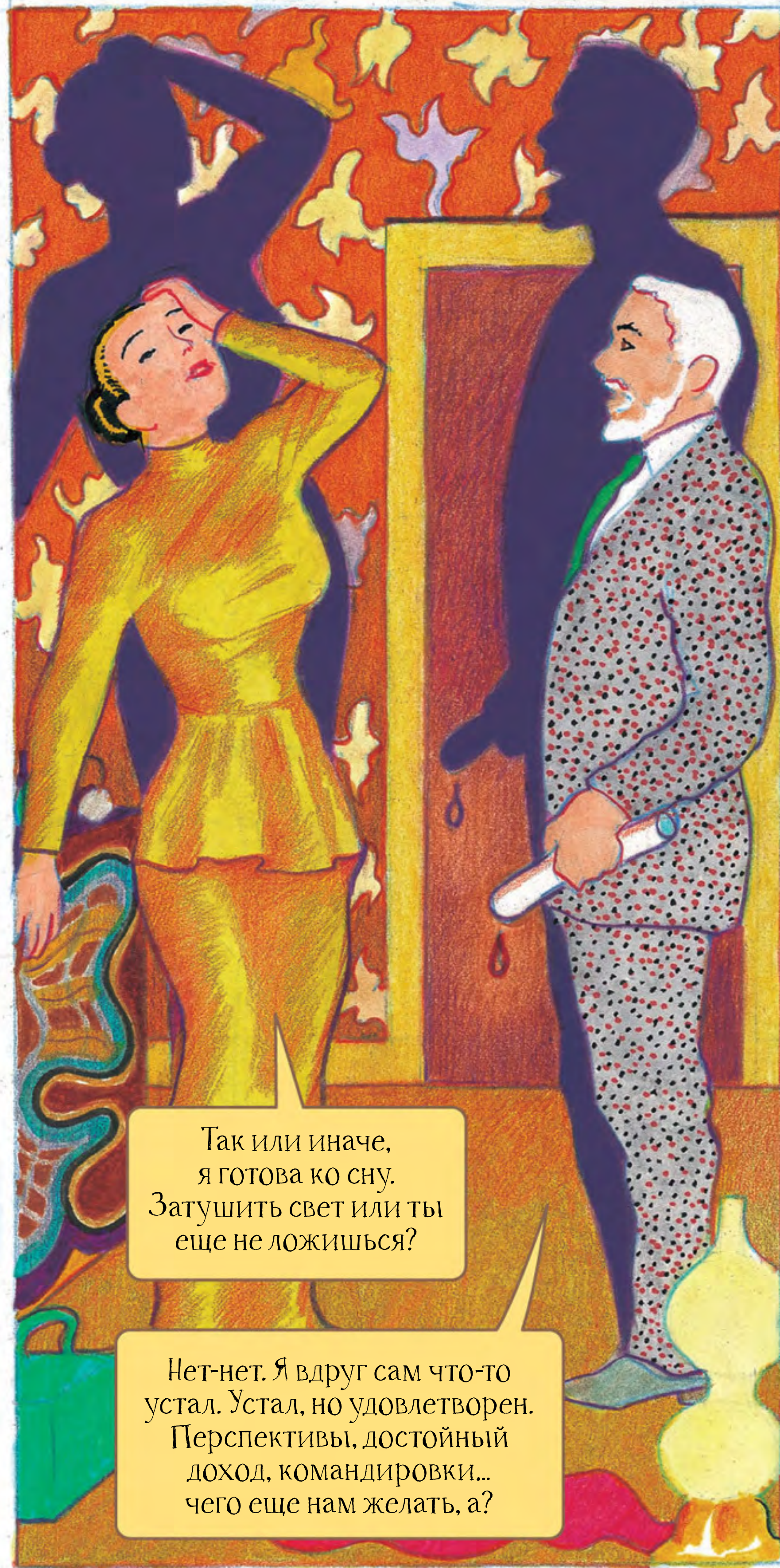
М-м. Что ж, мое шитье окончено.

Конечно, лично для меня главное – вызов: сделать то, чего еще не пробовал. Увидеть возможность и воспользоваться моментом...

Только представь: повышение, глава отдела продаж...

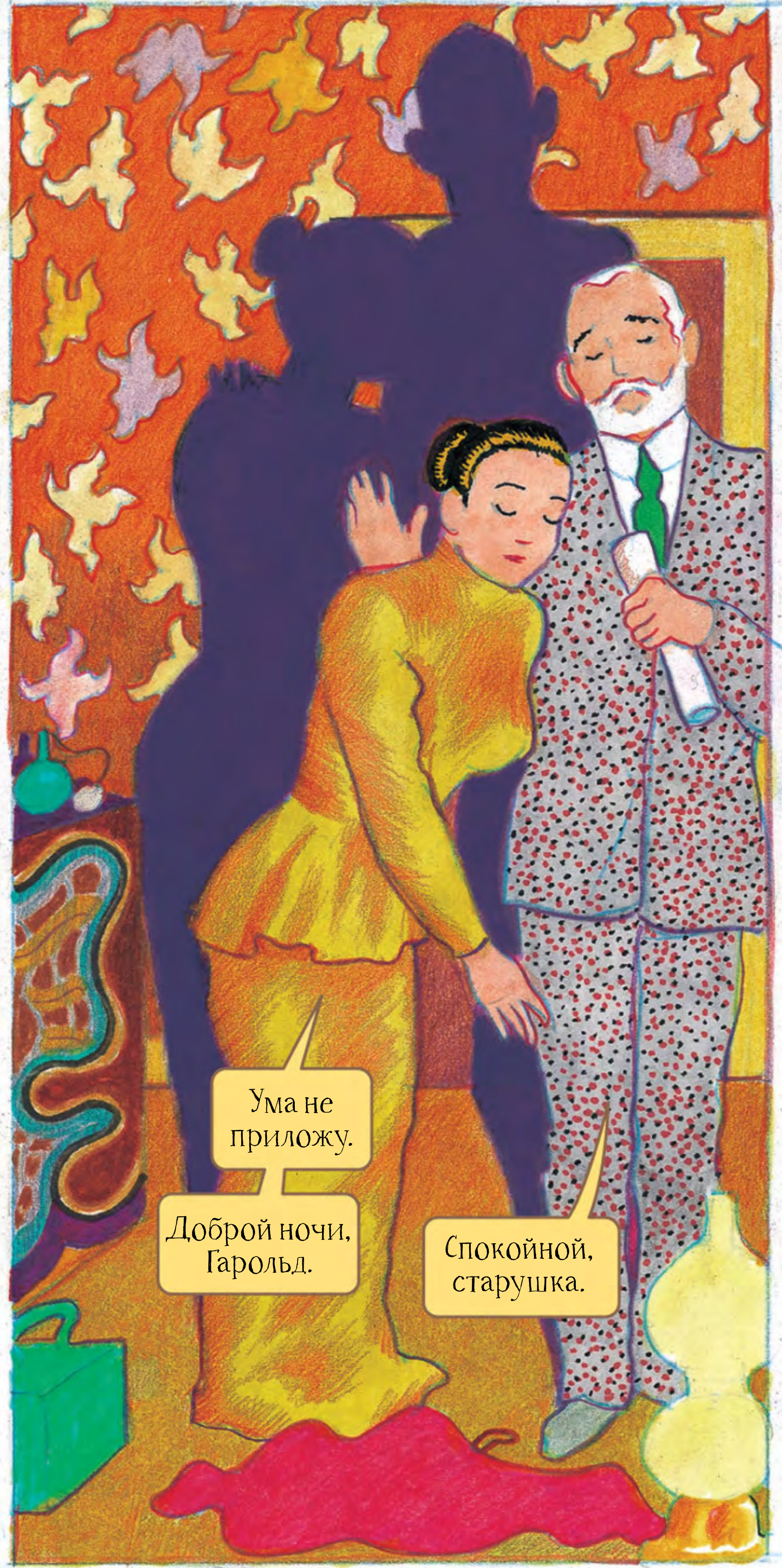

А-а.
М-мф.

Так или иначе, я готова ко сну. Затушить свет или ты еще не ложишься?

Нет-нет. Я вдруг сам что-то устал. Устал, но удовлетворен. Перспективы, достойный доход, командировки... чего еще нам желать, а?

Ума не приложу.
Доброй ночи, Гарольд.

Спокойной, старушка.

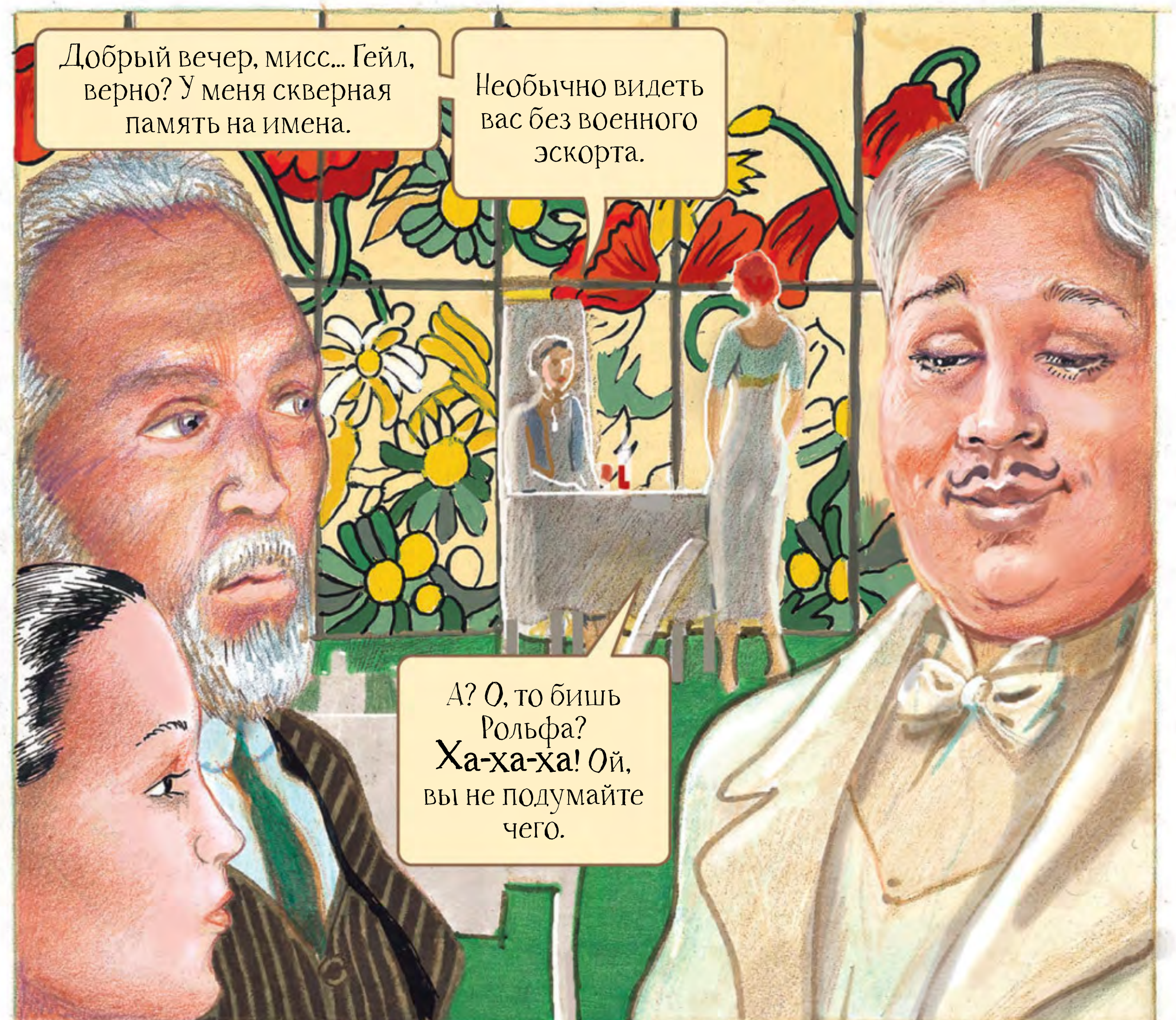
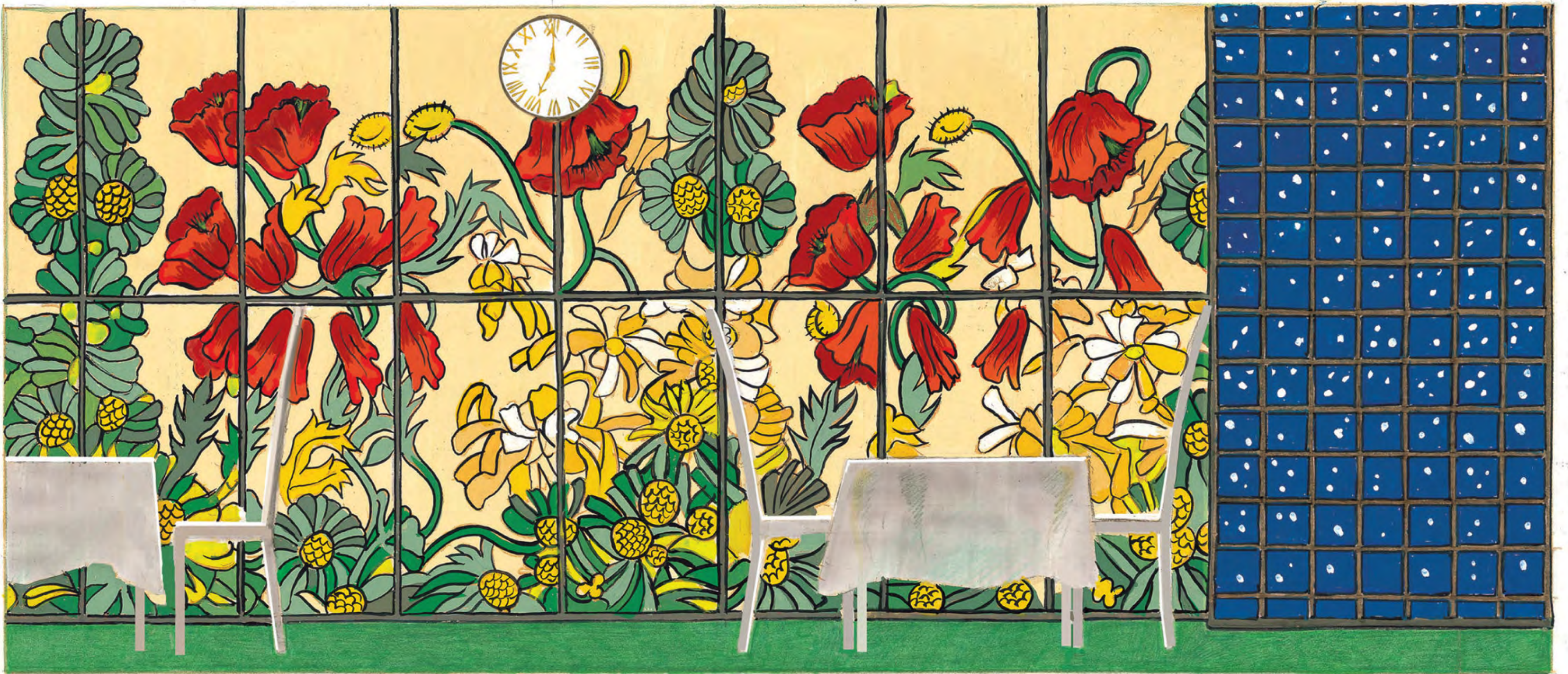

Глава

4

Маки

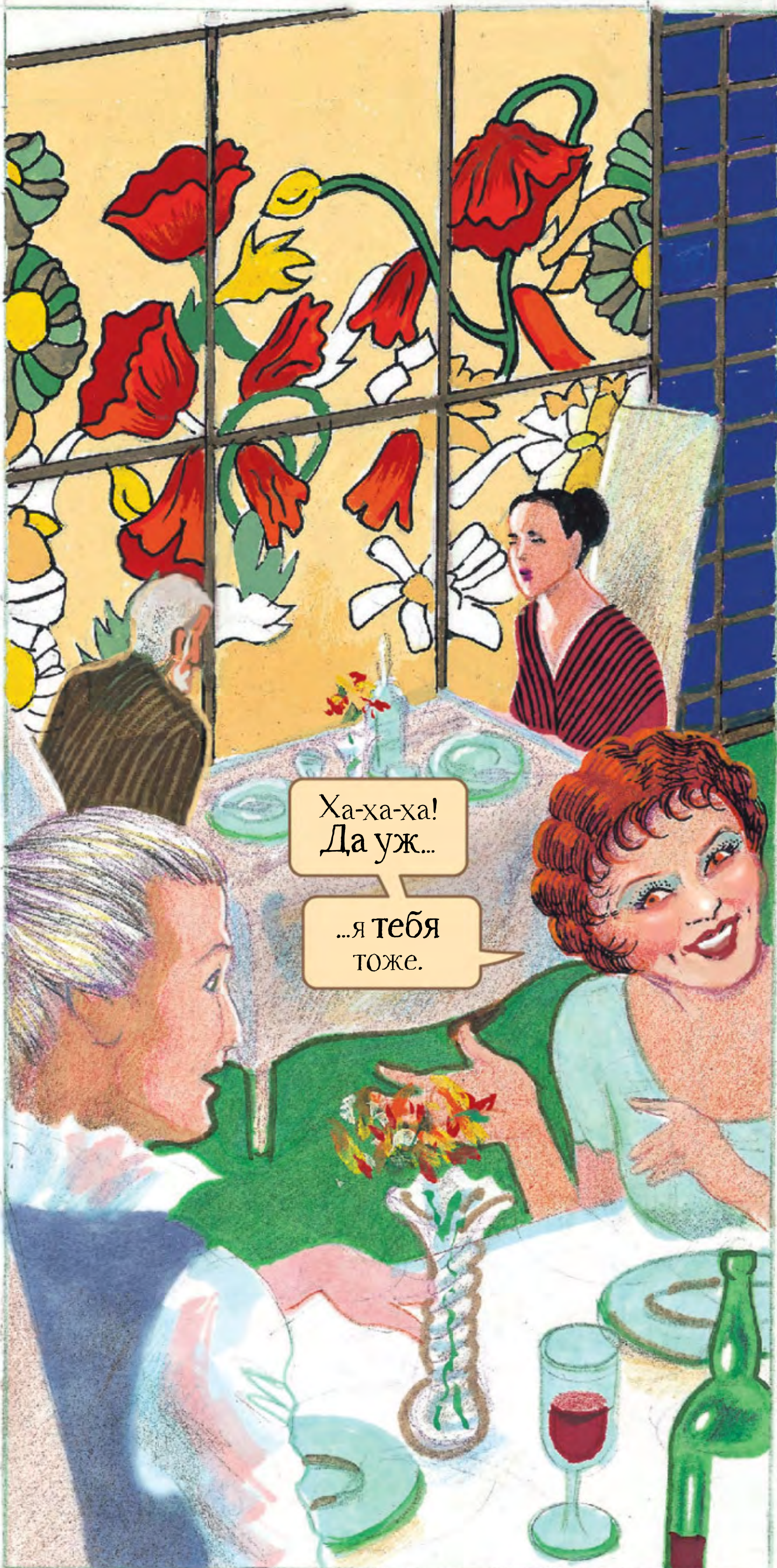
...Она вышла за дедушку всем назло и нанесла родословной непоправимый удар. Так что наша кровь не такая уж голубая... скорее разбавленная лиловая.

Пха-ха-ха! Прекрати, мне так смешно, что я есть не могу!

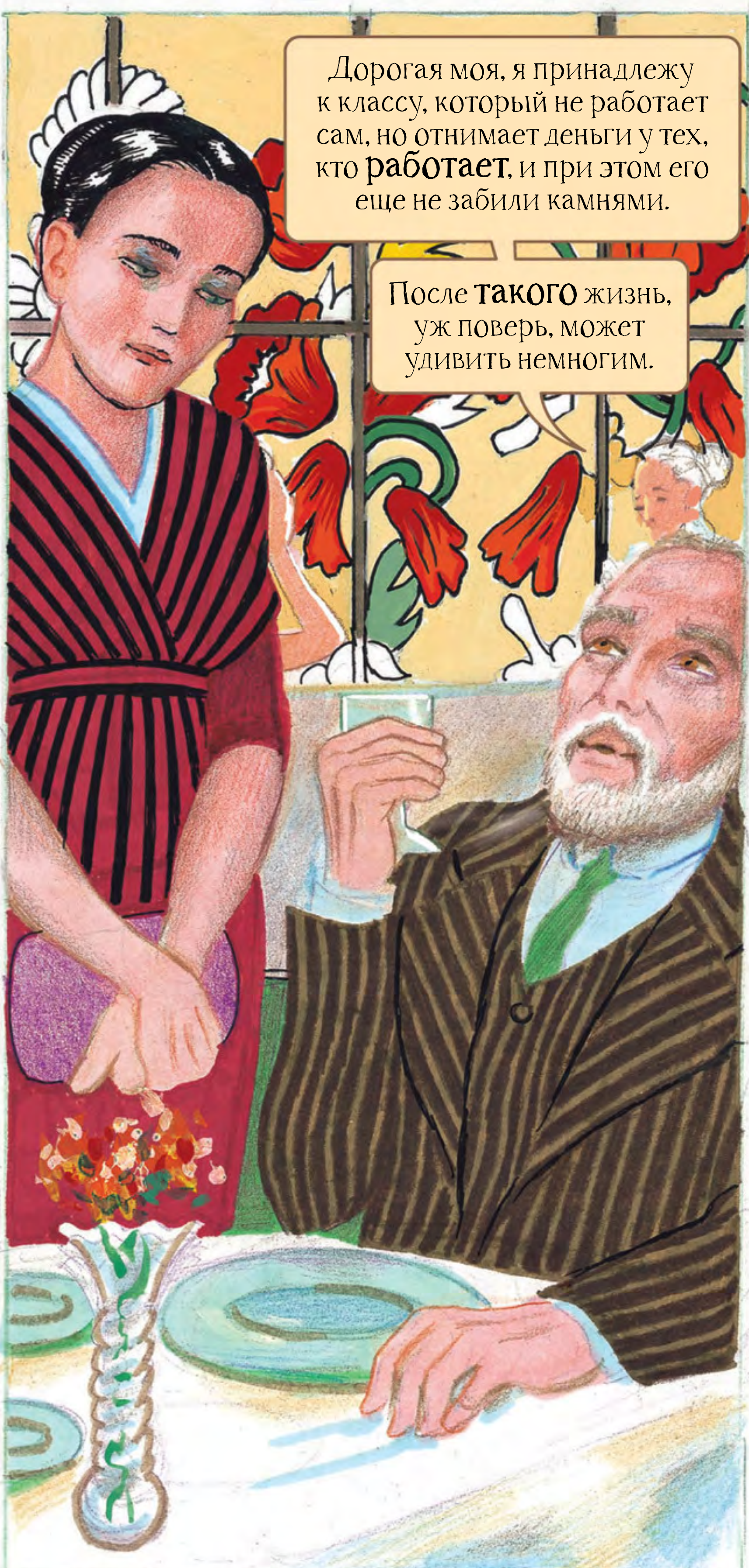
И то сказать, твои истории, всякие места и люди... ты в **своей** жизни делала много такого, чего я никогда не делала.

Ха-ха-ха... Я могла бы тебя удивить.

Ха-ха-ха! Да уж...

...я тебя тоже.

Дорогая моя, я принадлежу к классу, который не работает сам, но отнимает деньги у тех, кто **работает**, и при этом его еще не забили камнями.

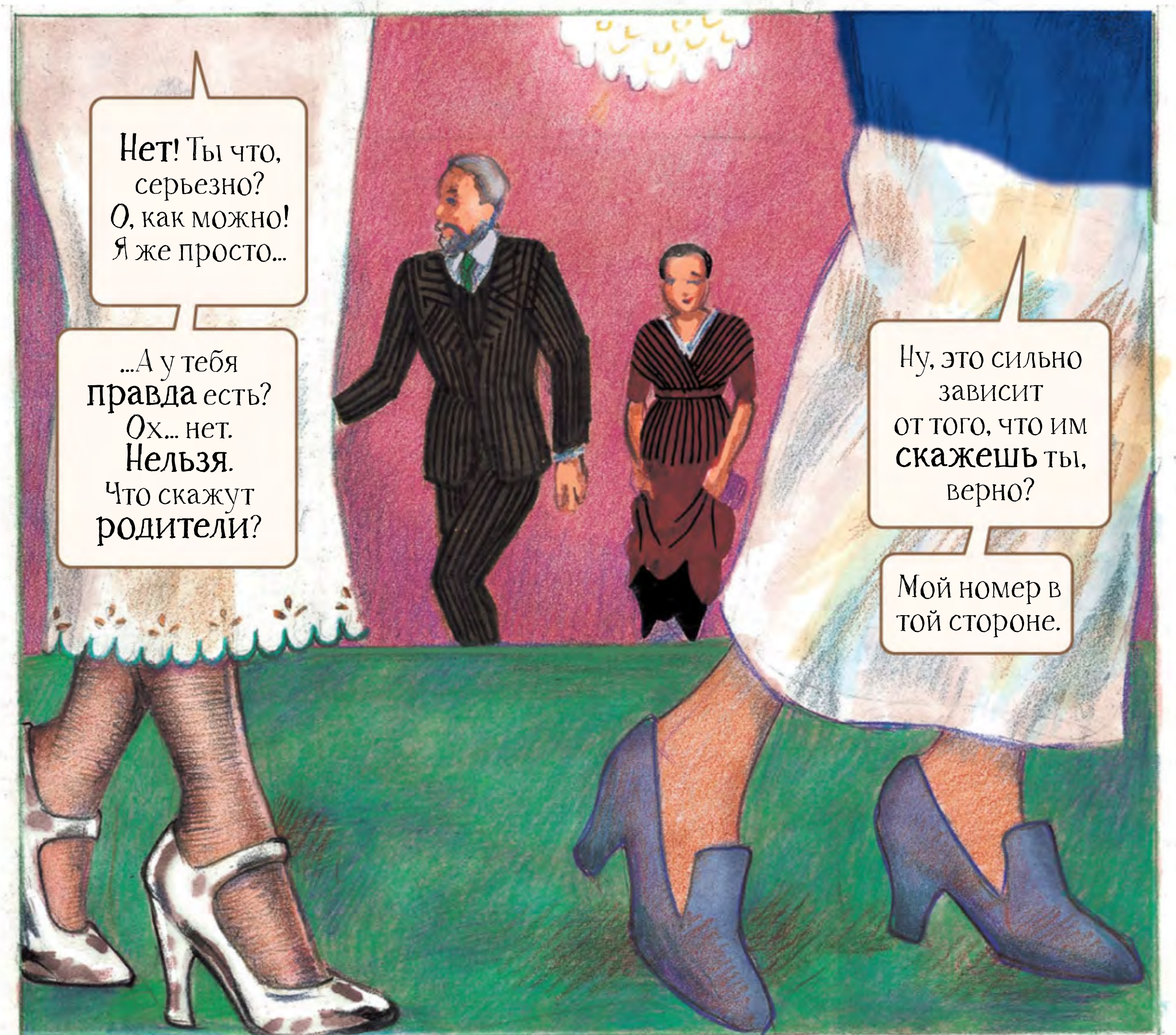
После **такого** жизнь, уж поверь, может удивить немногим.

Ха-ха-ха-ха! Провалиться мне на месте, что ты наговорила о своей родне...

Нонсенс. Послушала бы ты, что они говорят обо **МНЕ**.

Ну что же, рискнем с десертом? Персиковый шербет выглядит привлекательно, согласна?

О... в твоём номере тоже есть такая белая Библия. Я свою просто спрятала куда подальше. В Канзасе на них насмотрелась.

Ха-а-а!

Право! Канзас, видимо, ДИКО прогрессивное место. Ты не заглядывала внутрь?

Внутрь Библии? Ну, нет, я и не...

..Ой! Что же это, срам какой-то!

О, а как по мне, так весьма забавно. Вот... попробуй вот это.

Поможет пережить шок.

⇒фффф⇐
М-м-п-п.
Вот так?

⇒фффл⇐

Хм. Может статься, не все попадает в рот. Надо сосать сильнее...

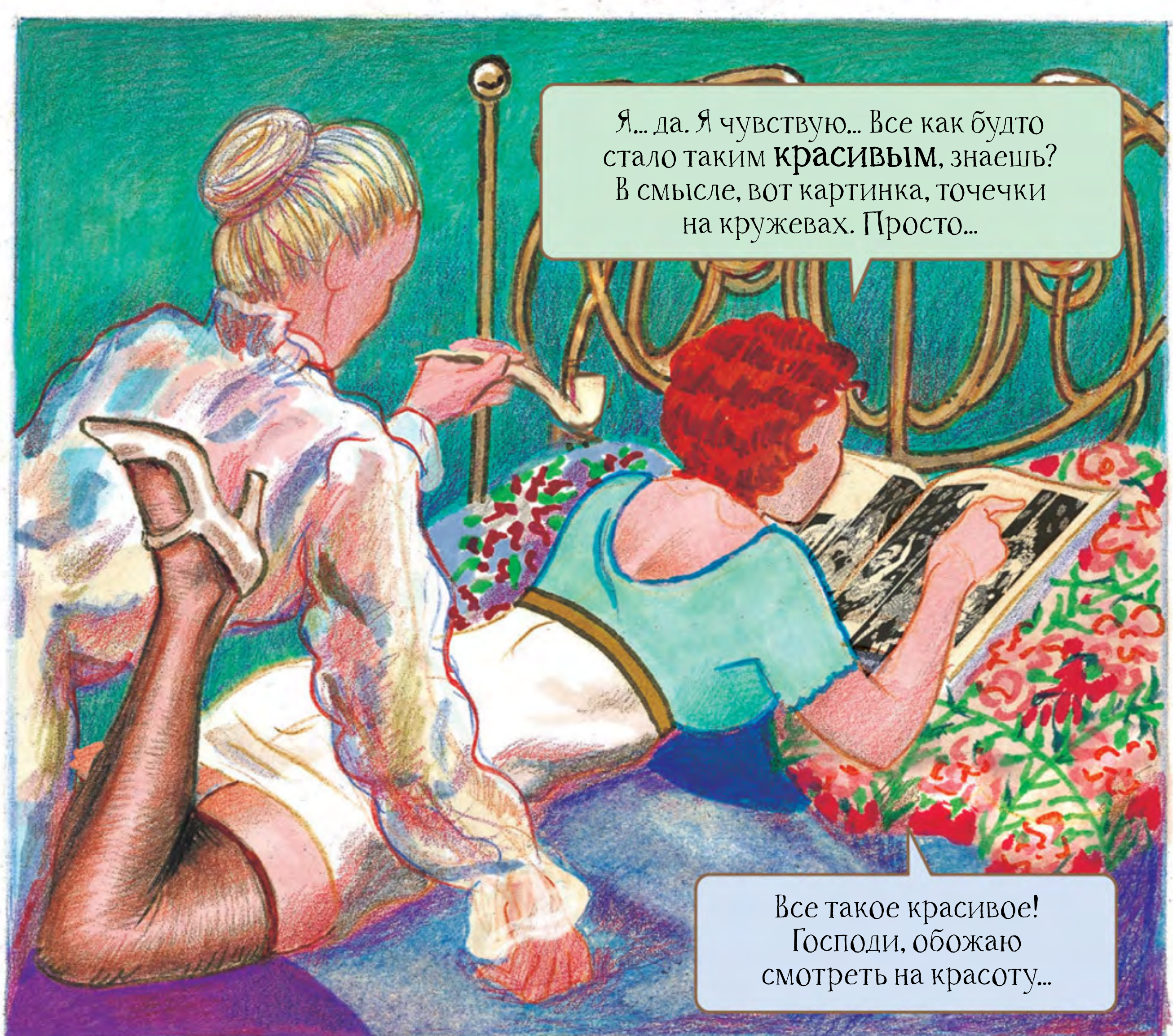
Ву-ху-у!..

Ву-у.

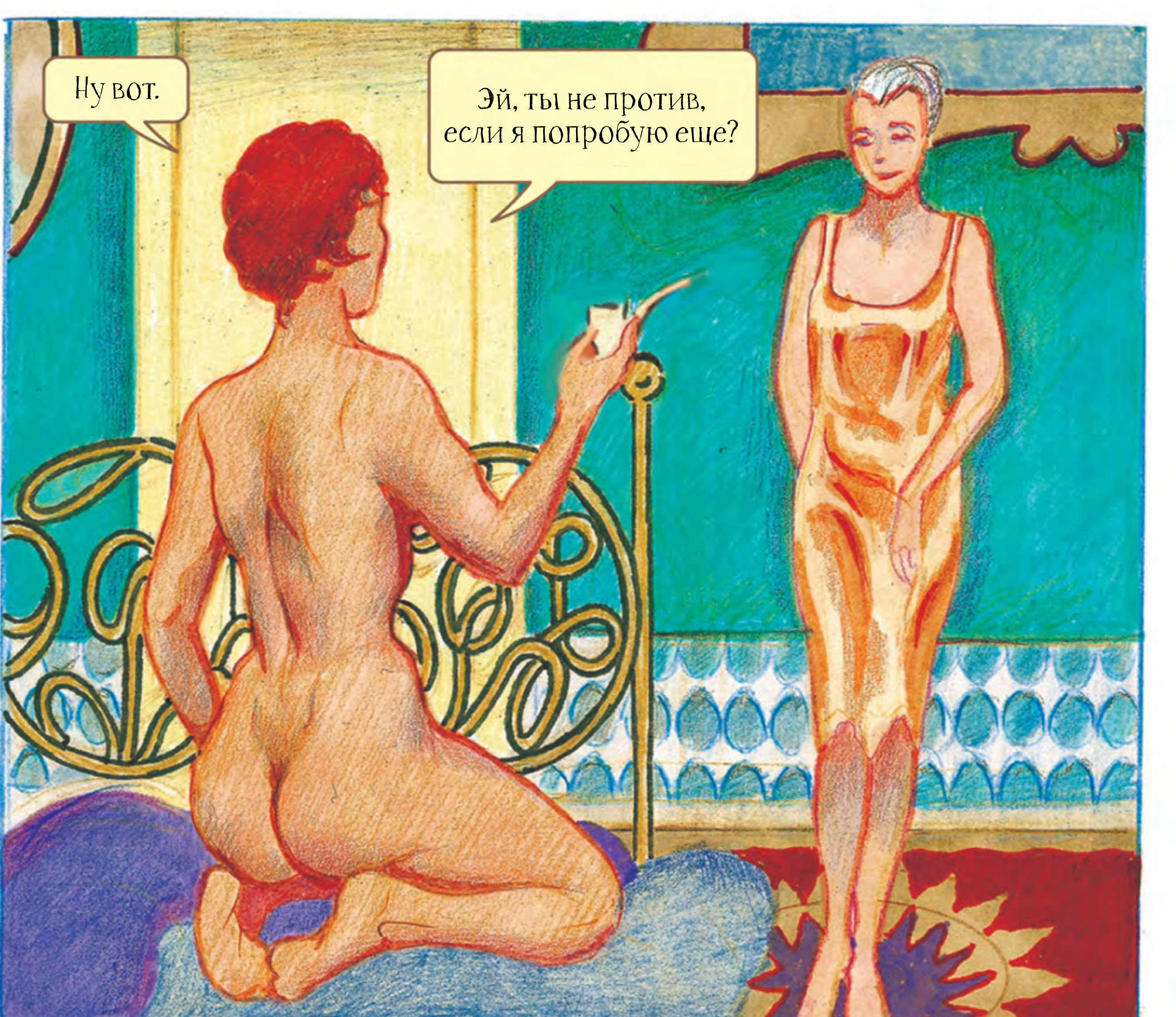
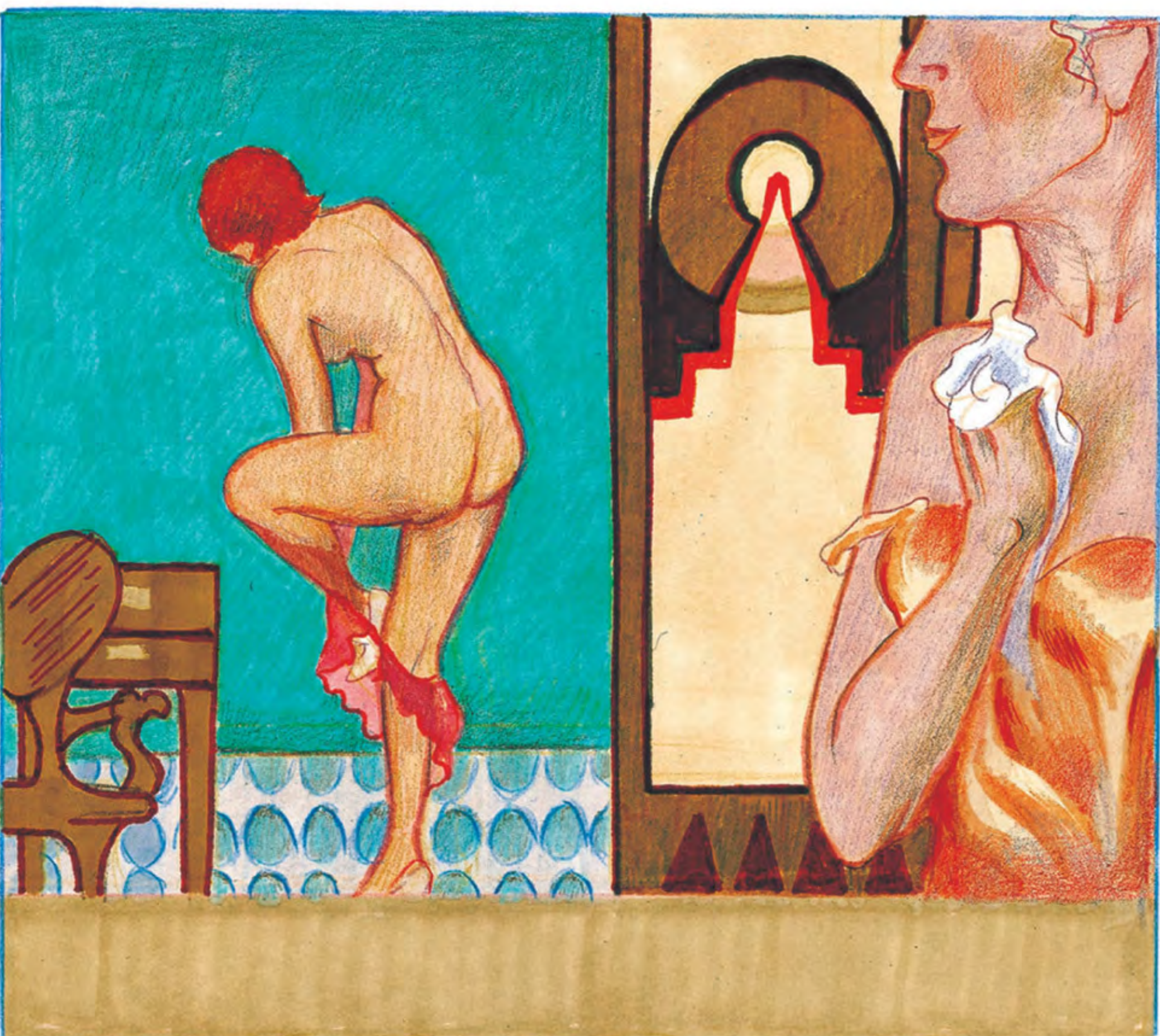
Ой, прости. Я сама не знаю, что это у меня с ногами. Вот... лучше заberi, наверно...

Конечно... Но как ты себя чувствуешь? Хорошо?

Я... да. Я чувствую... Все как будто стало таким красивым, знаешь? В смысле, вот картинка, точки на кружевах. Просто...

Все такое красивое! Господи, обожаю смотреть на красоту...

М-м-м...

На здоровье.
Довольно
приятно, верно?
Мечты становятся
намного ближе...

Так, дай мне
руку...

О-о, как
шелковисто
на ощупь!..

...Ты еще
будешь
курить?

А-ах, ах-х,
да, да, но
не убирай
руку.

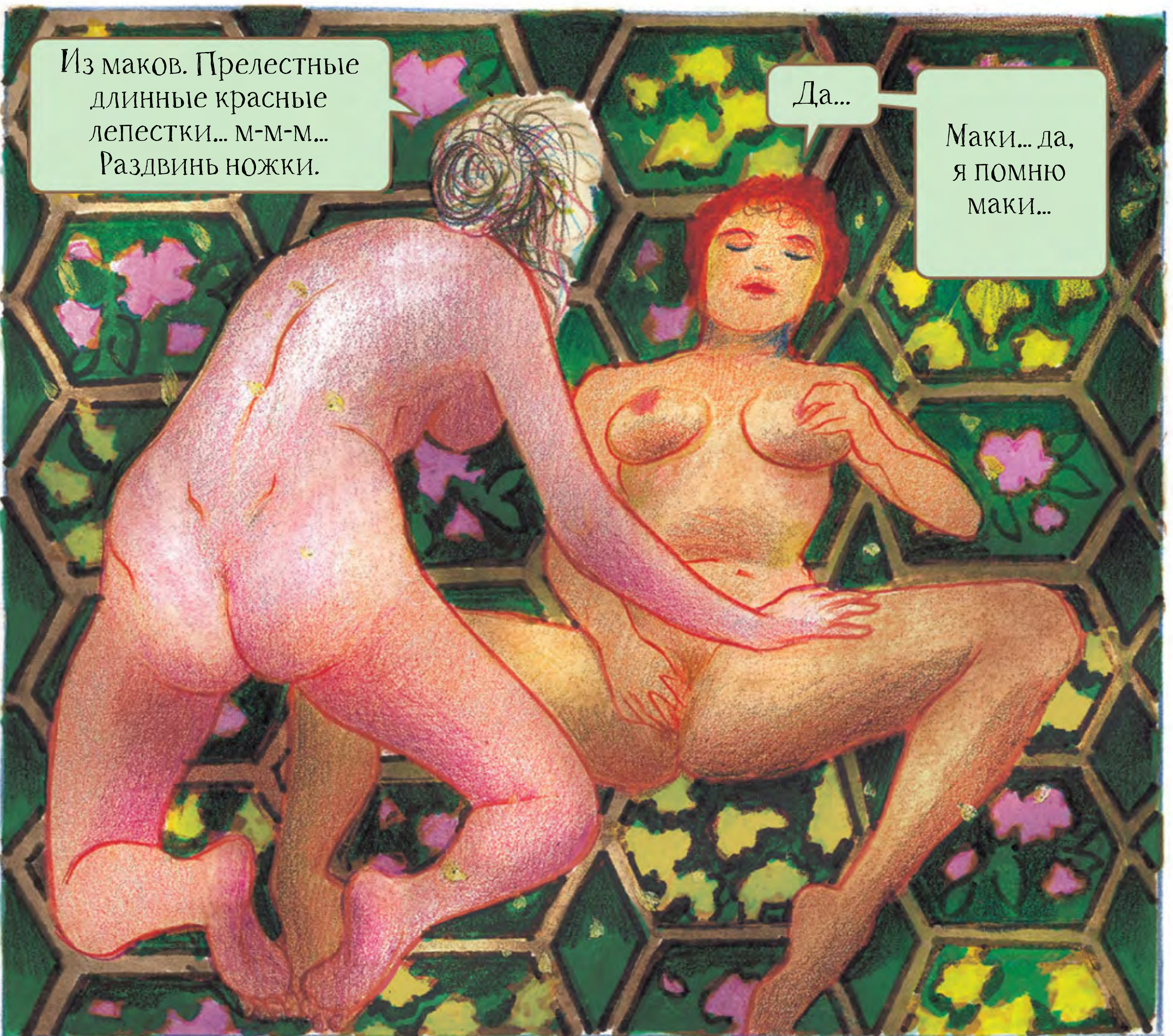
Набери в рот
и передай мне
через губы...

Хах-х-х...

М-м-м-м. Минутку, мне
показалось, или в соседнем
номере воскликнула женщина,
а какой-то мужчина спросил:
«Тебе больно?» - ха! Может,
и ОНИ занимаются этим, а?

Боже, как же
здорово! Откуда
эта штука берется?

Из маков. Прелестные
длинные красные
лепестки... м-м-м...
Раздвинь ножки.

Да...

Маки... да,
я помню
маки...

Я... я была
в маковом
поле. Я заснула.

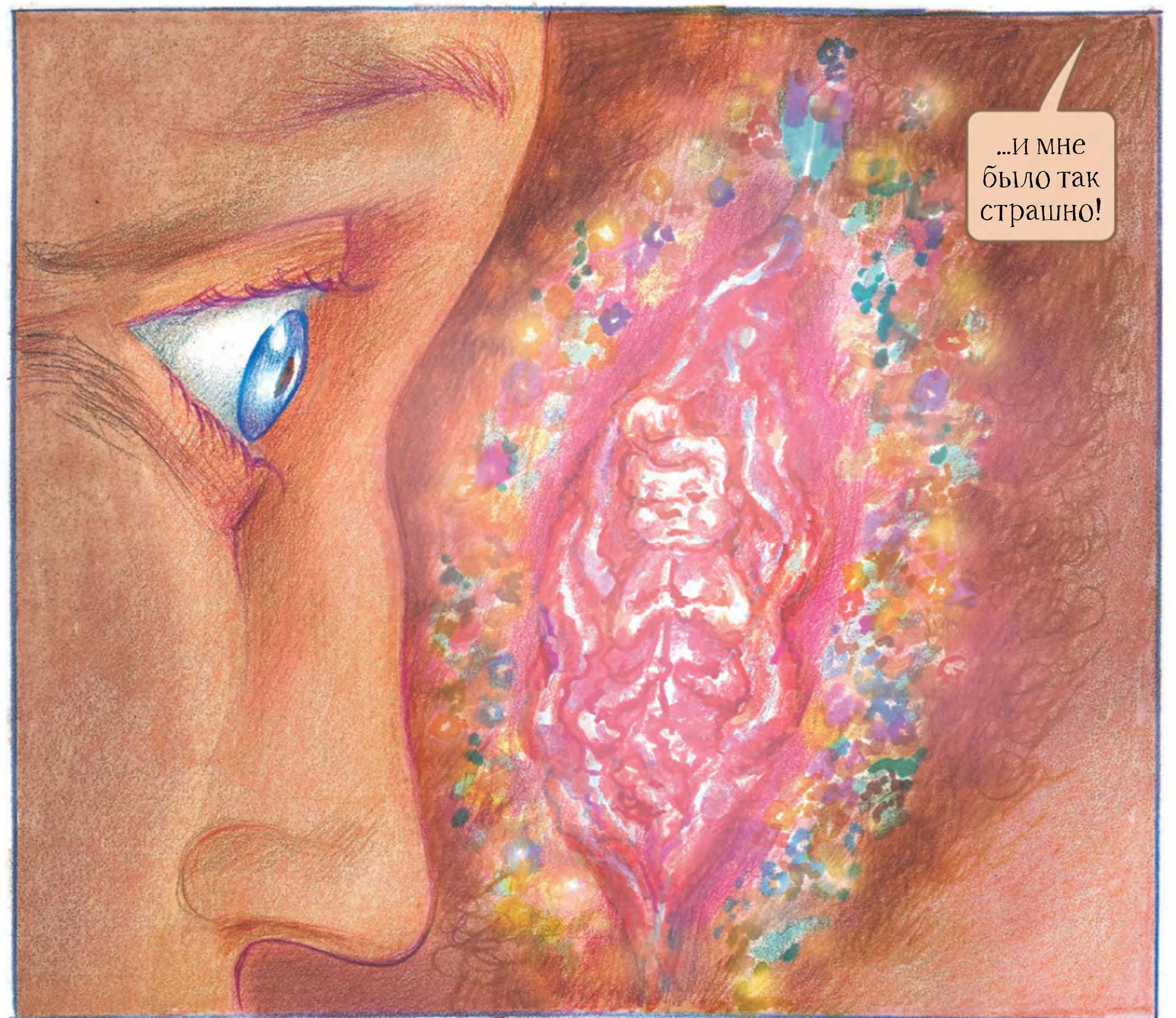
О, как хорошо!
Как **ХОРОШО**
у тебя полу-
чается!..

В поле... одни маки, всюду.
И... и стало темно.
Да... и кто-то меня искал.

...И стало холодно, и...

...и чувствовала я, и чувствовала я ТОЛЬКО маки...

...и мне было так страшно!

А-ах!

Ой! Ой, что?..
Что случилось?
Что я сделала?

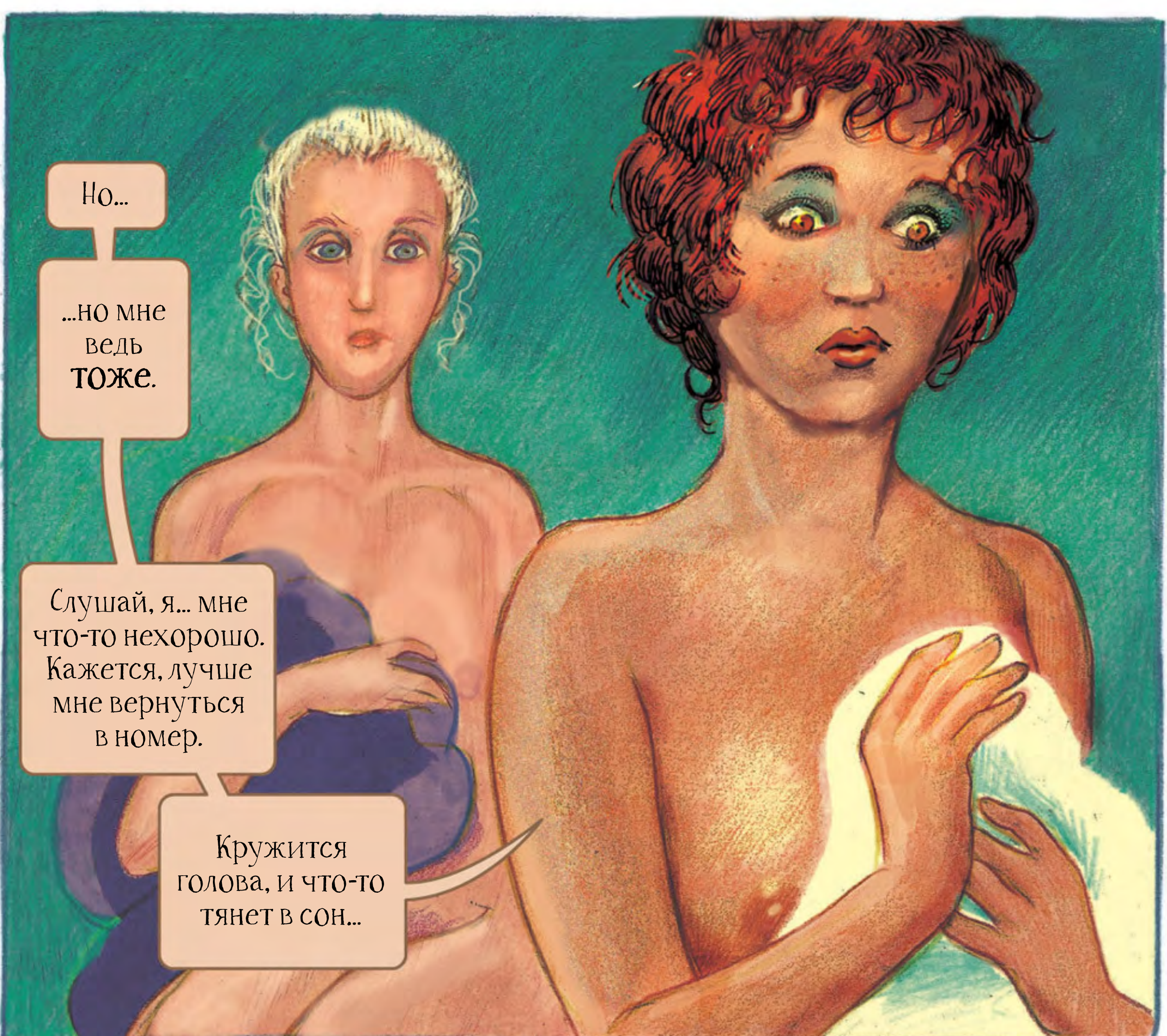

И... ничего. Я...

Боже мой, я...

Я... мне просто что-то мерещится, вот и все. Просто вспомнился один... один мой старый сон. Одна игра...

...из далекого детства.

Но...

...но мне ведь ТОЖЕ.

Слушай, я... мне что-то нехорошо. Кажется, лучше мне вернуться в номер.

Кружится голова, и что-то тянет в сон...

Да. Да, мне тоже. Спи крепко.

Да. Да, конечно. Вот... можешь взять халат. Мы поговорим наутро, утро вечера мудренее.

Мне правда кажется, что нам стоит поговорить.

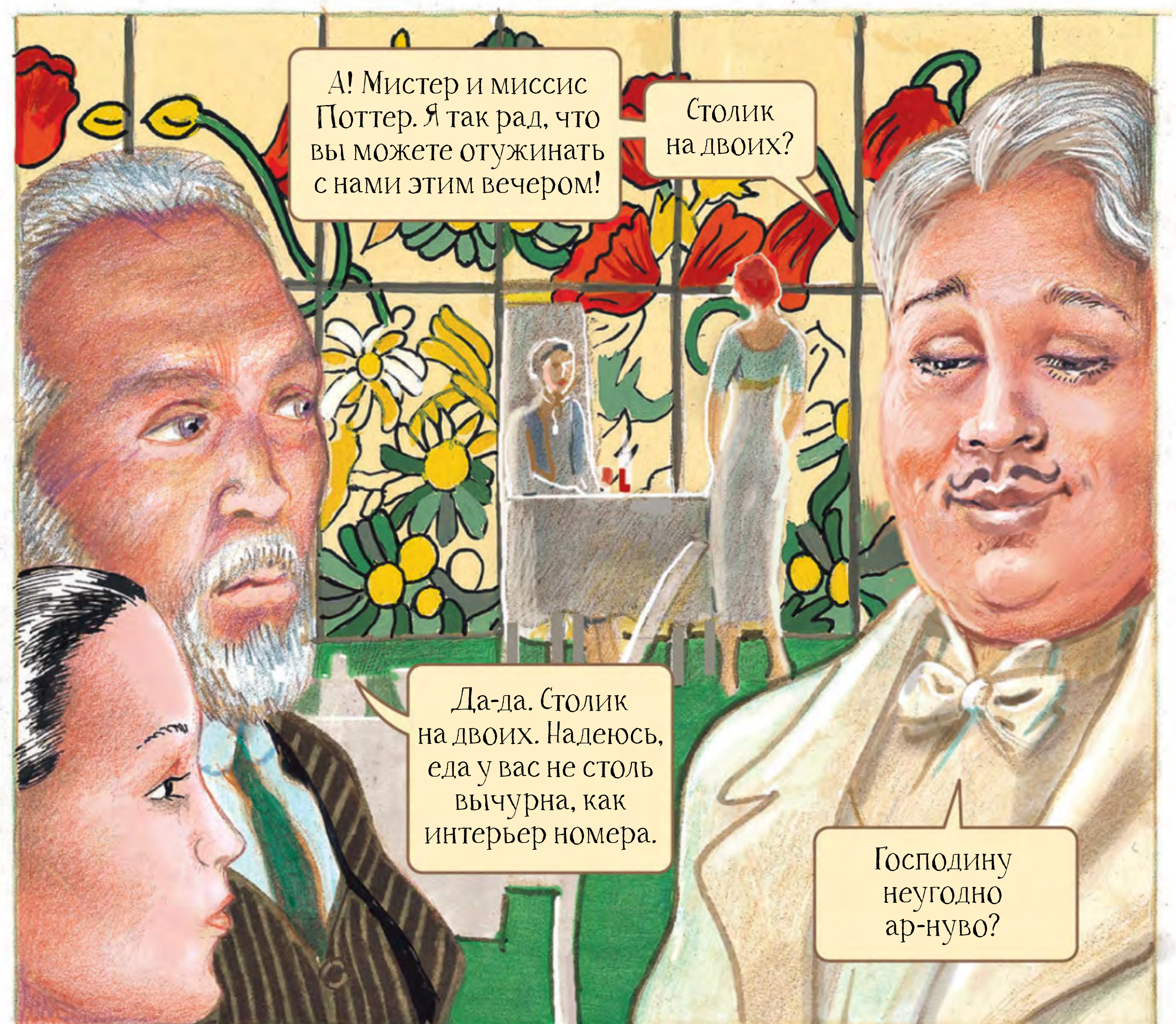
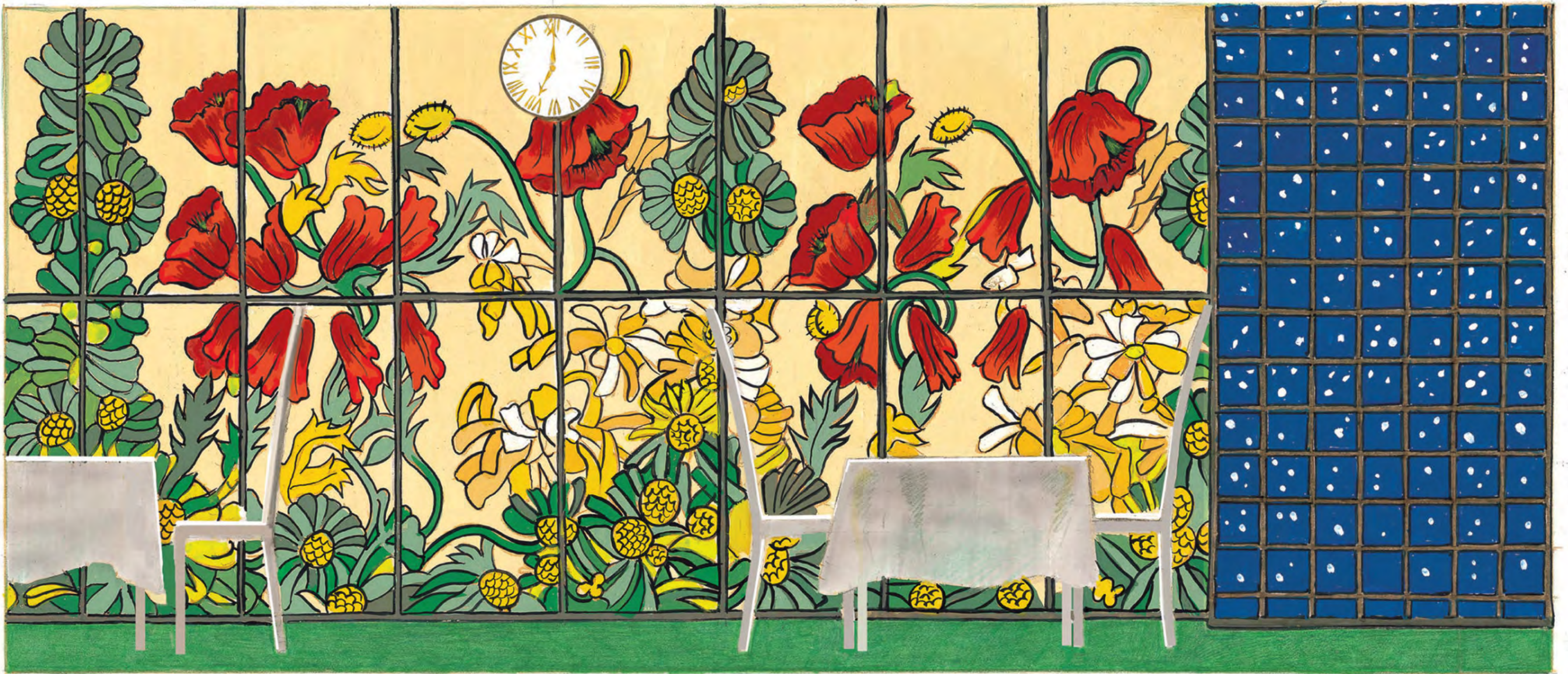

Глава

5

Прямо до самого утра

...А в-пятых, если уж говорить о **НАСТОЯЩИХ** художниках нашего времени, тогда, как по мне, никто в подметки не годится молодцам, проектирующим наши корабли. Они...

Дорогая, ты слушаешь?

Прости, Гарольд. Я просто ем.

Хм-м. Да, и лосось весьма неплох. Короче говоря, будущее - за промышленным дизайном. Ар-нуво - лишь модный нонсенс, плевков в лицо реальности.

Лопасты и пропеллеры. **ВОТ** где красота! А не в фавнах и фауне...

...И, разумеется, это ужасное декадентство - барахтаться в сентиментальщине, удовольствии без цели. Сплошь декорации и сладкая глазурь...

...все это слишком женственное, вот что. **Женственное.**

Тогда как крейсера...

Я... прости меня, Гарольд, но могу я отлучиться? Мне нужно посетить уборную...

О. Валяй, старушка.

Я попрошу меню и выберу десерт, а?

Ах! Мистер Поттер! Декор не испортил ваше пищеварение?

Ха-ха! Нет-нет... И все же это все не в моем вкусе. Но стряпня удачная, не поспоришь.

Было очень вкусно. Спасибо.

Хмпф. Забавный мальчик, этот управляющий. Только скользкий, на мой взгляд. Он...

О, кстати, вот и престарелая пташка из номера по соседству с нашим. А это ее дочь, как думаешь?

Я... я не уверена. Кажется, у нее американский акцент...

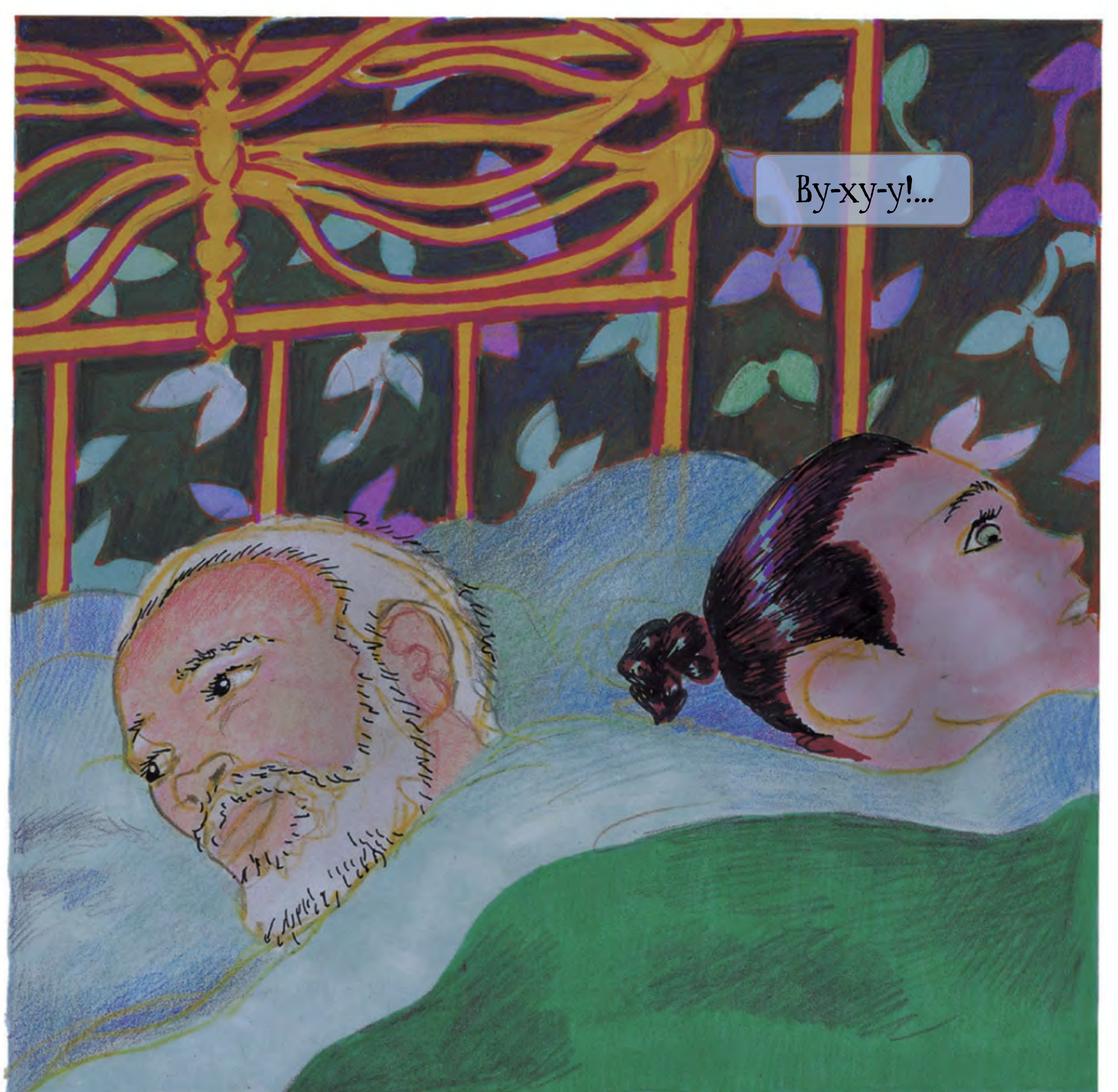
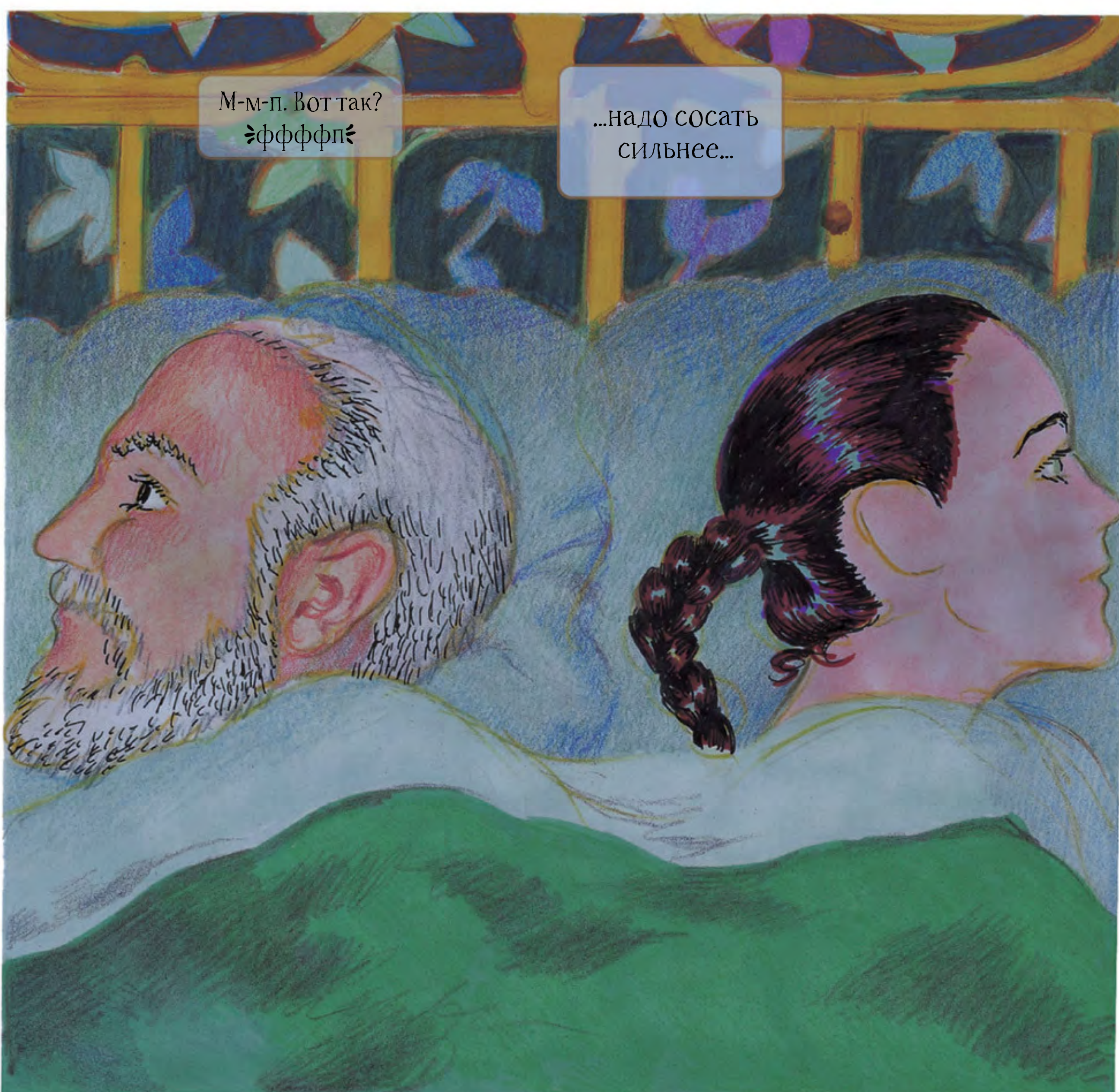
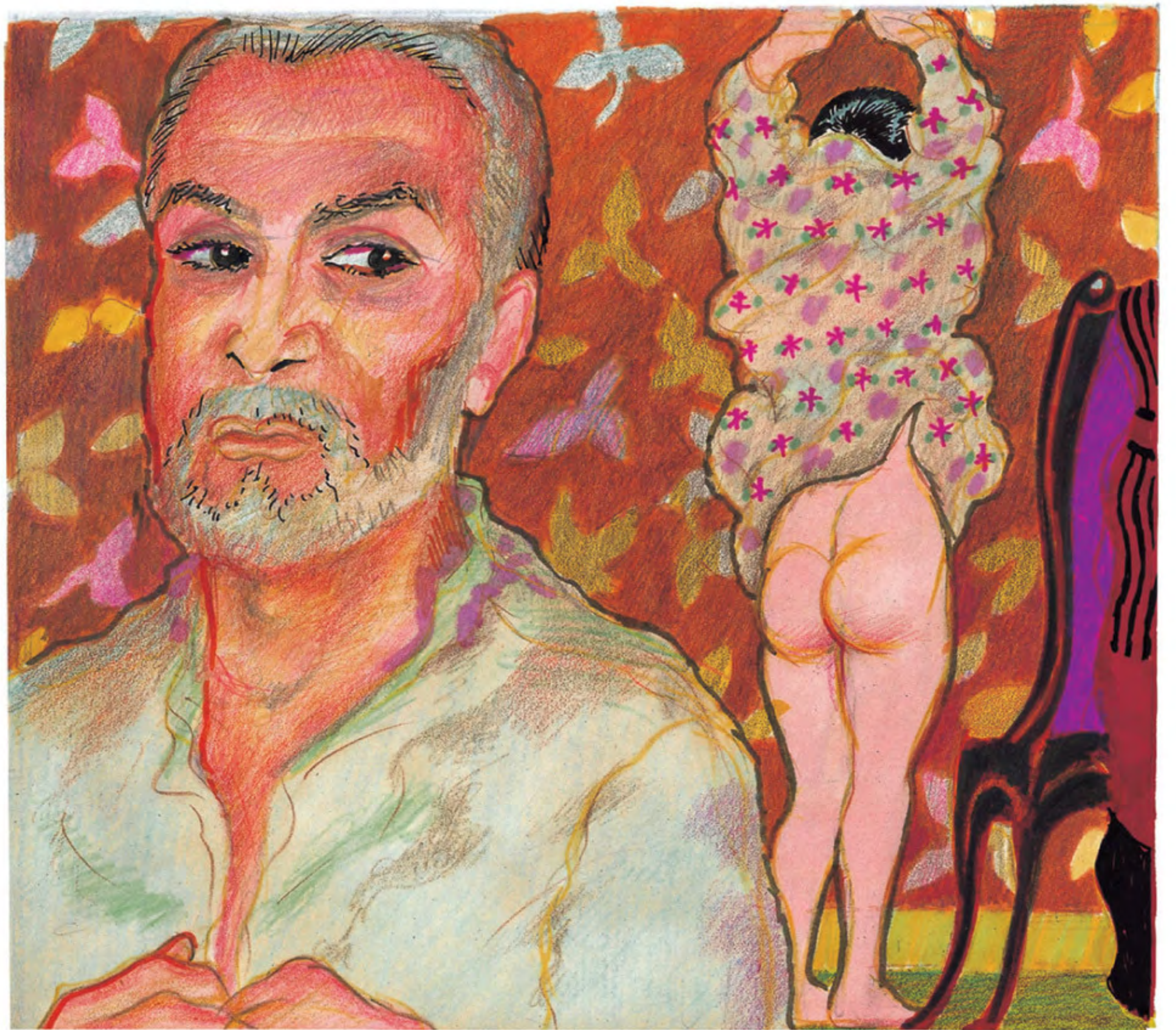
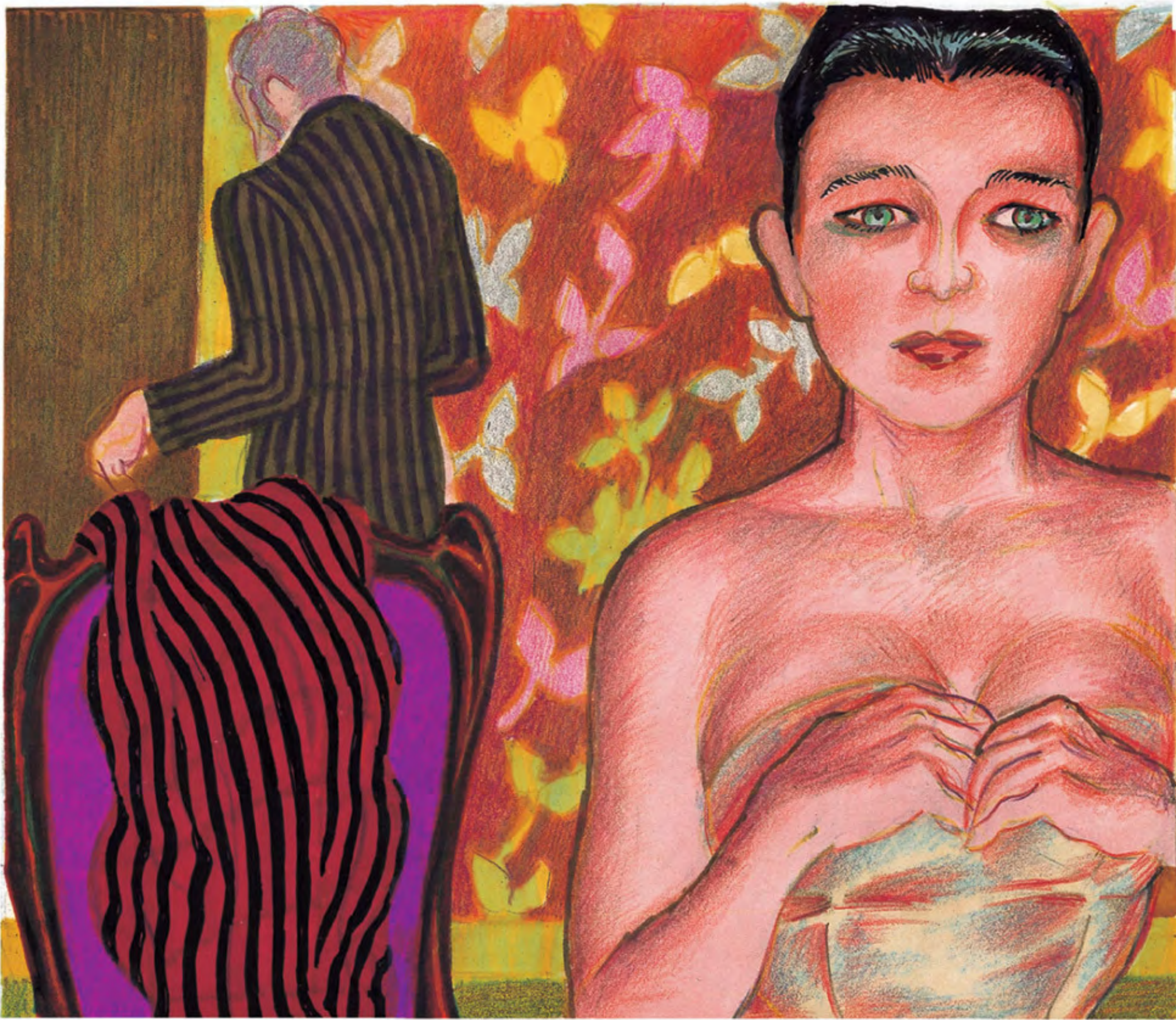

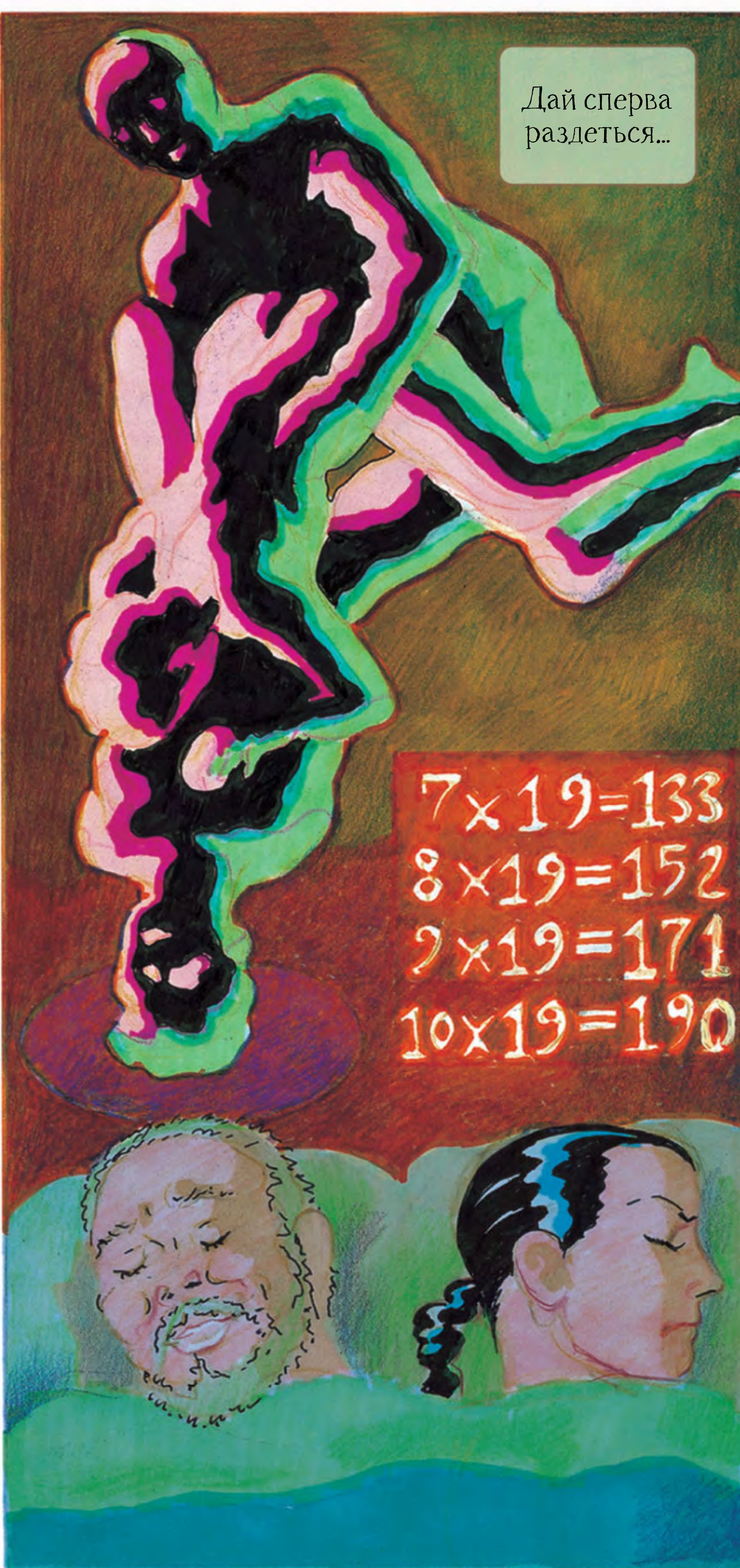
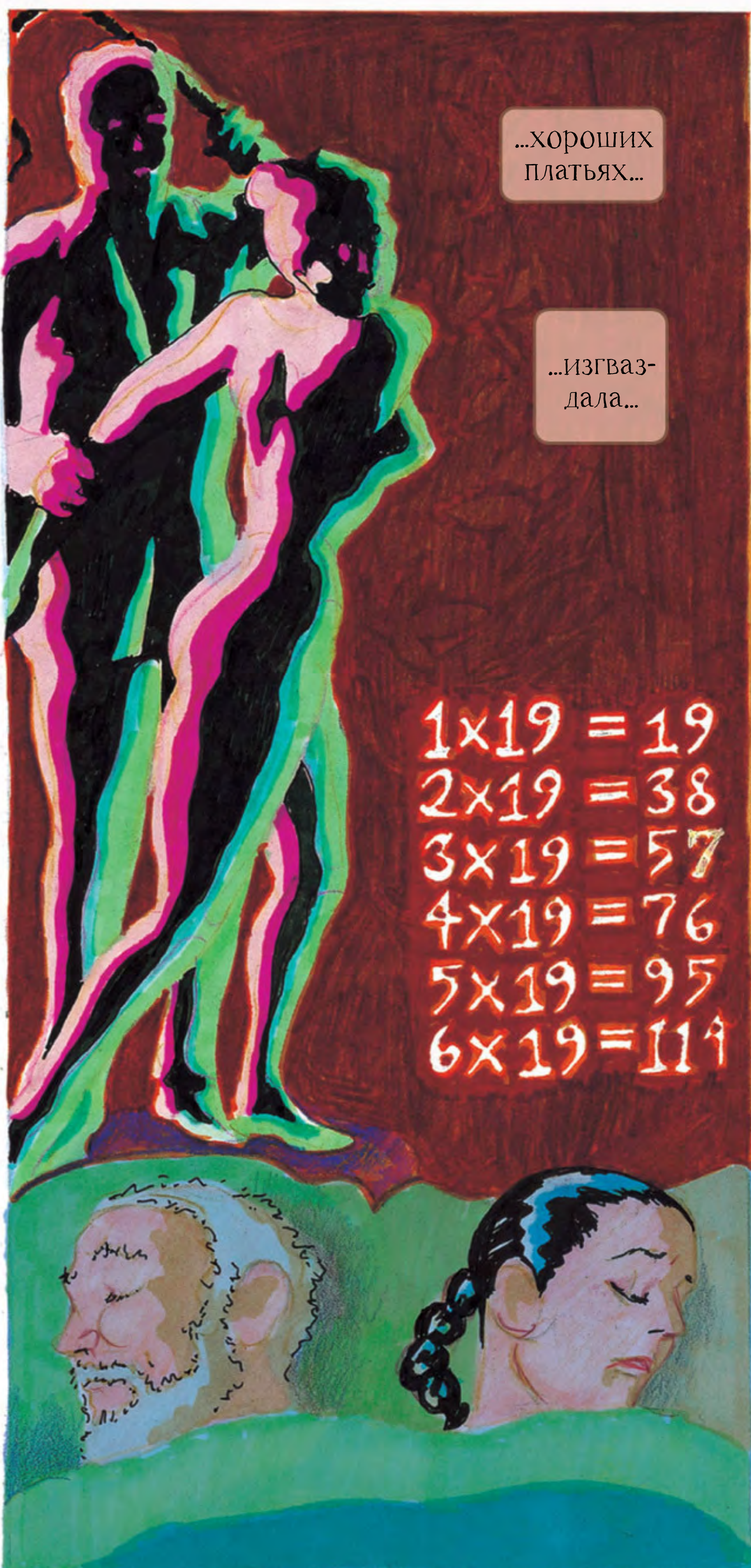
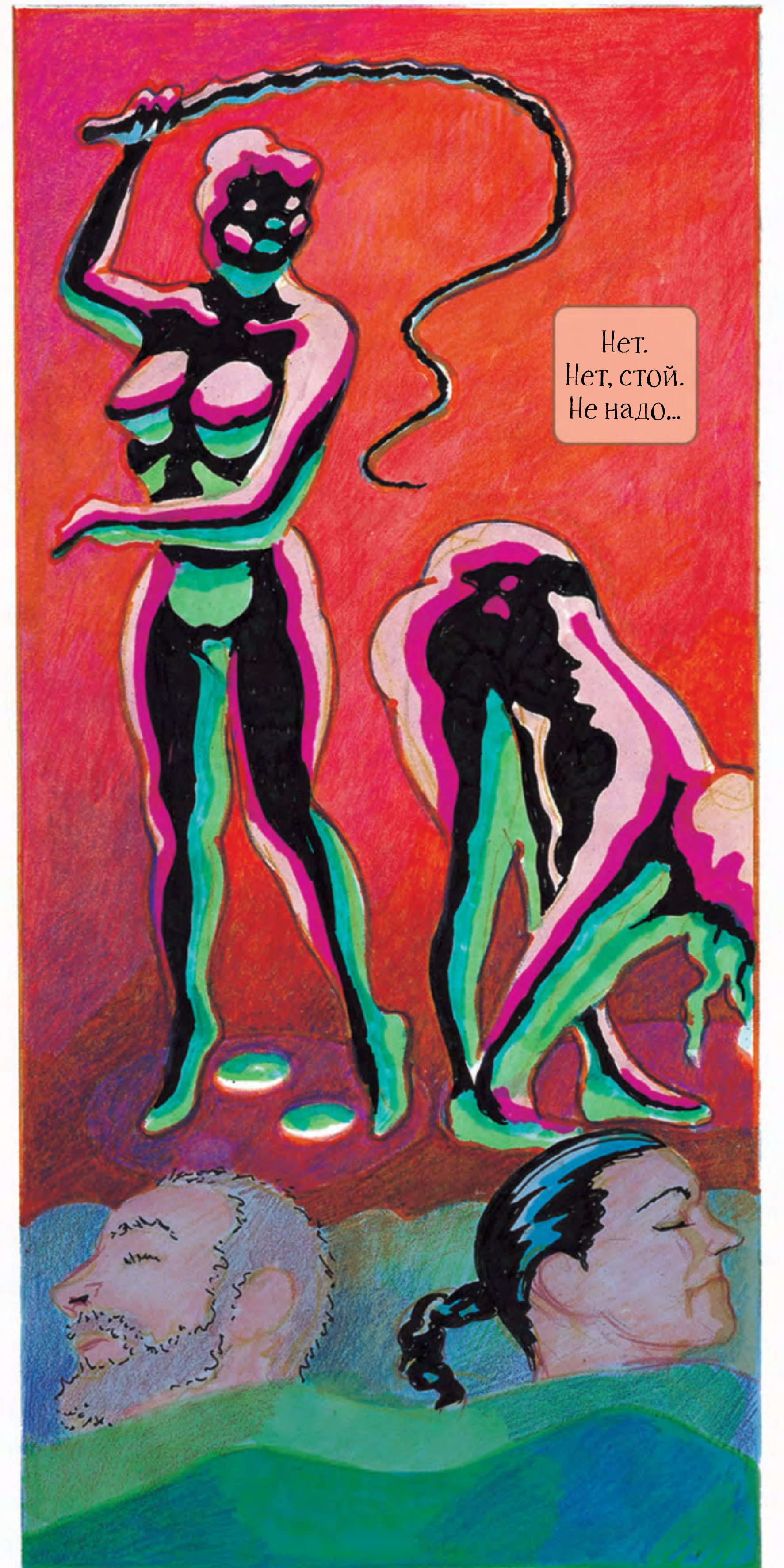
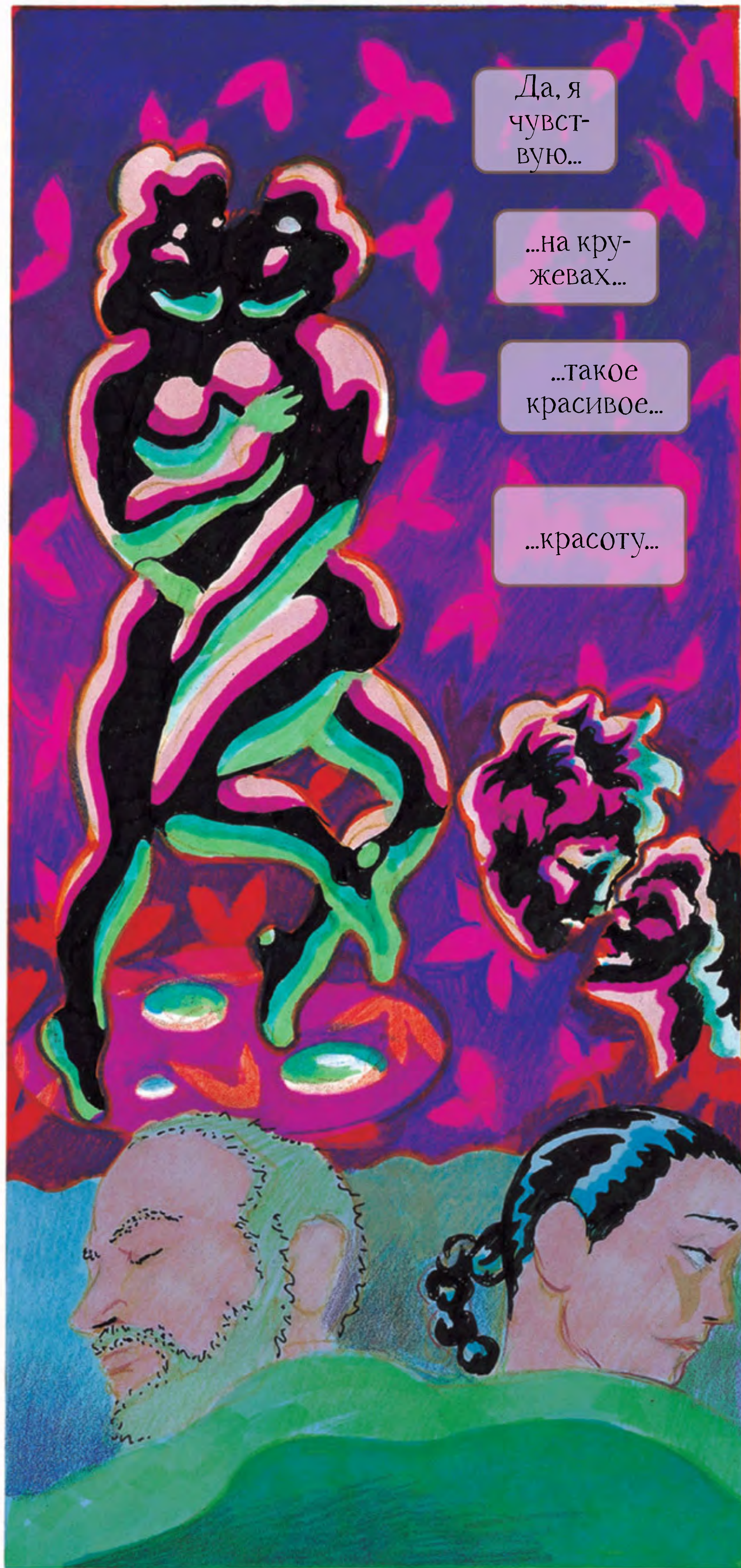
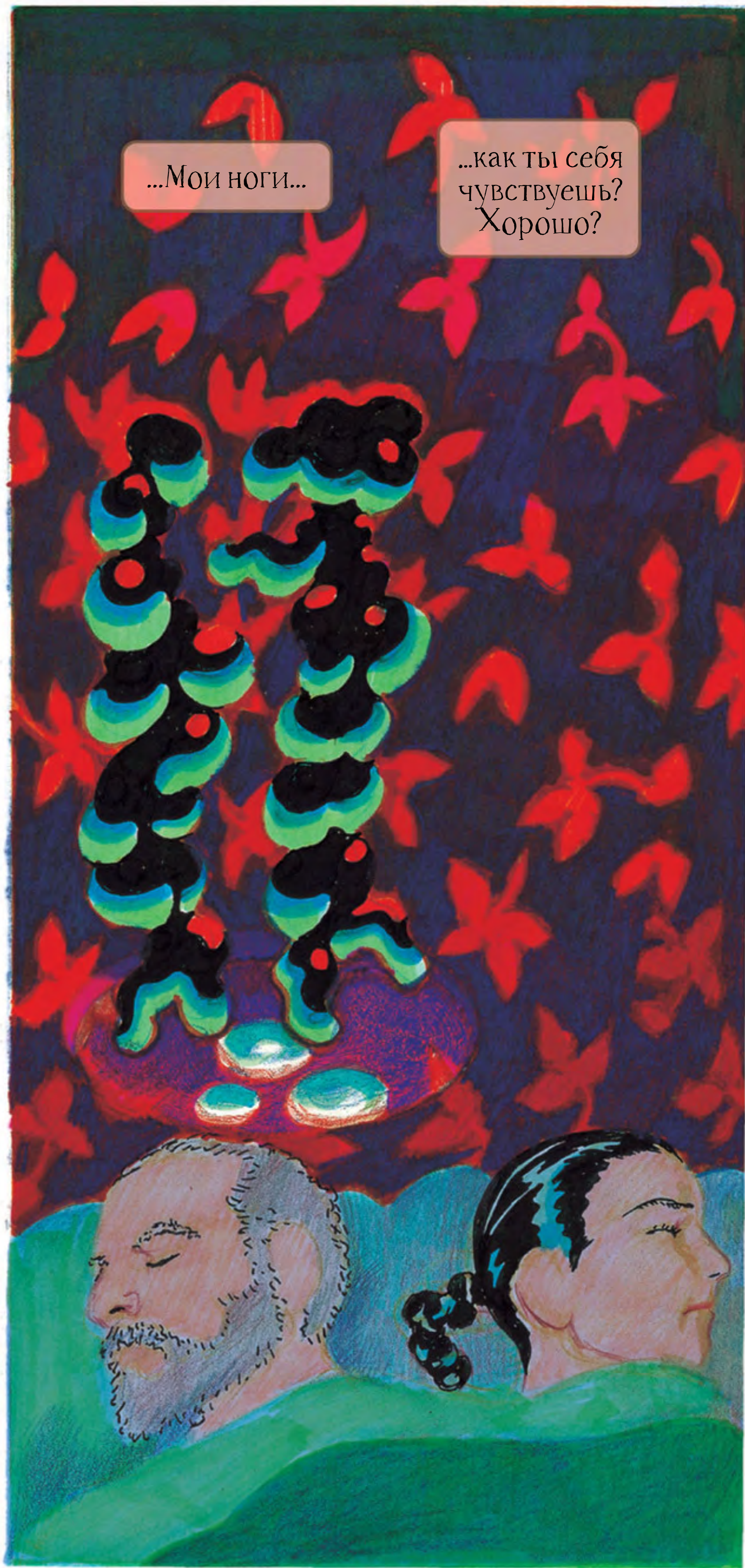
Ну, что ж, мы здесь на долгие месяцы. Скоро близко переедем со всеми.

А сейчас я готов ложиться. После такого ужина надо вздремнуть. Тебе не стоило разрешать мне касаться того пирожного...

Прости, Гарольд.

М-м-м...

...довольно приятно, верно?

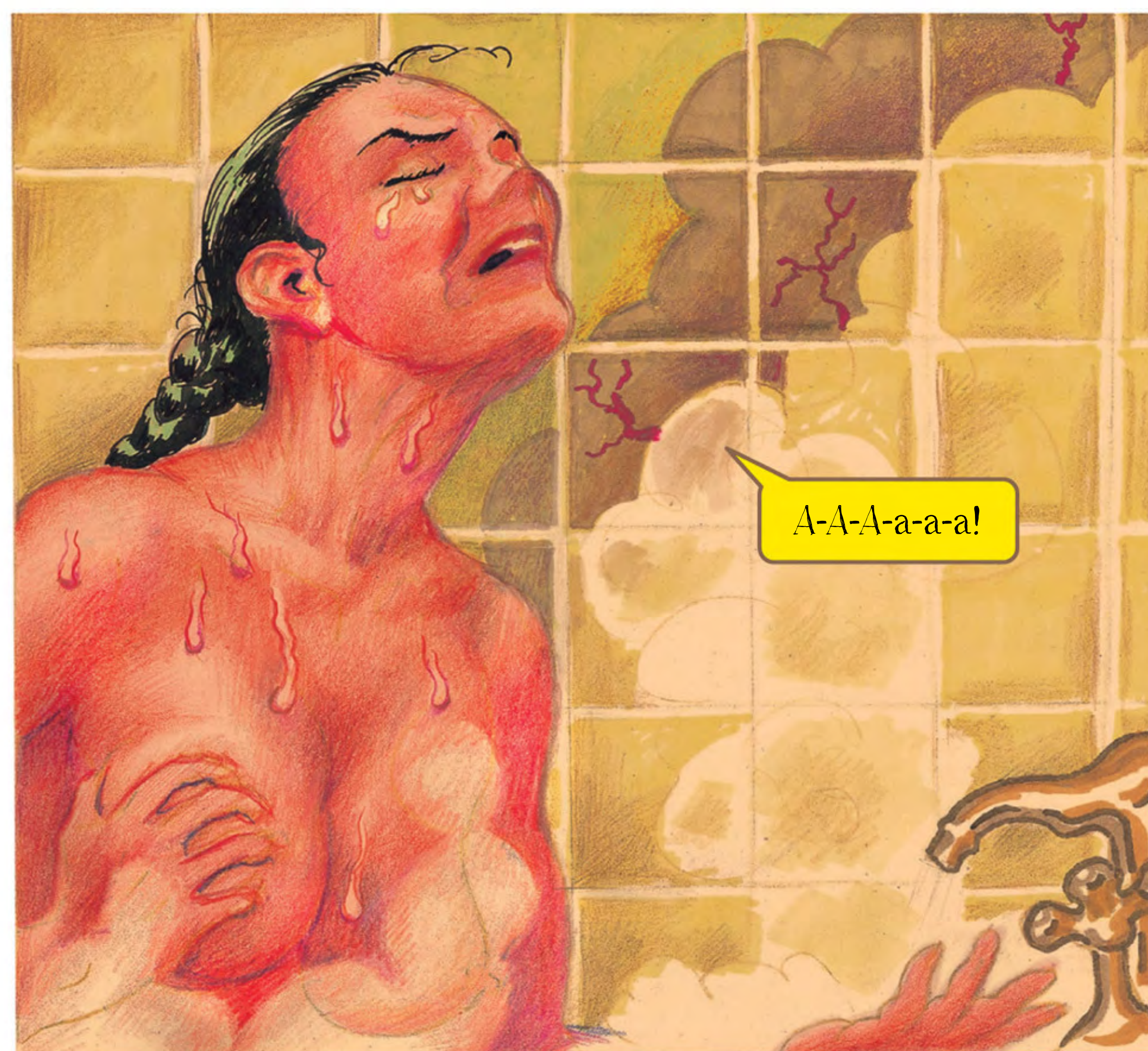

Мечты становятся намного ближе.

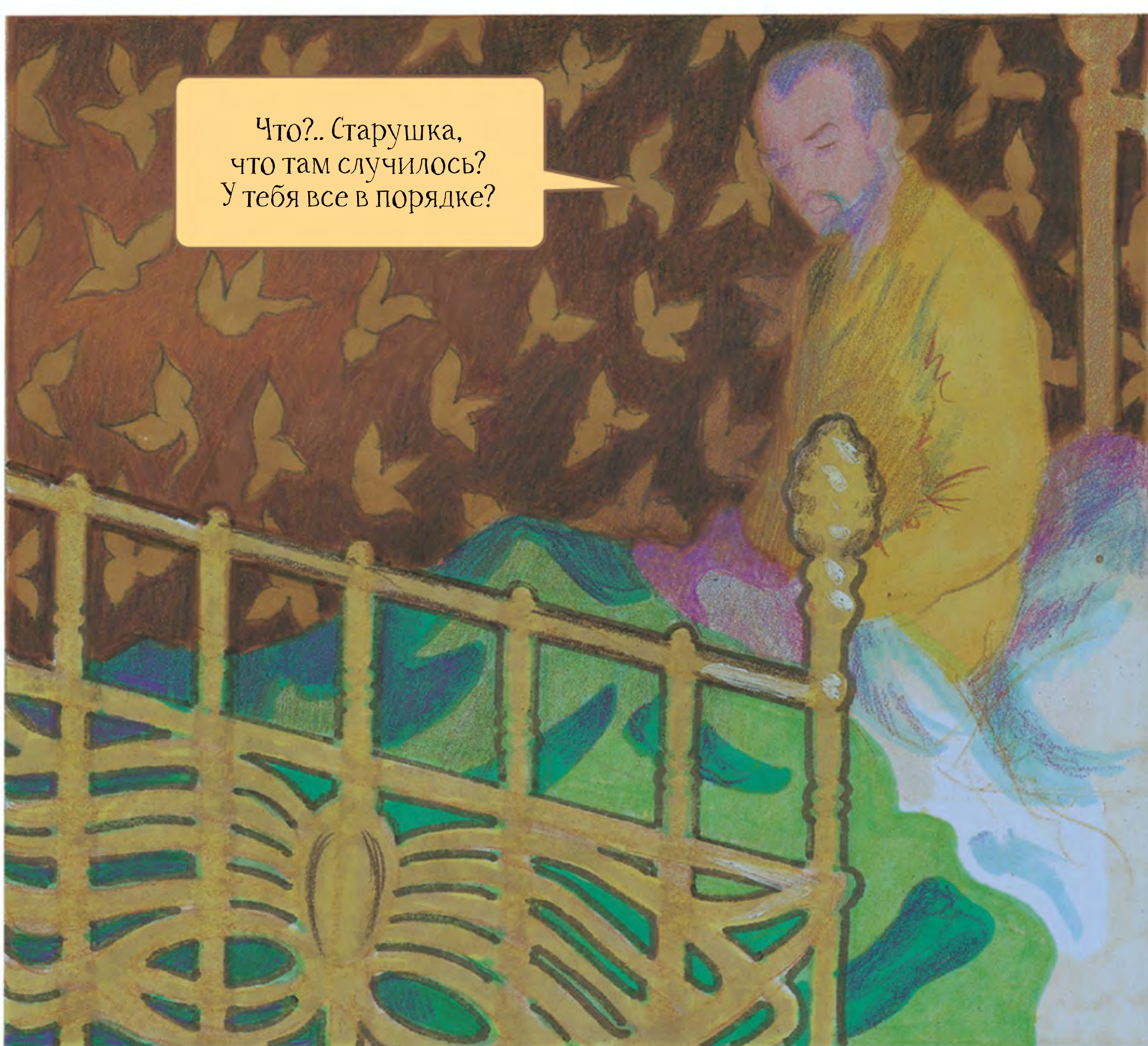

Так, дай мне руку... О-о-о. О-о, как шелковисто на ощупь...

А-ах, ах-х, да, да, но не убирай руку.

А-А-А-а-а!

Что?.. Старушка, что там случилось? У тебя все в порядке?

Да, Да, все хорошо. Я... я просто ошпарилась.

Но не сильно.

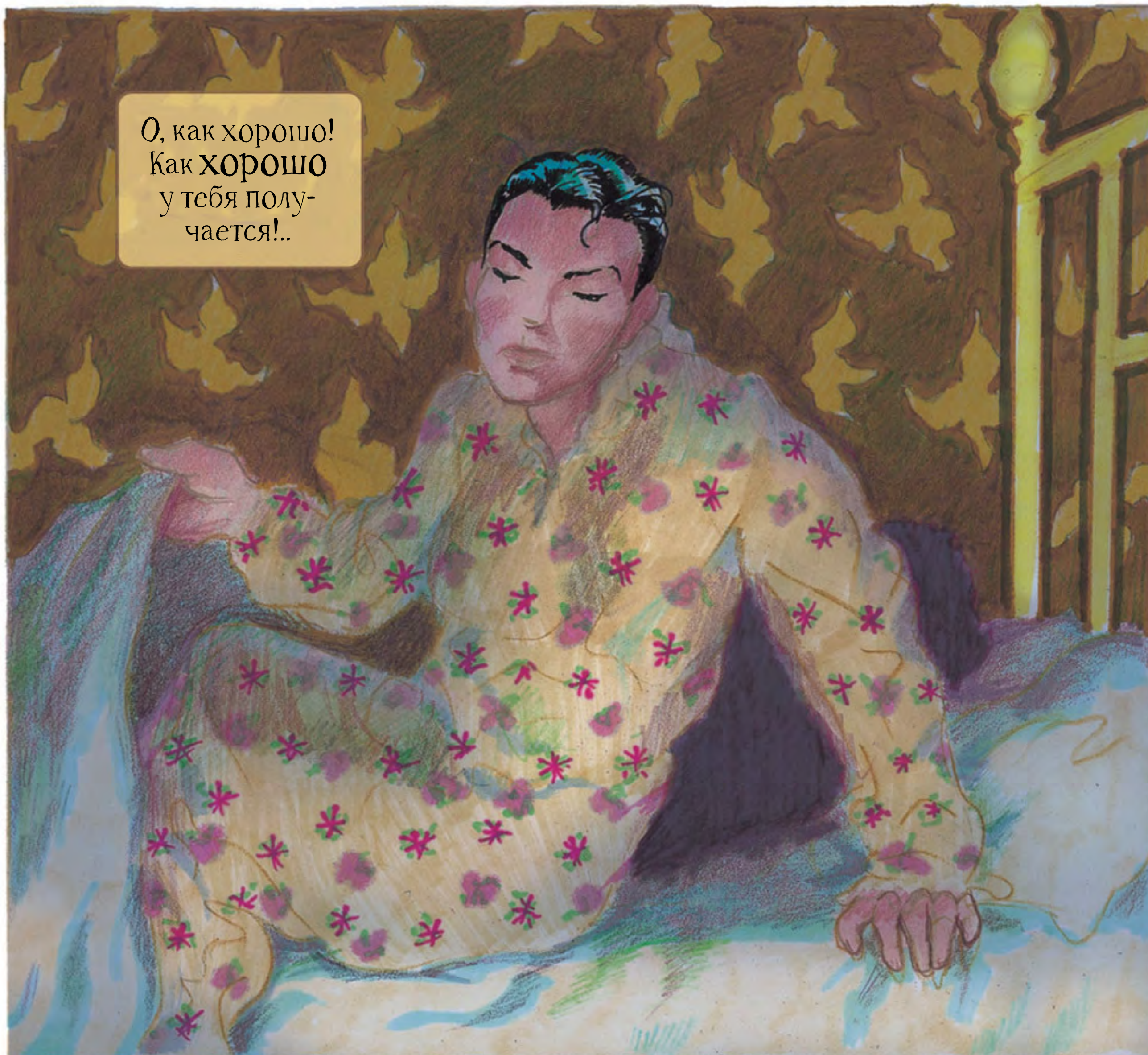
Я все равно уже закончила.

О. Досадно. Тебе больно?

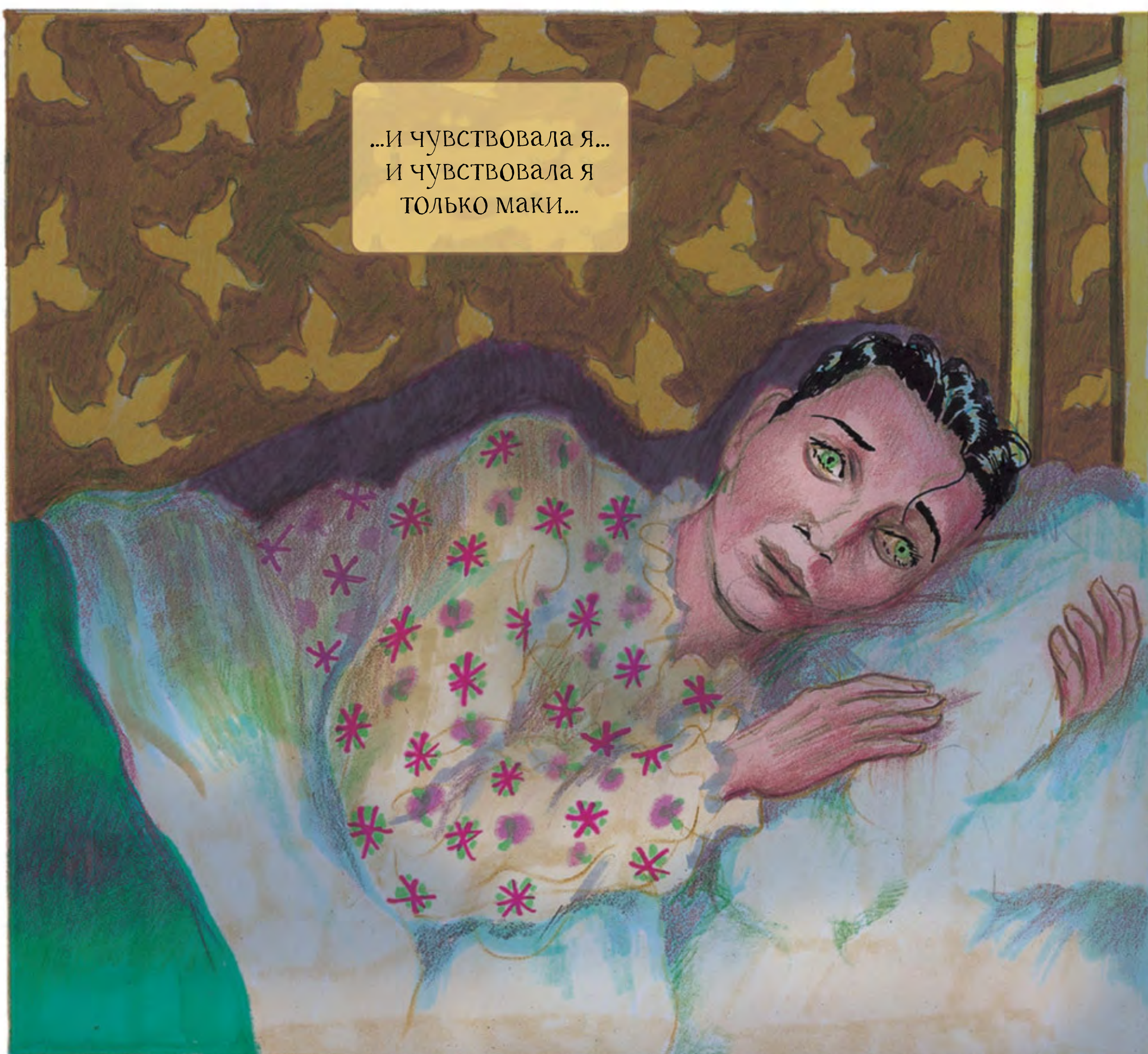
Ну, выкинь из головы. Возвращайся в постель. К утру заживет...

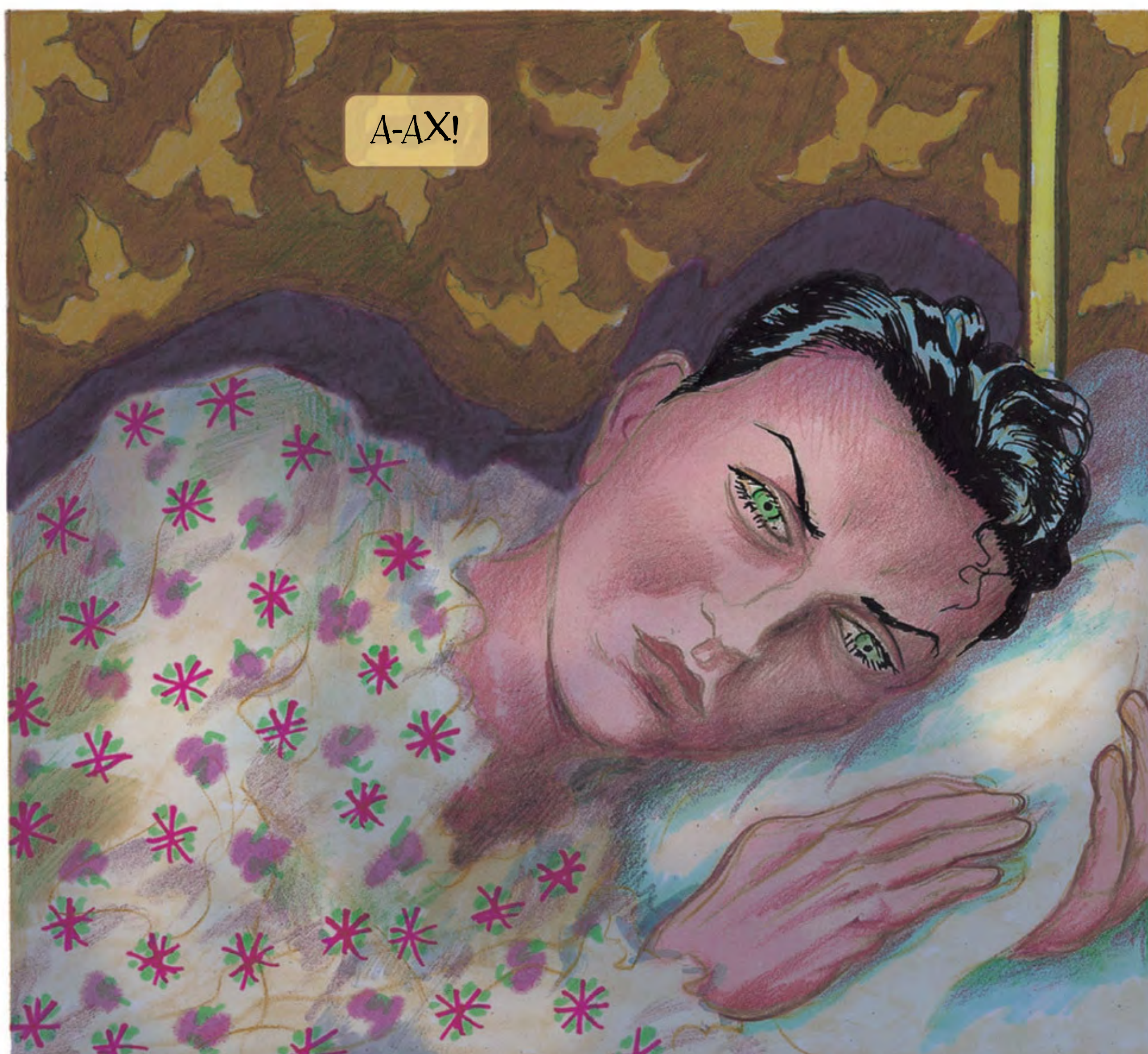
О, как хорошо!
Как **ХОРОШО**
у тебя полу-
чается!..

...и чувствовала я...
и чувствовала я
ТОЛЬКО маки...

А-АХ!

...мерещится...
просто вспомнился один...
один мой старый сон.

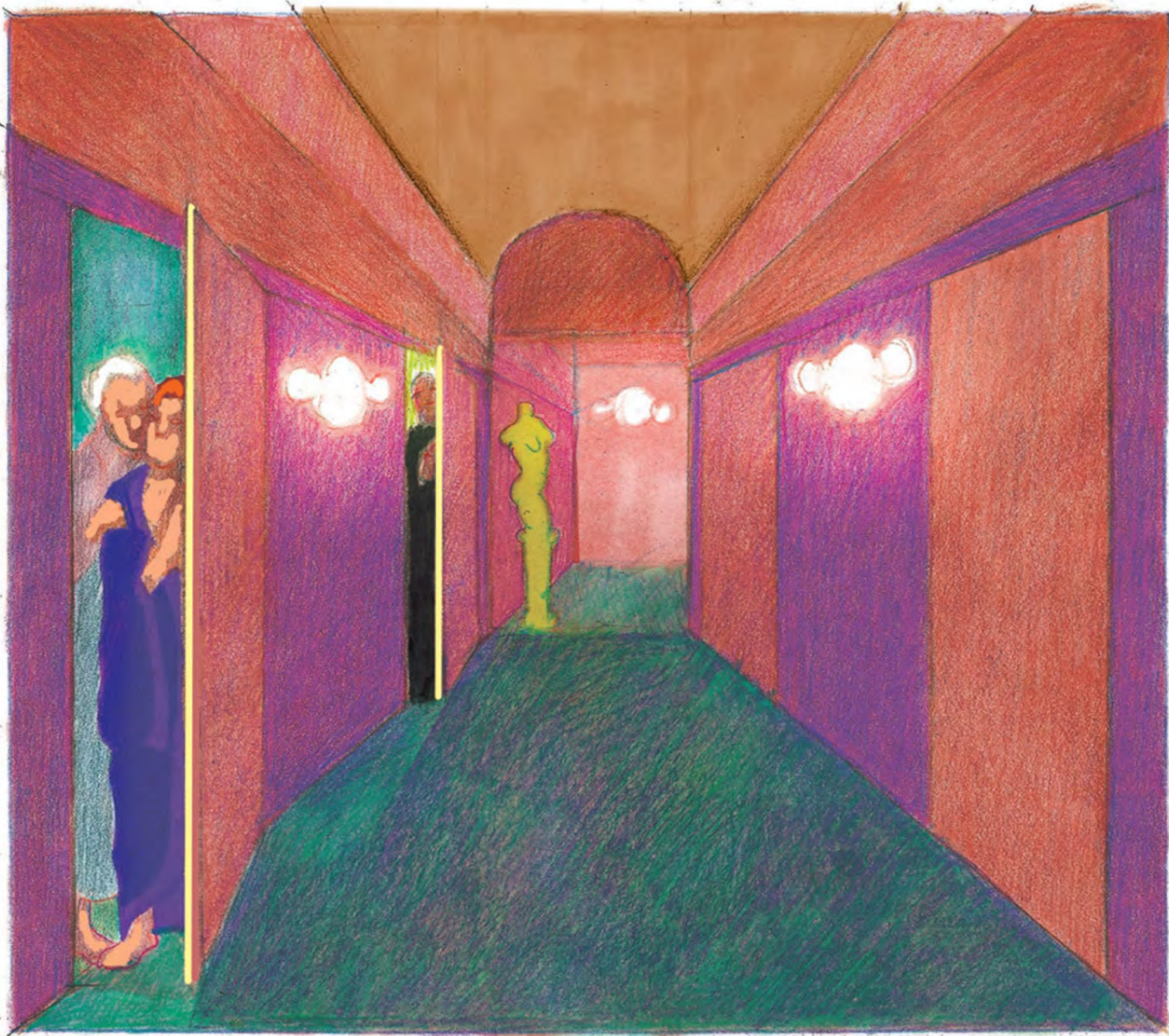
Одна игра...
из далекого
детства.

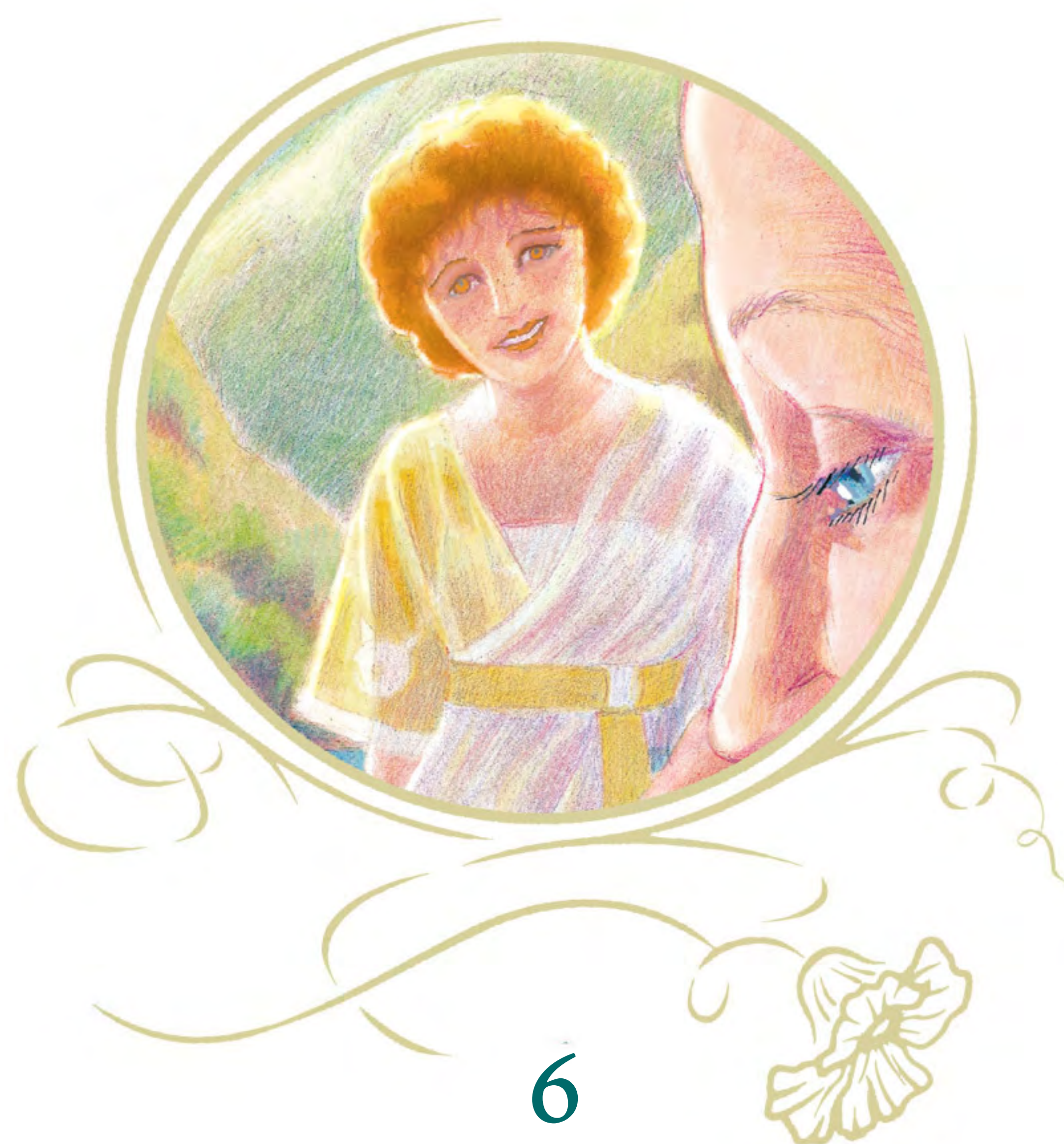
Но...
но мне ведь
ТОЖЕ!

Ну все!
Теперь всю ночь
глаз **НЕ СОМНУ**.
Чертов шум!
Я им сейчас
все выскажу!

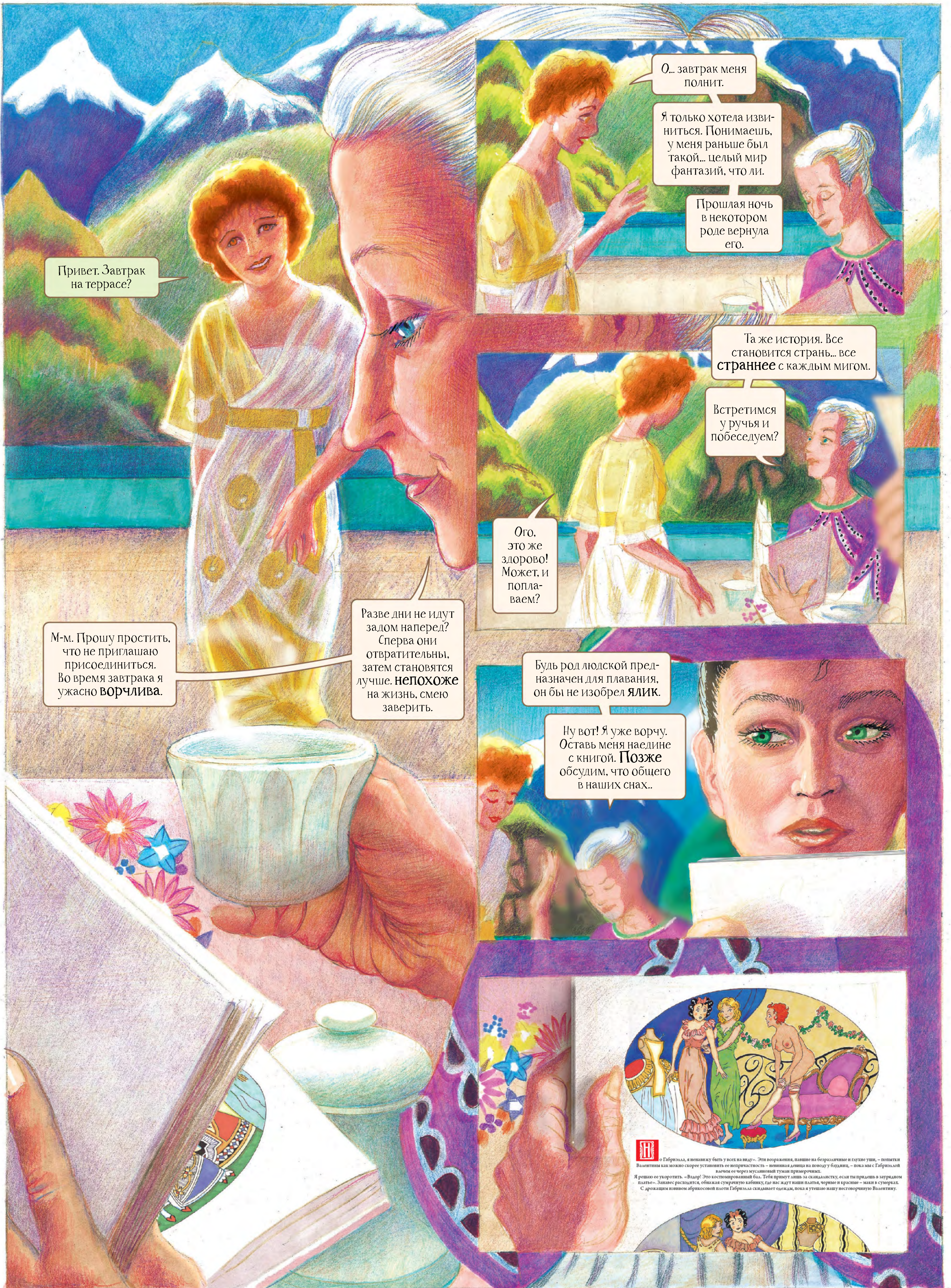

Глава

6

Королевы вместе

Привет. Завтрак на террасе?

М-м. Прошу прощения, что не приглашаю присоединиться. Во время завтрака я ужасно ворчлива.

Разве дни не идут задом наперед? Сперва они отвратительны, затем становятся лучше. **НЕПОХОЖЕ** на жизнь, смею заверить.

О... завтрак меня полнит.

Я только хотела извиниться. Понимаешь, у меня раньше был такой... целый мир фантазий, что ли.

Прошлая ночь в некотором роде вернула его.

Та же история. Все становится странн... все **страннее** с каждым мгном.

Встретимся у ручья и побеседуем?

Ого, это же здорово! Может, и поплаваем?

Будь род людской предназначен для плавания, он бы не изобрел **ЯЛИК**.

Ну вот! Я уже ворчу. Оставь меня наедине с книгой. **Позже** обсудим, что общего в наших снах..

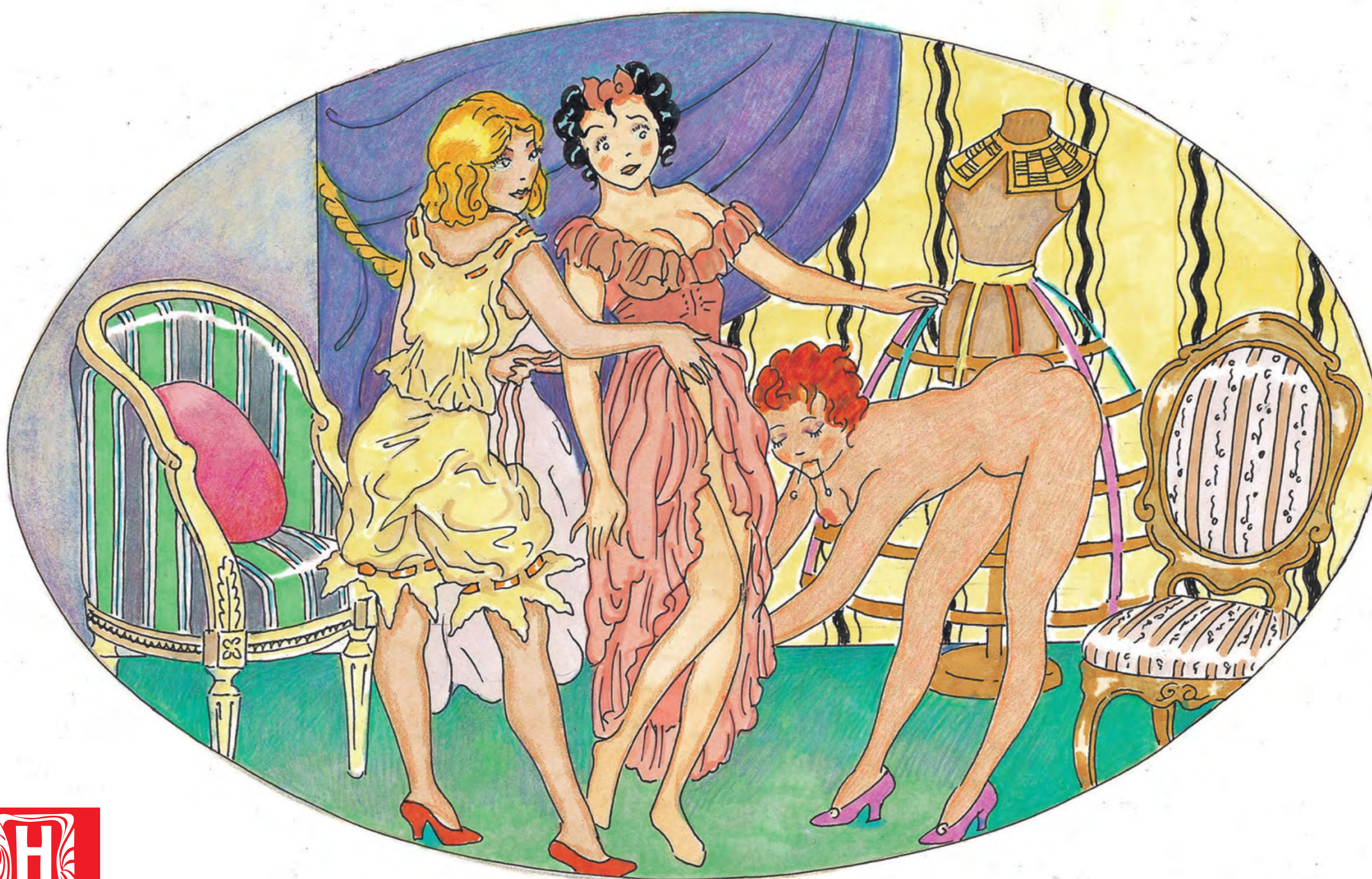
 Габриэлла, я ненавижу быть у всех на виду». Эти возражения, пассивно безразличные и глухие уши, — попытка Валентин как можно скорее установить ее непричастность — венная девица на порогу у будничности, — пока мисс Габриэлой выслушает ее через искусственный туман призрачности. Я решаю ее укоротить. — «Валор! Это костюмированный бал. Тебя примут лишь за скандальную, если ты придешь в изумрудном платье». Зависит расколоть, обложка сумрачной кабинки, где нас ждут наши платья, черные и красивые — маки в сумраке. С дровами пивном абрикосовой плоти Габриэлла скидывает одежку, пока у утешно нашу неготовую Валентину.

«**Н**о Габриэлла, я ненавижу быть у всех на виду, – эти возражения, павшие на безразличные и глухие уши, – попытки Валентины как можно скорее установить ее непричастность – невинная девица на поводе у блудниц, – пока мы с Габриэлой влечем ее через муслиновый туман примерочных.

Я решаю ее укоротить: «Вздор! Это костюмированный бал. Тебя примут лишь за скандалистку, если ты придешь в заурядном платье», – занавес расходится, обнажая сумрачную кабинку, где нас ждут наши платья, черные и красные – маки в сумерках.

С дрожащим извивом абрикосовой плоти Габриэлла скидывает одежды, пока я утешаю нашу несговорчивую Валентину.

Новенькая в Париже, Валентина цепляется за свою провинциальную скромность как за плюшевого мишку. В ошеломлении от обескураживающих салонных собраний неодобрение стало ее броней. Здесь, в надушенном мраке раздевалки, она чувствует ловушку и робеет показаться голой. Мы с Габриэлой с мягким, успокаивающим шепотом извлекаем ее из крепдешина вечернего цвета, корсета-майо с оборкой лавандовых валенсийских кружев, смятых у груди, – словно зимние апельсины в обертке салфеток. Мы снимаем самоуничжительные чулки – лиловый тюль – с молодых ножек, намереваясь удивить ее всего лишь скрывающейся под ними женственностью, обнаженной и величественной.

О-о-о, ну и **ХОЛОДРЫГА!**
Как книжка?

Озадачивает. Автор - Анри Готье-Виллар,
муж Колеетт. Она написала «Клодину»
и опубликовала под его именем.
Я сомневаюсь, что...

Будь я **леди**,
я бы читала
книжки.

Вздор. Книгам нужны титулы,
читателям - отнюдь. Я тебя научу.
Мы обе будем королевами.

Ха.
И снова
фразочка
из детства.

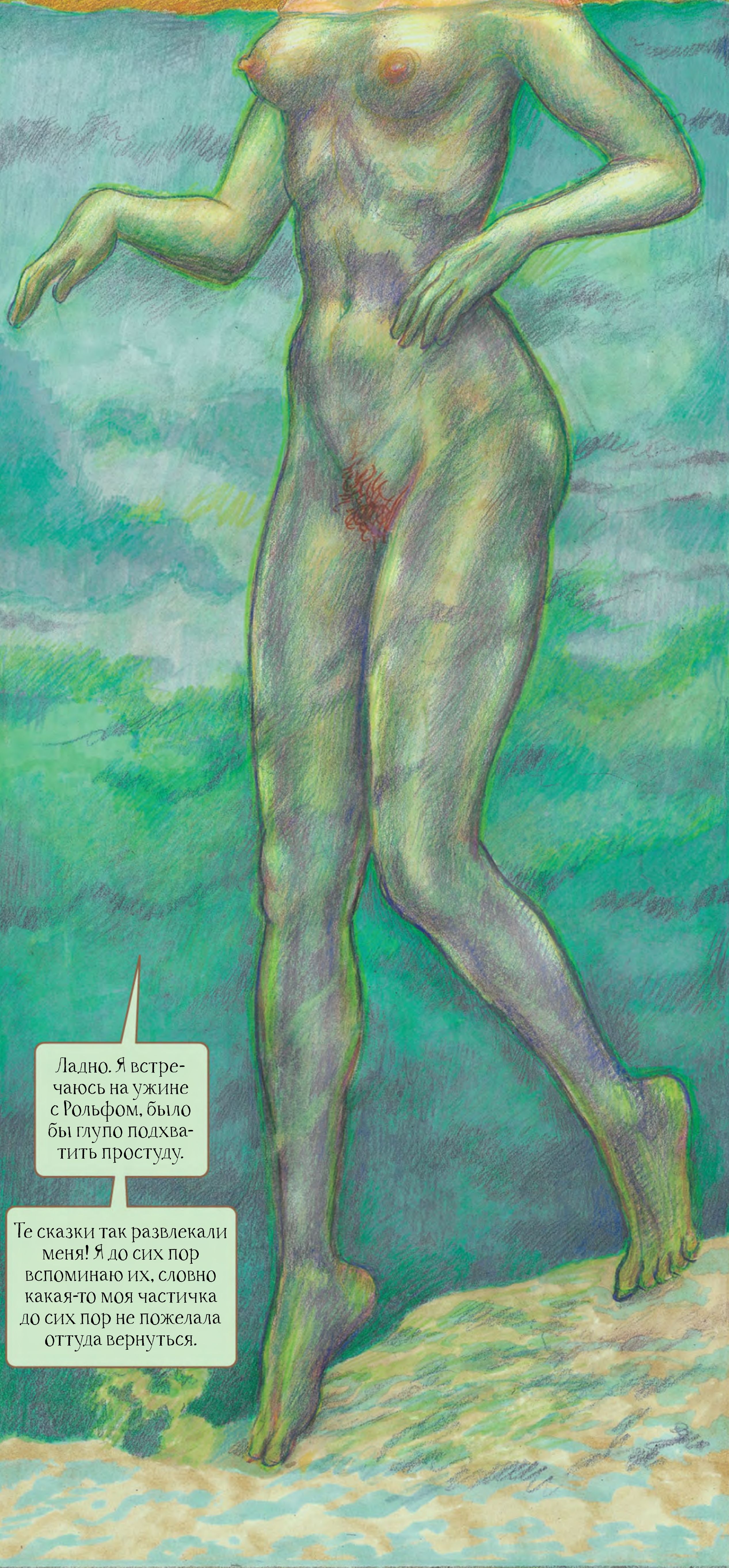
Твои фантазии. Ты хотела
о них рассказать. Мои начались -
ну знаешь, с **секса**?

Секс был чем-то
из совершенно другого
мира. Я о нем выду-
мывала... всякие сказки.

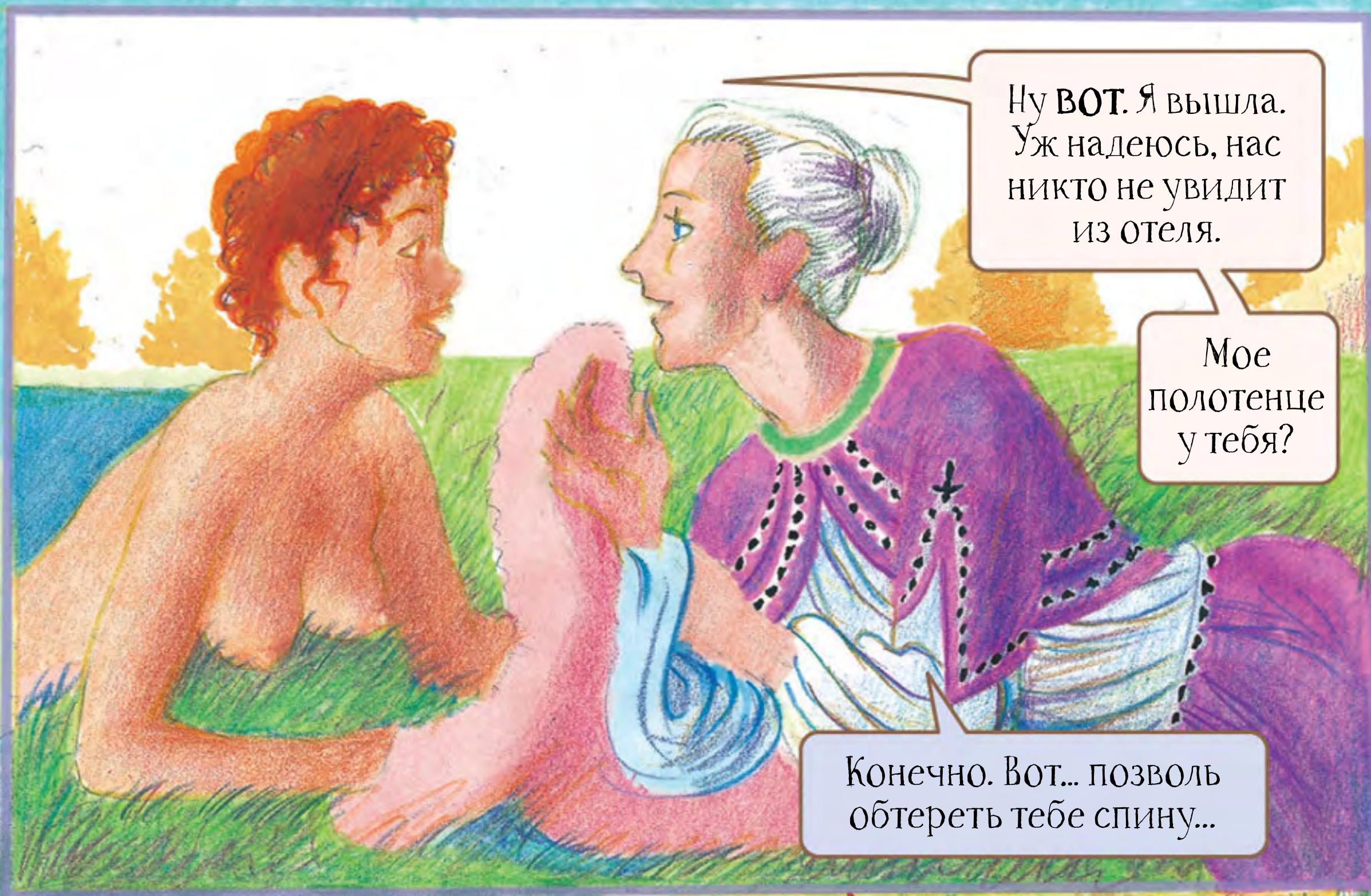
Как и я. Страсть - странное
место, когда открываешь его
ребенком. Куда ни глянь -
не видно ни толики смысла.

Мне холодно от
одного твоего вида.
ВЫХОДИ скорее.

Ладно. Я встре-
чаюсь на ужине
с Рольфом, было
бы глупо подхва-
тить простуду.

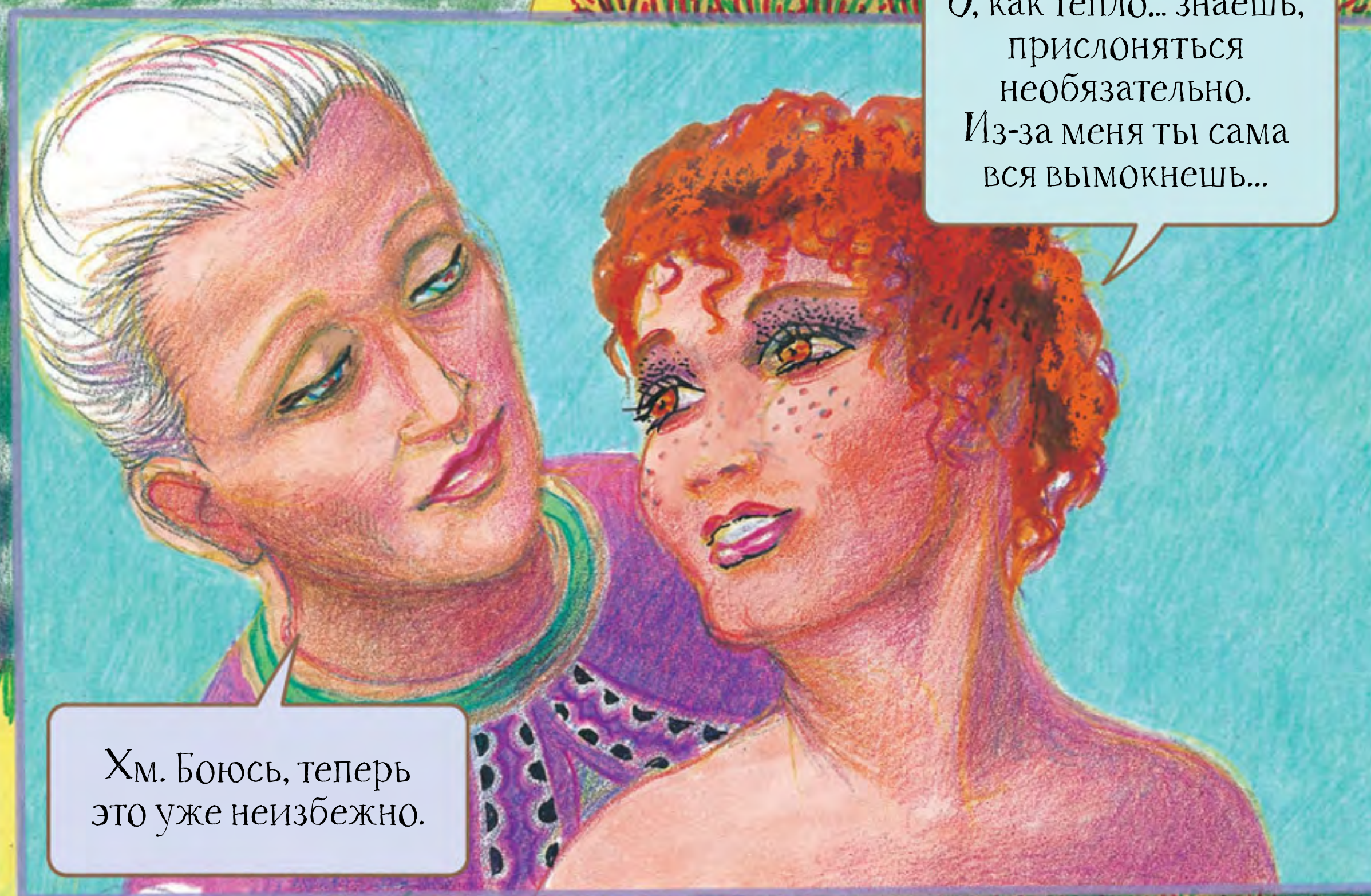
Те сказки так развлекали
меня! Я до сих пор
вспоминаю их, словно
какая-то моя частичка
до сих пор не пожелала
оттуда вернуться.

Ну **ВОТ**. Я вышла. Уж надеюсь, нас никто не увидит из отеля.

Мое полотенце у тебя?

Конечно. Вот... позволь обтереть тебе спину...

О, как тепло... знаешь, прислоняться необязательно. Из-за меня ты сама вся вымокнешь...

Хм. Боюсь, теперь это уже неизбежно.

Эй! Хах, ты же вытираешь мне **СПИНУ**, забыла? Все англичанки такие, как ты?

Увы, нет. Иначе бы блаженное вымирание постигло нас много веков назад. Вытереть тебя внизу?

О... О господи. Суше я от этого не становлюсь И где ты только такому научилась?..

За игрой в шахматы... Между ходами.

Подставь свои губы...

Как трогательно.
Как мне лечь?

Вот так. О, так красиво...
в облачках светлых волос.

Все правильно?
Женщины так
это делают?

Иногда. Этот вариант самый сладкий,
хоть, боюсь, стороннему наблюдателю
мы напомнили бы игральные карты.

М-м-мф-ф
ха-ха-ха...

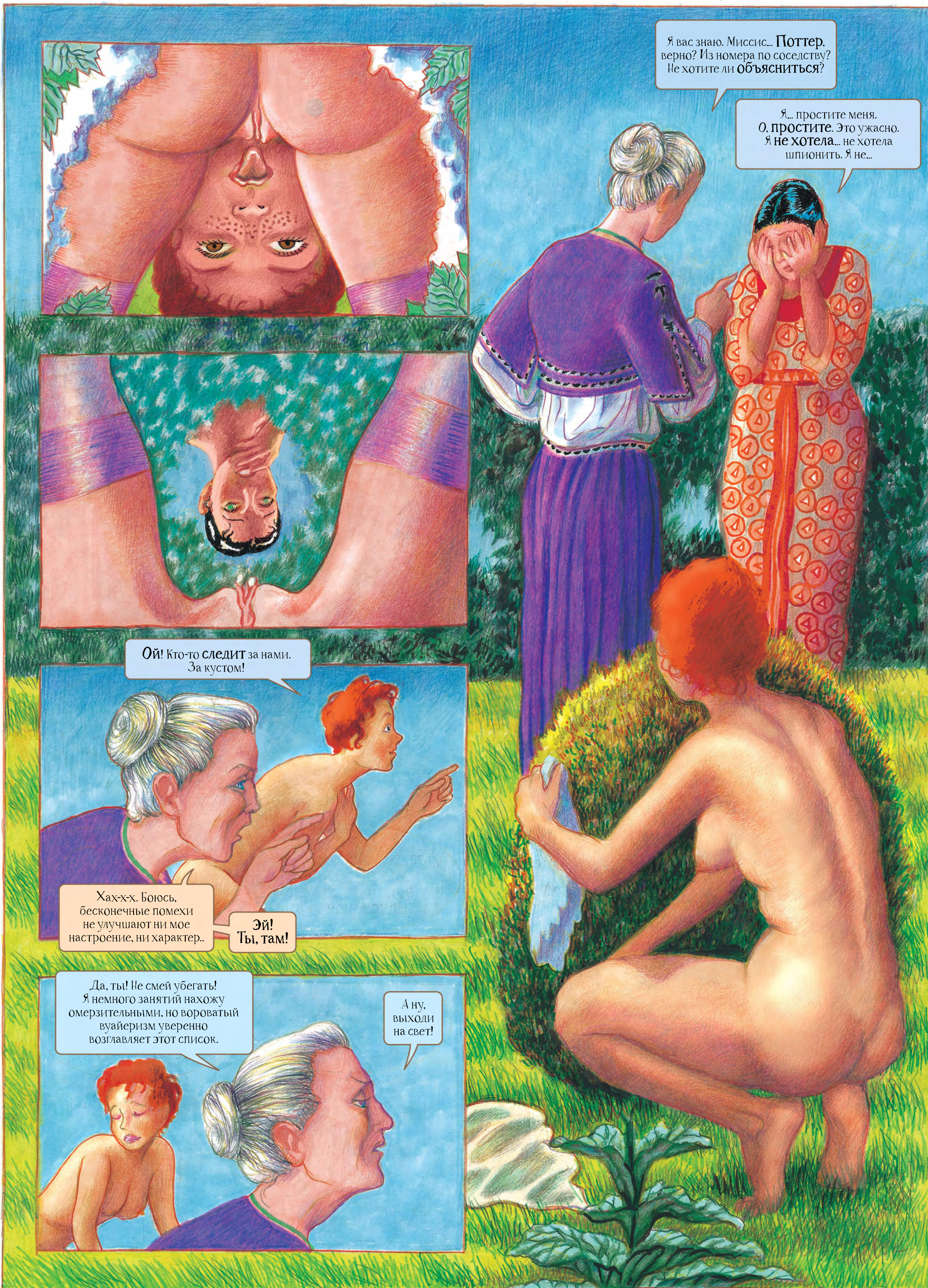
М-м-м.

О да.
О, как хорошо...
м-м-м...

М-м-м-м...
М-м, так приятно,
что сразу понятно,
что это плохо. Нужно
позаботиться и о тебе...

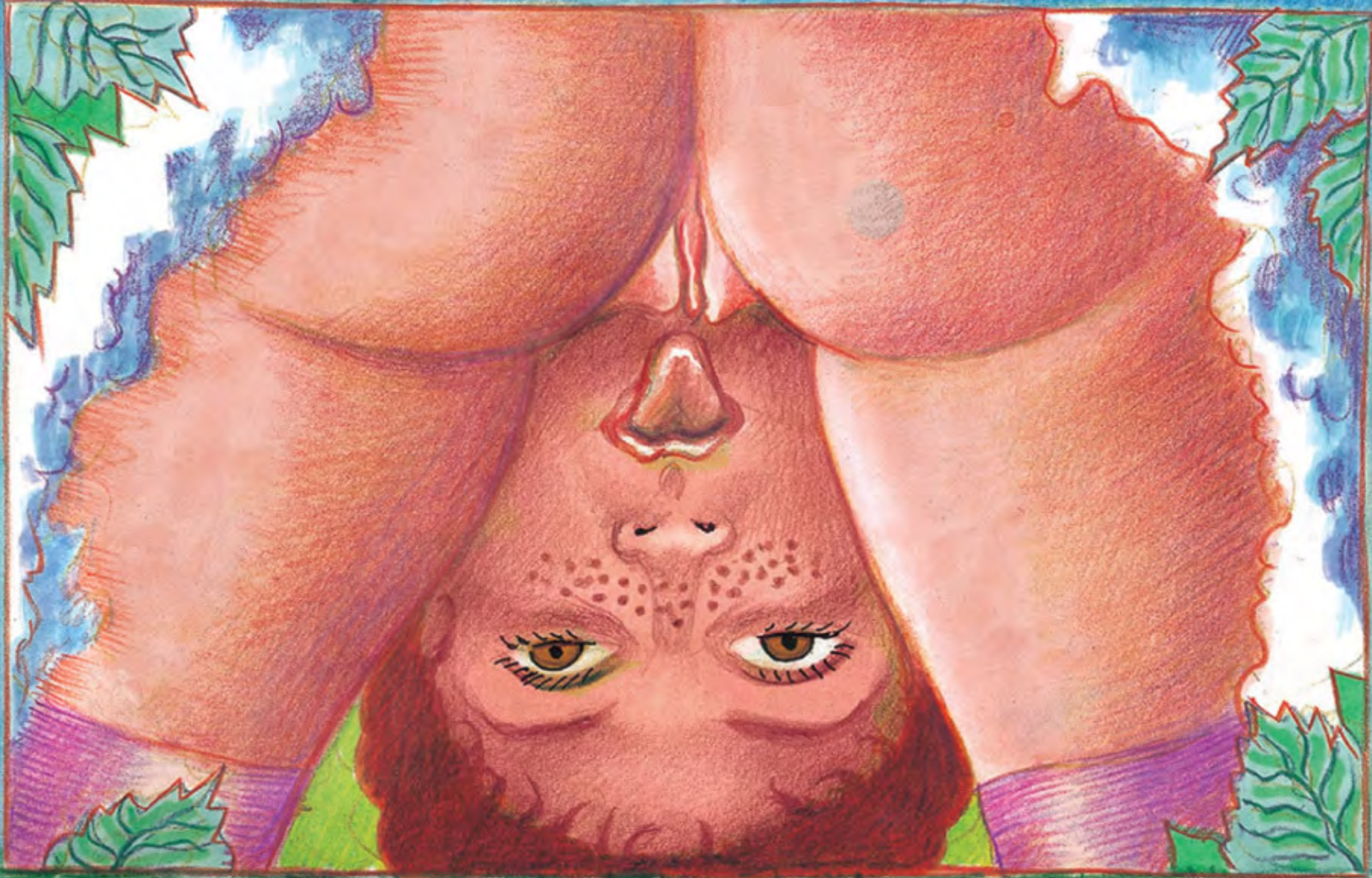
Моя мам... э-э, моя тетя
всегда говорила,
что отдавать лучше,
чем принимать.

Я вас знаю. Миссис... Поттер, верно? Из номера по соседству? Не хотите ли **Объясниться?**

Я... простите меня. О, простите. Это ужасно. Я **не хотела...** не хотела шпионить. Я не...

Ой! Кто-то **следит** за нами. За кустом!

Хах-х-х. Боюсь, бесконечные помехи не улучшают ни мое настроение, ни характер..

Эй! Ты, там!

Да, ты! Не смей убежать! Я немного занятий нахожу омерзительными, но вороватый вуайеризм уверенно возглавляет этот список.

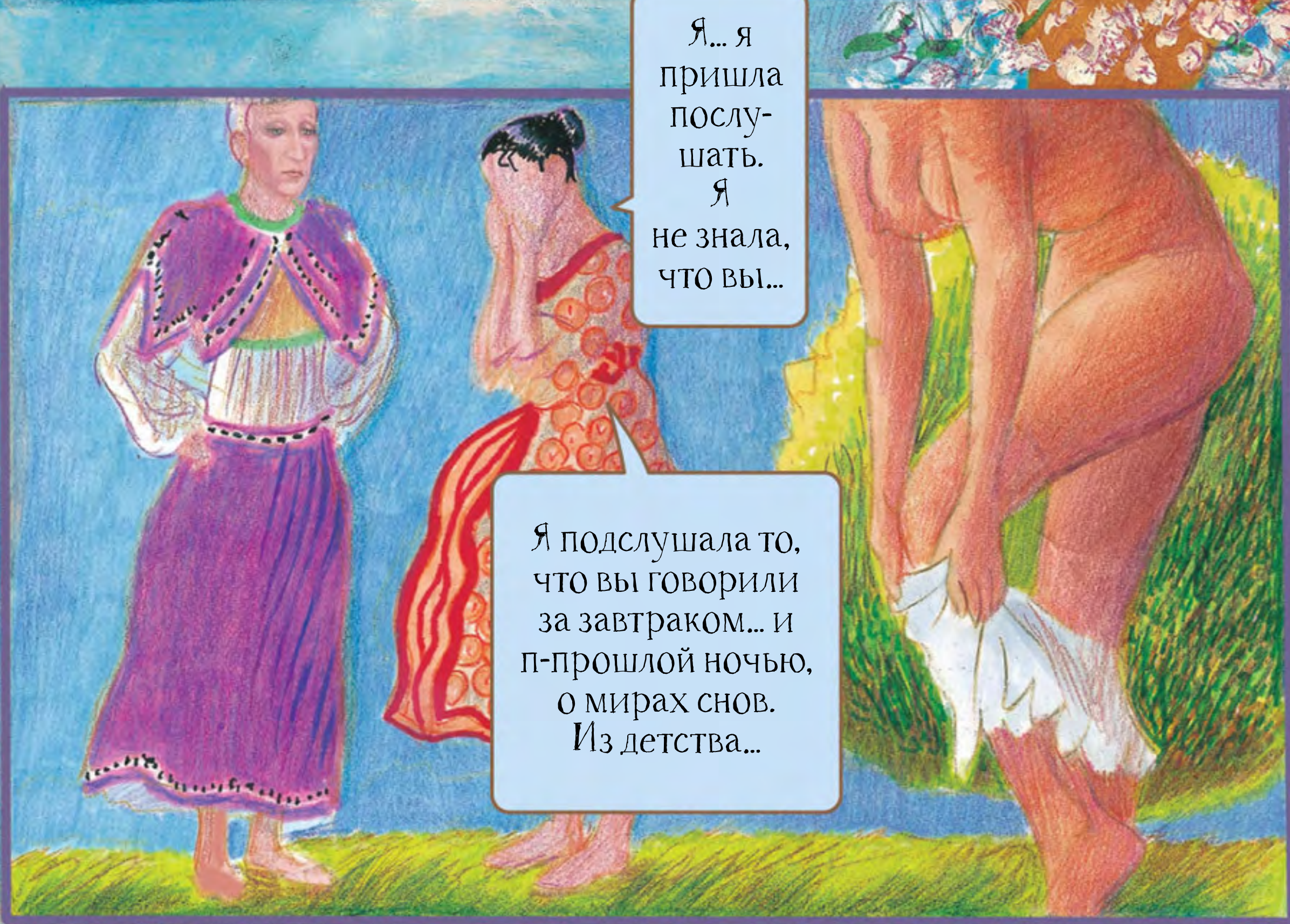
А ну, выходи на свет!

Не **ХОТЕЛИ** шпионить?
Вы тарачились
из-за папоротника как
последняя извращенка!

Нет! Нет,
ВООБЩЕ нет.

Все
СОВСЕМ
не так.

Я... я
пришла
послу-
шать.
Я
не знала,
что вы...

Я подслушала то,
что вы говорили
за завтраком... и
п-прошлой ночью,
о мирах снов.
Из детства...

Понимаете,
у меня тоже
есть история.
Я никому о ней
не рассказы-
вала. Но когда
услышала, о чем
вы говорите...

О...
простите, я
выставила
себя круглой
дурой.

Как занятно. Ах, не принимайте
близко к сердцу, такие у меня
привычки. Делать так, чтобы
стыдно было другим, а не мне.

Дитя?
Незачем прятаться
в кустах. Выходи
и представься.

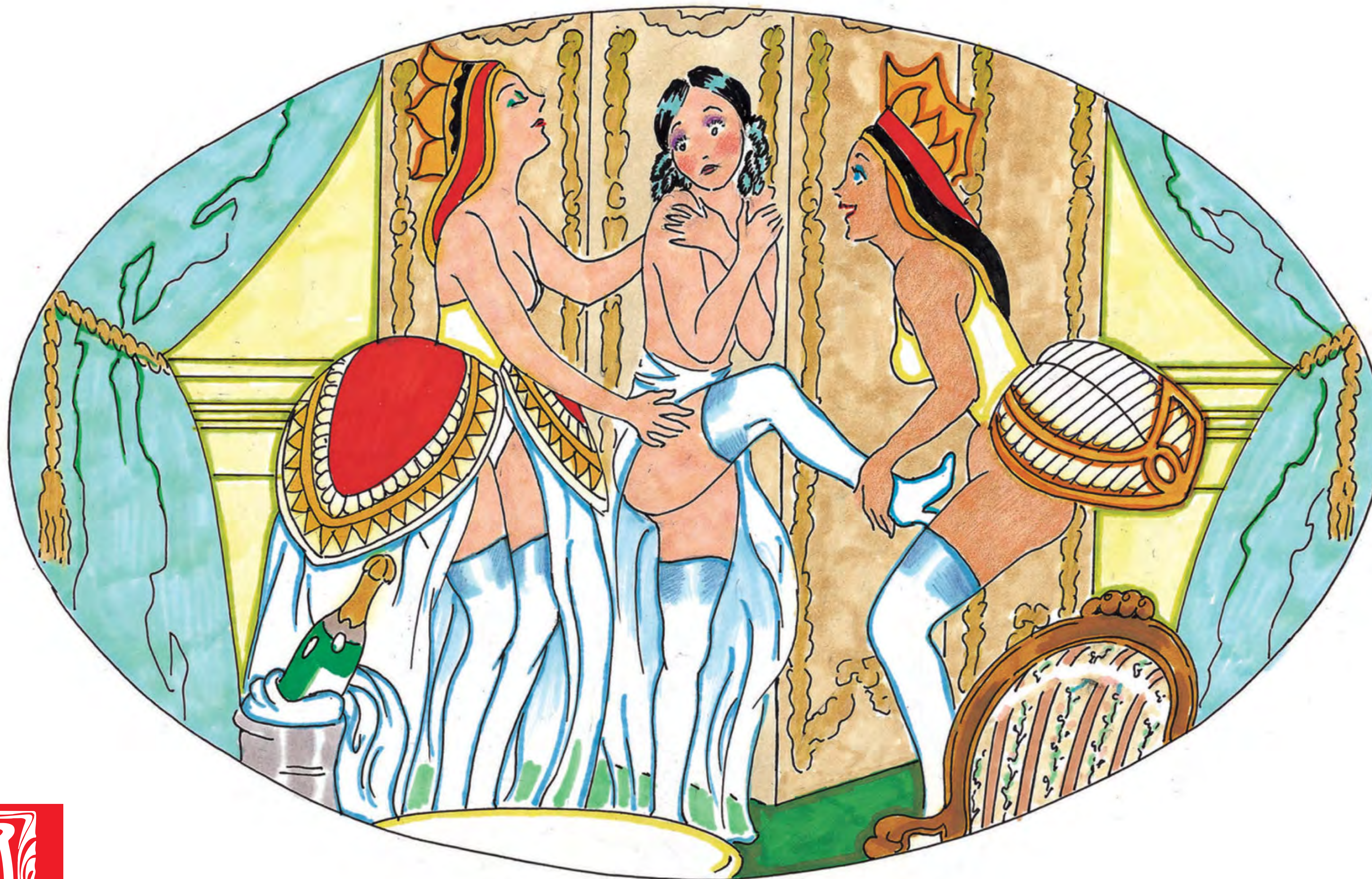
Иду...

Ну что же... Миссис Поттер,
я леди Фэрчайлд. Моя
компаньонка - мисс Гейл.

Судьба, по всей видимости,
нелучайно свела нас
в «Химмельгартене».
Следовательно, предлагаю
посвятить этот день сказкам.

Проведем его
втроем. Вместе.

алентине, решили мы, недостает только тщеславия, которое противоречило ее деревенской склонности к скрытности. Она морщилась и корчилась, пока мы, сами полуодетые, занимались ее туалетом, укладывали фишку из алансонских кружев на плечи – белое на пестрый янтарь. Далее – лиф-декольте и юбка из имперского фая, с шенилловыми краями, украшенными узором с сердечками.

«О нет, – восклицает она, – уж это слишком!» – мы с Габриэлой непоколебимы, хмельны от древней драмы инициации. Мы блюдем династию женщин, длим припудренную родословную. Прижав руки к бокам, она закусывает губу.

аконец готово. Украшенные бубнами, пиками и червами, мы стоим перед зеркалом – цари Востока в поисках яслей женственности. Увенчавшись собственными тиарами со стразами, мы с Габриэлой опускаем припорошенную блестками згретку на расчесанные чернильные волосы. Помещаем изящную корону на законное место. Легчайшая улыбка пробегает по хрустальным вишневым губкам, и мы скрадываем друг на друга довольные взгляды, слишком поздно распознавая беса аппетита, которого только что пробудили. Она склоняет подбородок и изучает нас по очереди, в раздумьях играет с полуночным локоном.

«Тиары, – в ее голосе слышится снисходительность. – Но разве это нынче не заурядно?»

Глава

7

Ураган

Эгей, мистер Ружёр!
Никак не можете
поднять змея
над землей?

Ха-ха! Легче было
запустить мой
отель.

Дорогие дамы, я должен
бежать, чтобы не упустить
ветер. Au revoir...

Какой очаро-
вашка.

Но мы пришли послушать сказки
друг друга и узнать, что у нас
имеется общего.

Возможно,
стоит начать с вас,
миссис Поттер.

Нет, я...
я не могу.
Не сейчас.
Я просто...

О, а я не против рассказать
свою историю. В ней все
равно нет ничего особенного.
Нет ничего особенного и
в Канзасе, откуда я родом.

«Я жила с тетей и дядей на ферме в глуши. Настоящих родителей лишилась. Меня окружали звери, укромные уголки, кролики для моей собаки... черт, я даже и не задумывалась о, ну знаете, взрослых штучках...

Но однажды днем я осталась на ферме одна. Странный выдался денек: птицы не поют, тишина стоит. В общем, перехожу я двор, вглядываюсь в поля...

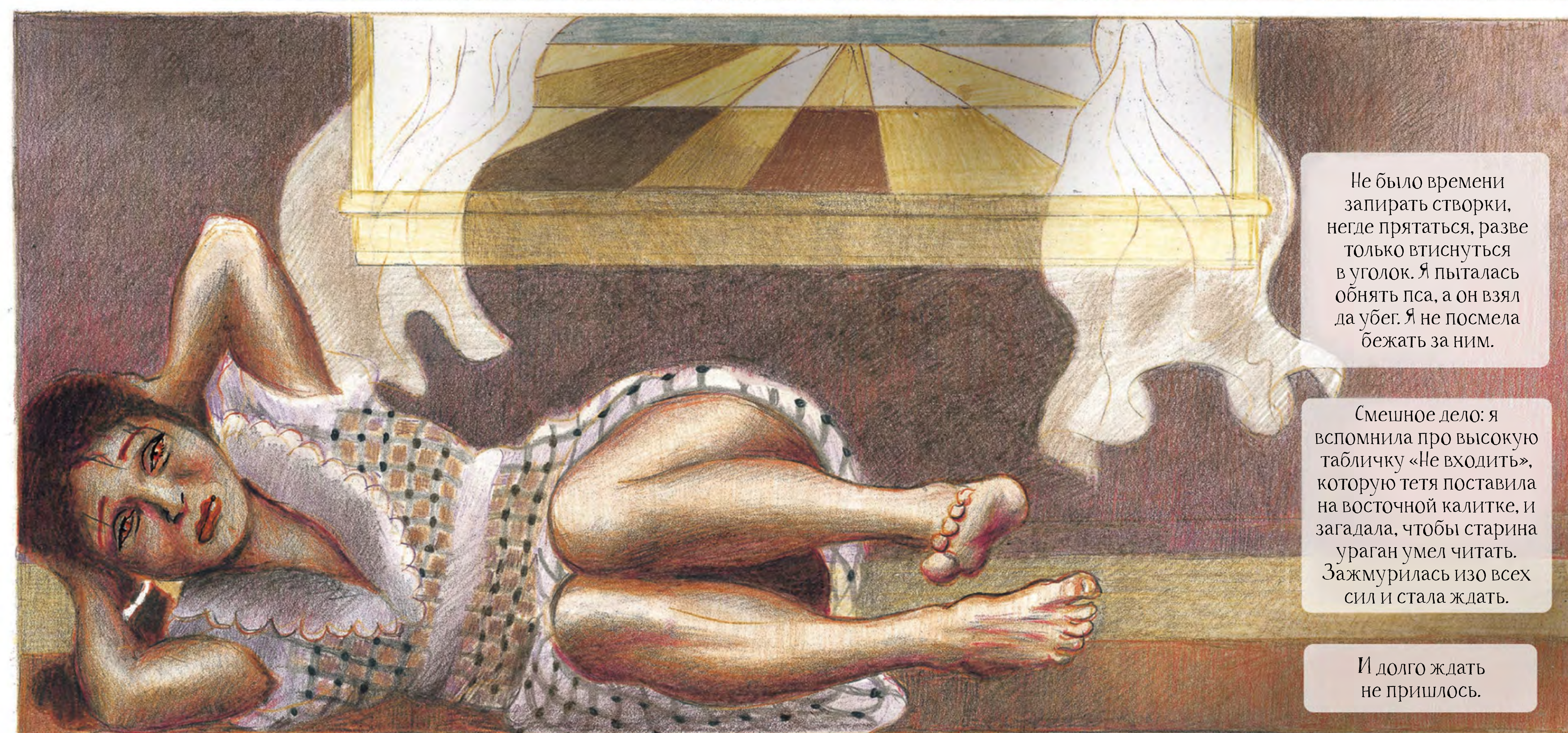
И вот он.

В смысле, мне уже почти стукнуло шестнадцать, я насмотрелась за свой век на ураганы, но они всегда были мелкие. Мелкие и где-то у горизонта..

А этот был черный как ночь, в сто пятьдесят миль высотой, и пер через поля прямо на меня, пожирая все на своем пути.

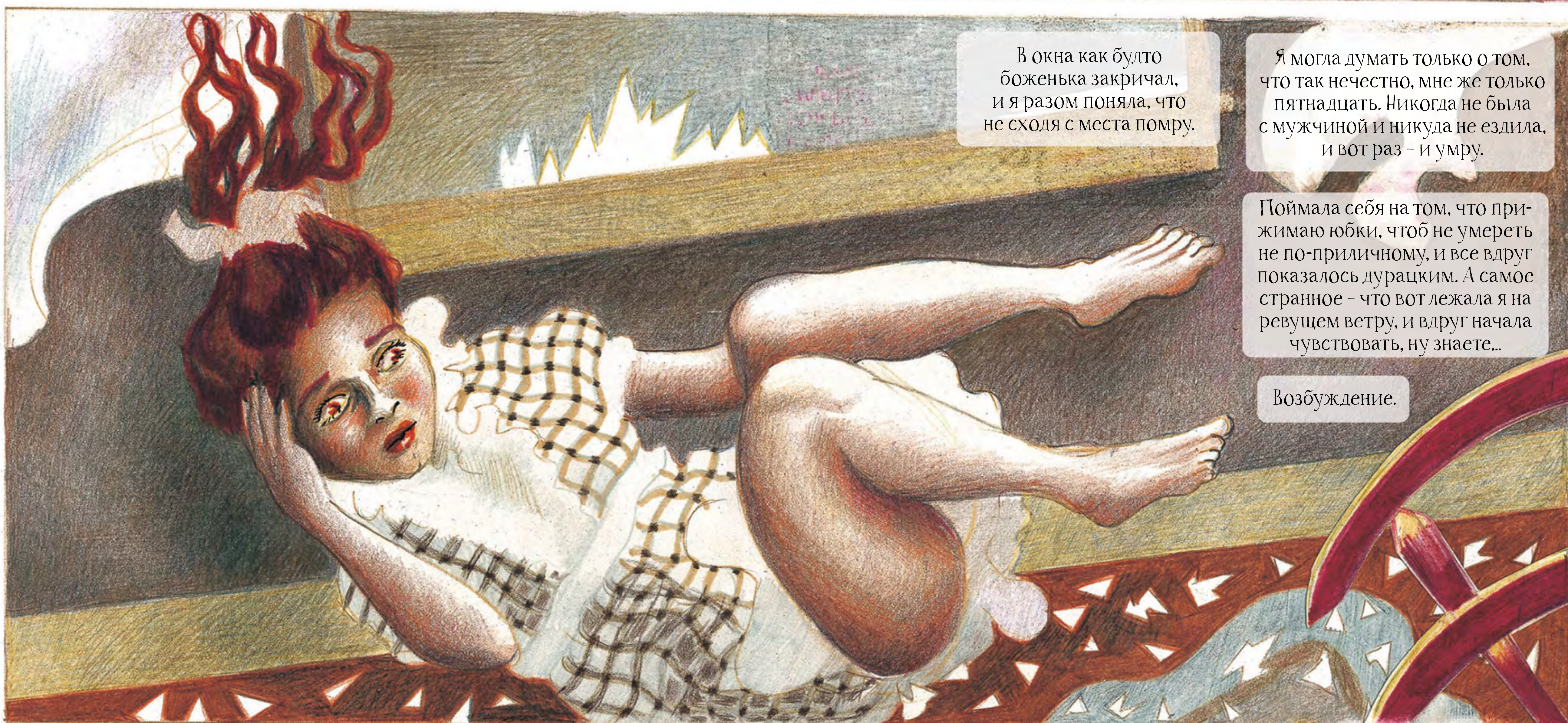
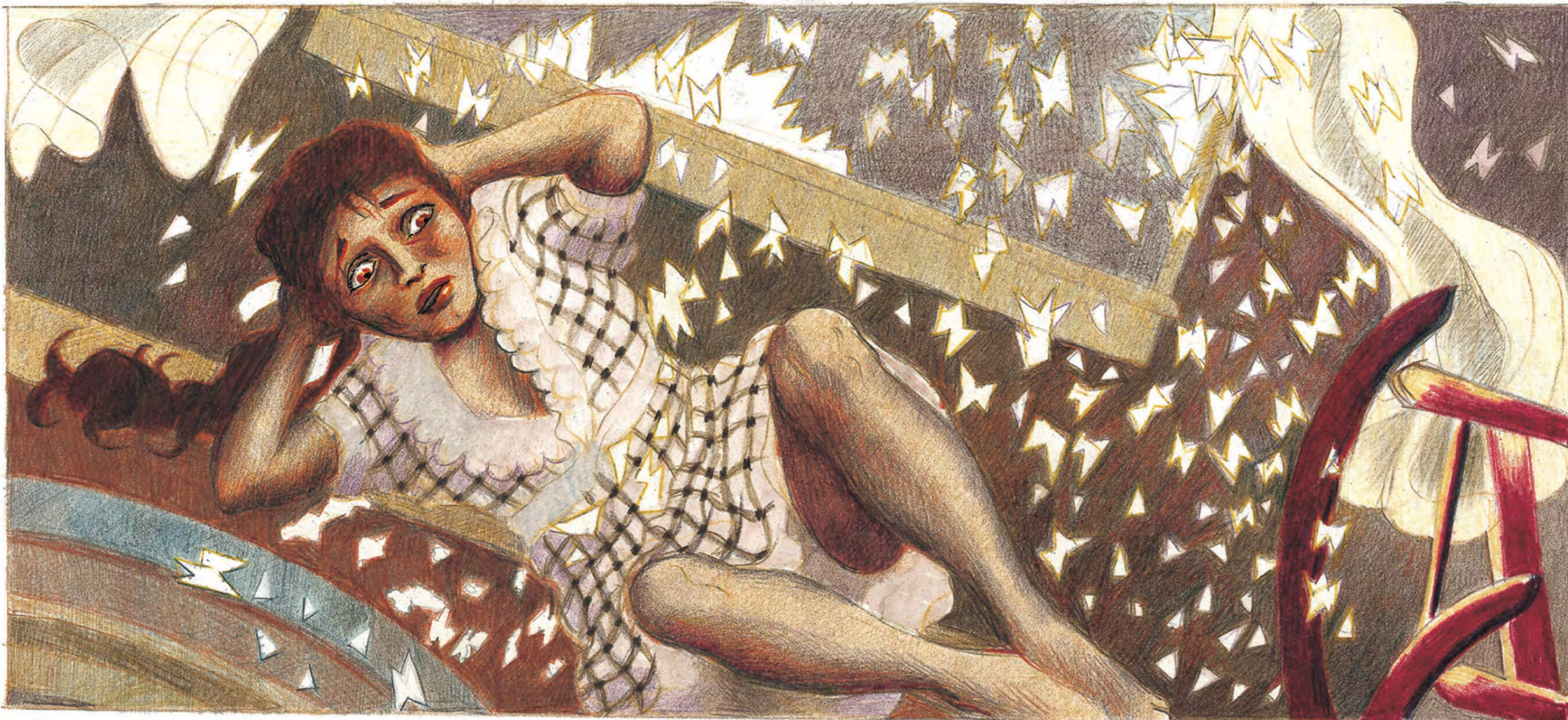
Я и не знала, что поделать. Схватила собаку и бегом домой.

Не было времени запереть створки, негде прятаться, разве только втиснуться в уголок. Я пыталась обнять пса, а он взял да убег. Я не посмела бежать за ним.

Смешное дело: я вспомнила про высокую табличку «Не входить», которую тетя поставила на восточной калитке, и загадала, чтобы старина ураган умел читать. Зажмурилась изо всех сил и стала ждать.

И долго ждать не пришлось.

В окна как будто
боженька закричал,
и я разом поняла, что
не сходя с места помру.

Я могла думать только о том,
что так нечестно, мне же только
пятнадцать. Никогда не была
с мужчиной и никуда не ездила,
и вот раз - и умру.

Поймала себя на том, что при-
жимаю юбки, чтоб не умереть
не по-приличному, и все вдруг
показалось дурацким. А самое
странное - что вот лежала я на
ревушем ветру, и вдруг начала
чувствовать, ну знаете...

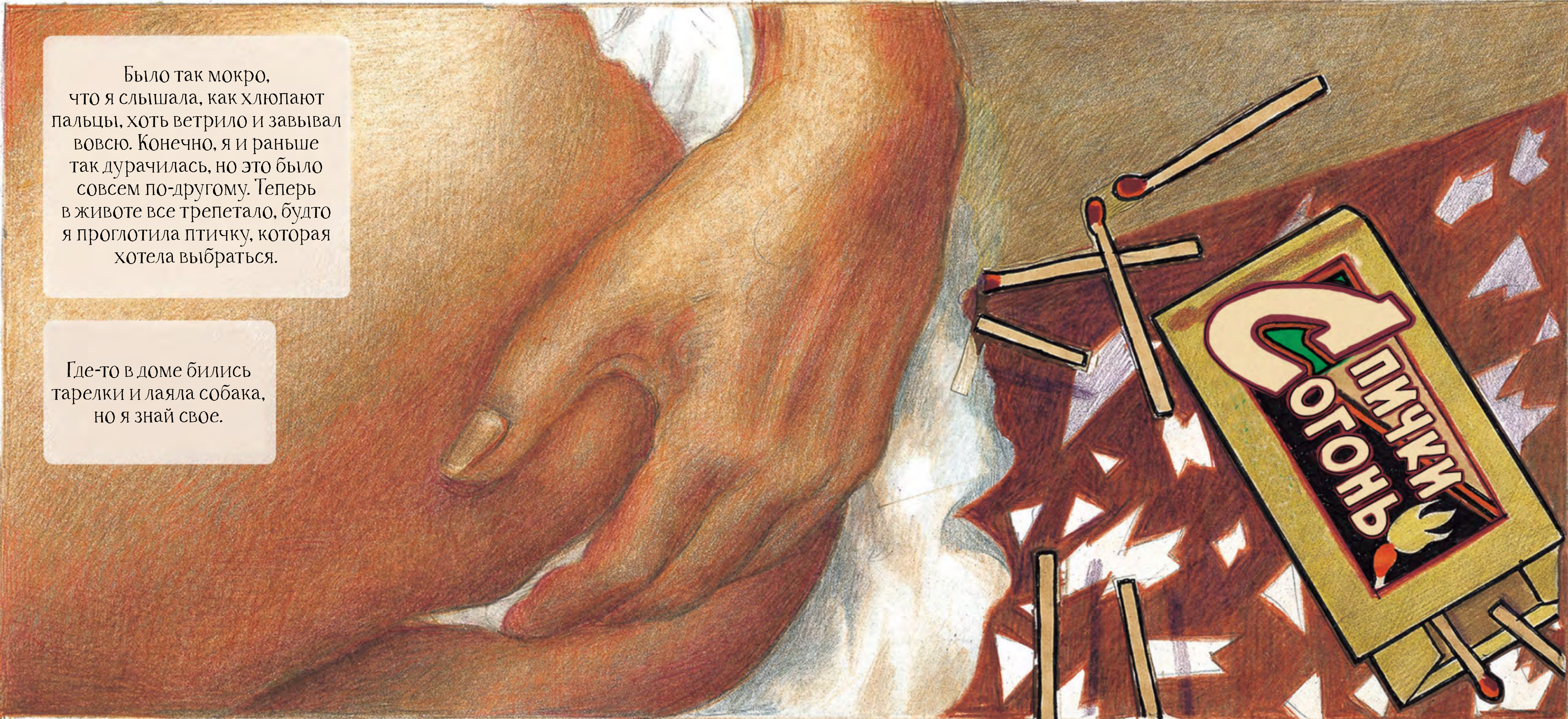
Возбуждение.

Ой, вы теперь на меня смотрите,
и мне стыдно стало. Знаю, глупо
звучит, но...

Понимаете, раз я умираю, значит, можно делать
чего душе угодно! Не надо сомневаться «нет,
я не смею» или «нет, нельзя», ничего такого.
Страшно, но и возбуждает - прямо как ветер.

Я отпустила юбку, и рука сама
собой залезла **туда**. Не стоит это
рассказывать, но, боже... я была
мокрее, чем Сизл в июне.

Было так мокро, что я слышала, как хлюпают пальцы, хоть ветрило и завывал вовсю. Конечно, я и раньше так дурачилась, но это было совсем по-другому. Теперь в животе все трепетало, будто я проглотила птичку, которая хотела выбраться.

Где-то в доме бились тарелки и лаяла собака, но я знай свое.

Боже, как я взбудоражилась. Чувство между ног становилось быстрее и громче, раскручивалось как жаркий ураган. Внутри меня ревел торнадо, снаружи тоже, и казалось, будто я - только кожа, плотно натянутая между ними. Я чувствовала, что во мне что-то случится, оно становилось ближе и больше, но я еще не знала, что это.

Наверно... не знаю...

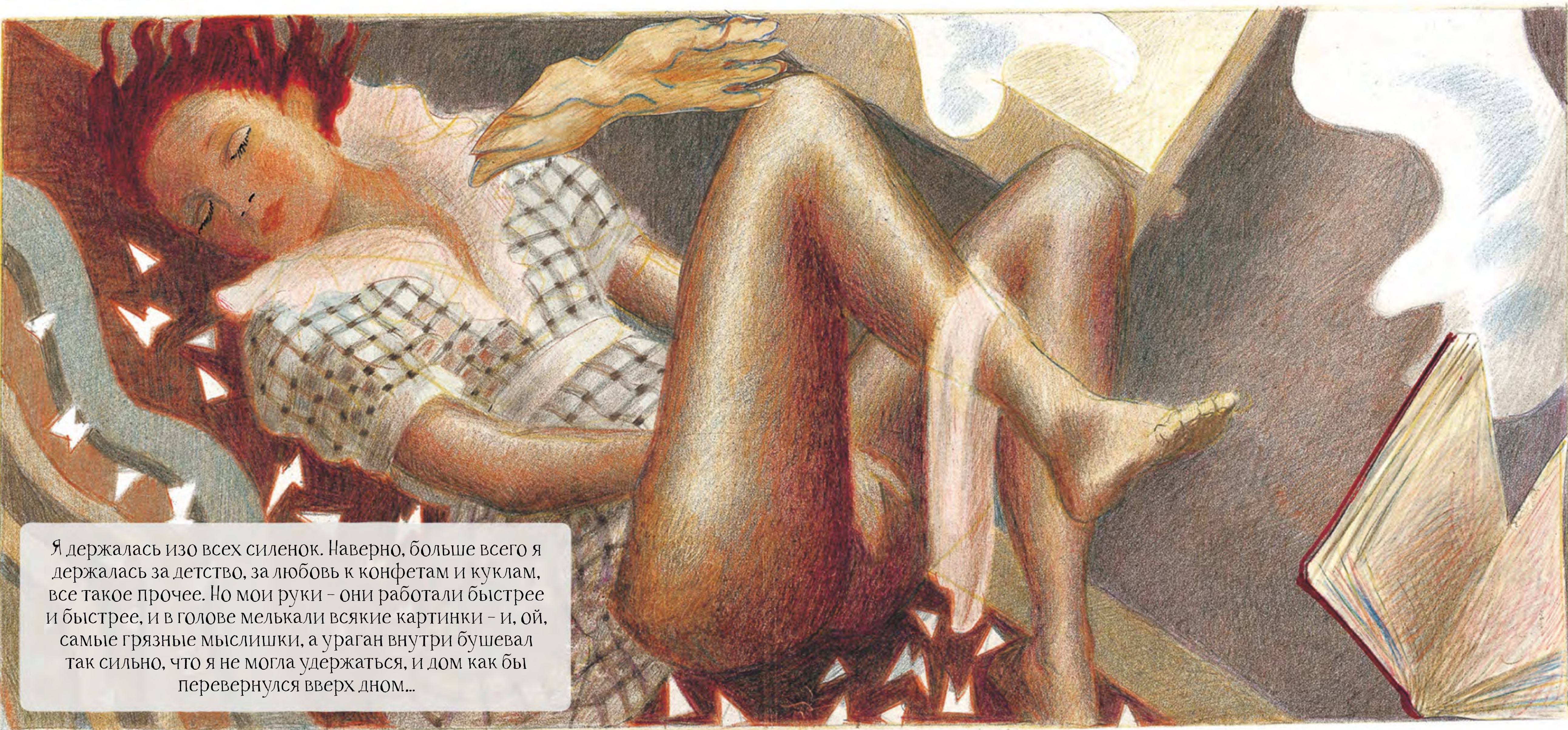

Наверно, я думала, что это смерть.

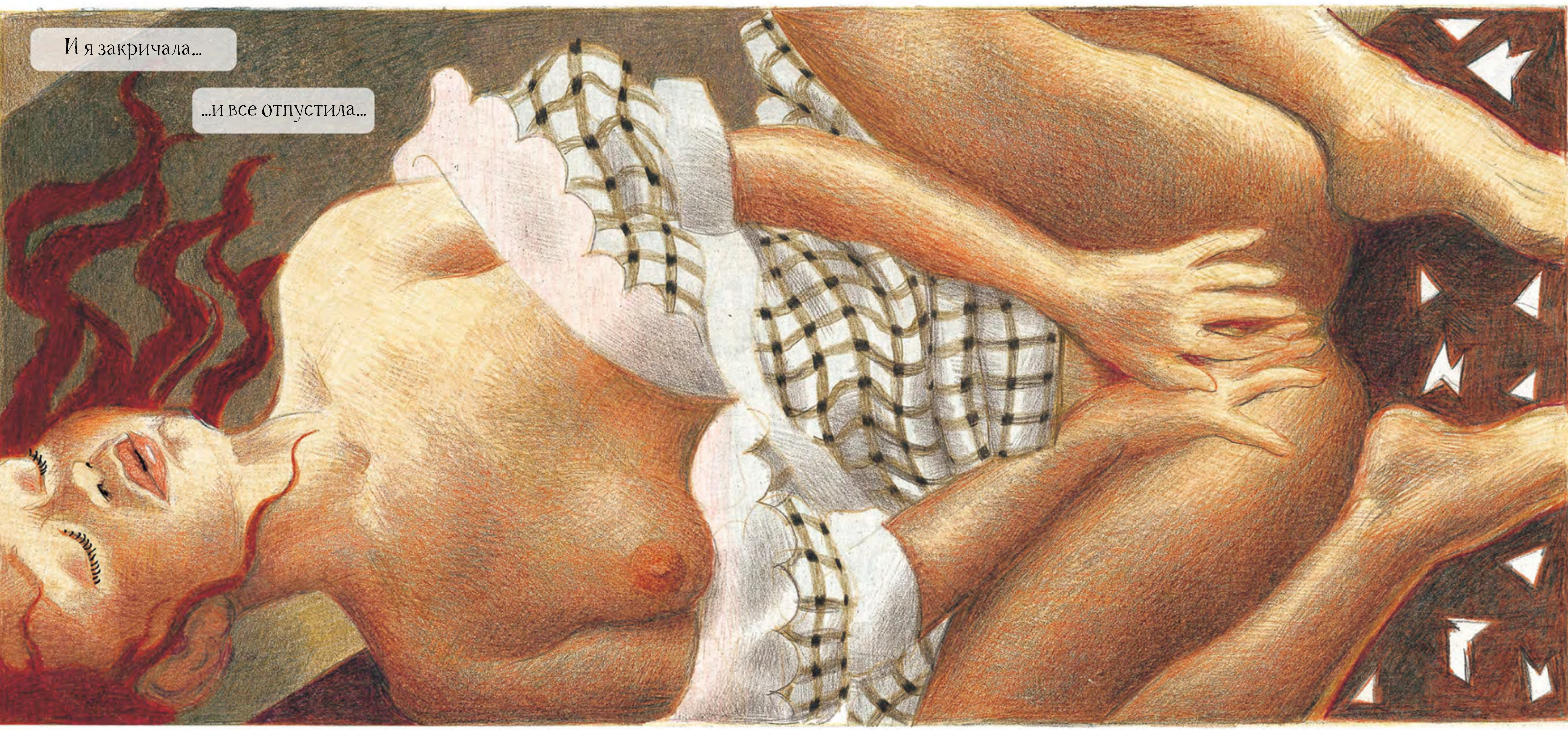

Наверно, думала, этот ветрило унесет меня в облака. Меня, ферму, все Библии и бордели Канзаса, и тогда все гулящие девицы и набожные дамы одинаково окажутся на небесах.

Я запускала пальцы все глубже, будто вкапывалась в траву, чтобы ухватиться и не улететь на небо.

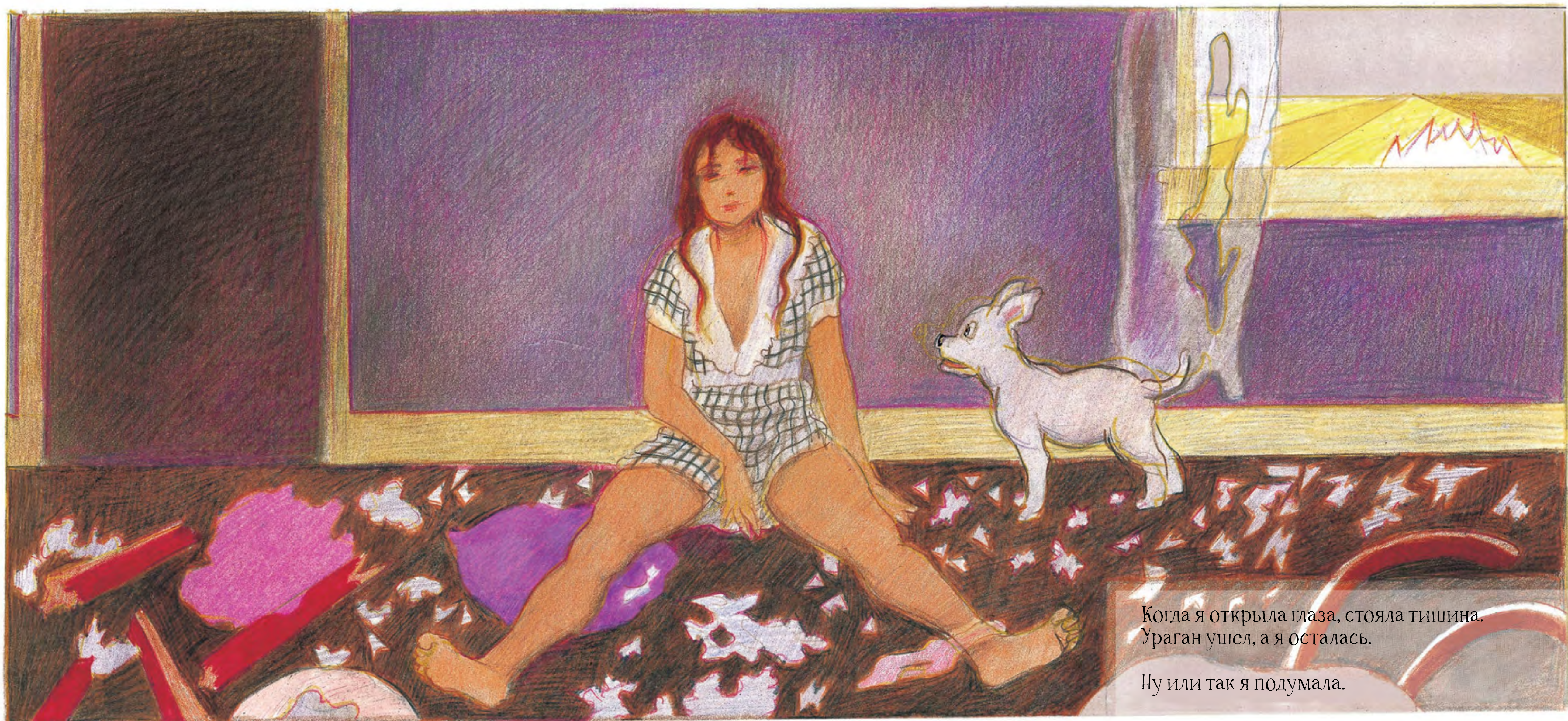
Я держалась изо всех силенок. Наверно, больше всего я держалась за детство, за любовь к конфетам и куклам, все такое прочее. Но мои руки – они работали быстрее и быстрее, и в голове мелькали всякие картинки – и, ой, самые грязные мыслишки, а ураган внутри бушевал так сильно, что я не могла удержаться, и дом как бы перевернулся вверх дном...

И я закричала...

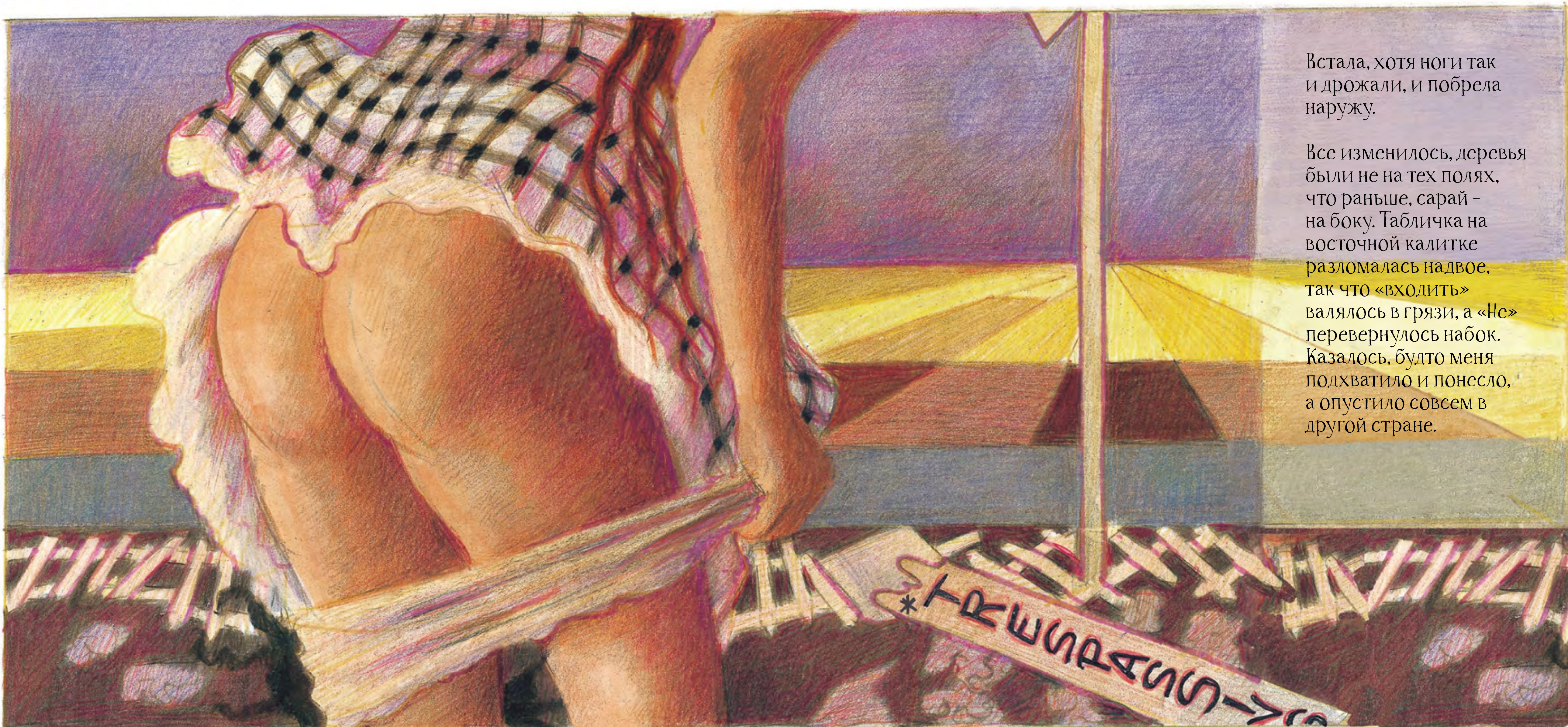
...и все отпустила...

Когда я открыла глаза, стояла тишина.
Ураган ушел, а я осталась.

Ну или так я подумала.

Встала, хотя ноги так
и дрожали, и побрела
наружу.

Все изменилось, деревья
были не на тех полях,
что раньше, сарай –
на боку. Табличка на
восточной калитке
разломалась надвое,
так что «входить»
валялось в грязи, а «Не»
перевернулось набок.
Казалось, будто меня
подхватило и понесло,
а опустило совсем в
другой стране.

Страна, где я росла,
пропала. Я прислонилась
к развороченному забору
и поднесла ладонь к лицу,
чтобы понюхать, и запах
был другой, и я стояла
в новом краю, где могло
случиться что угодно..

В следующие годы
я исследовала эту
новую территорию,
были всякие большие
приключения. Чего я
только не выдывала.
Например, когда я...»

* «Не входить».

** Страна ОЗ.

...О, ну это уже целая охапка других историй. Вам уже надоело слушать про меня и мою старую ферму.

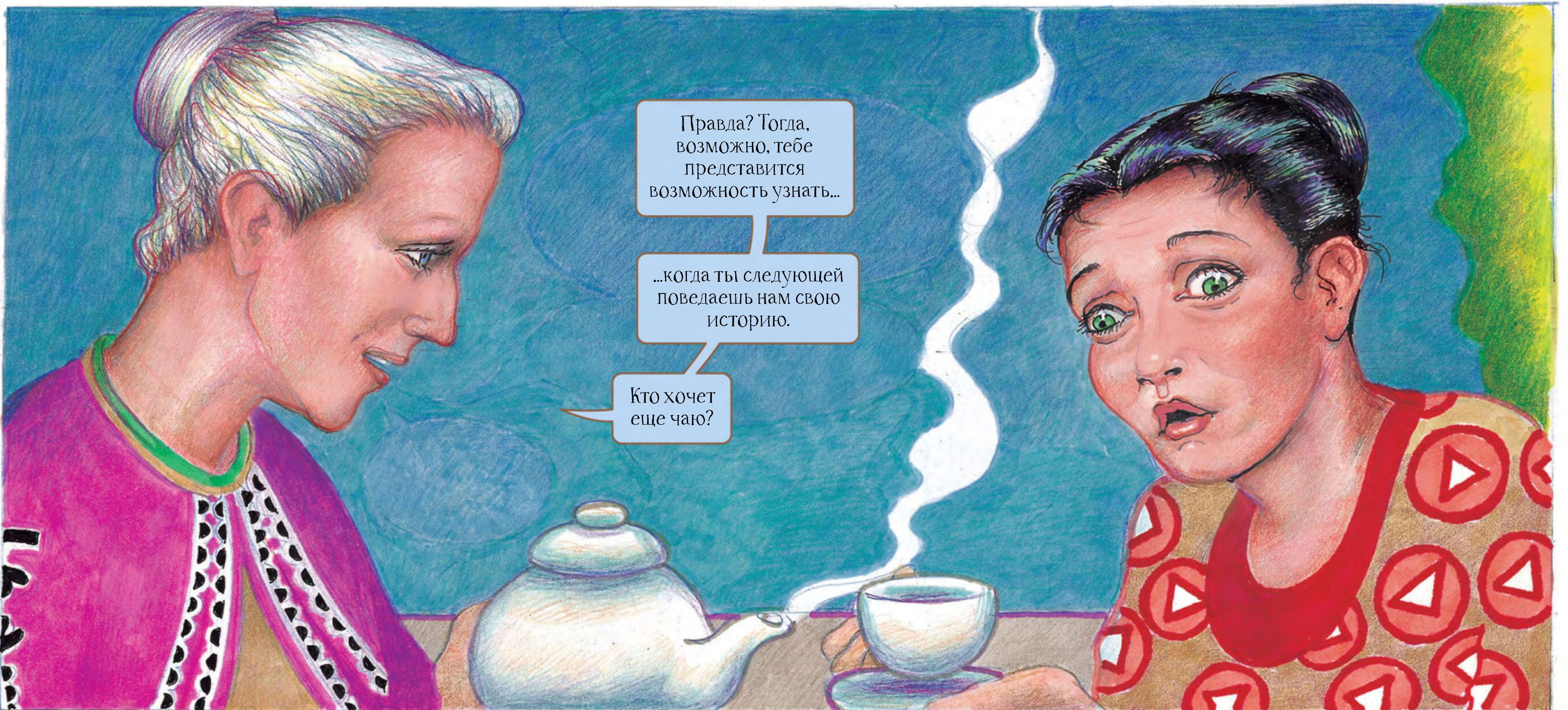
Я все болтаю и болтаю, наверно, наскучила вам пуше смерти.

Дорогое мое дитя. Даже Я не настолько стара, чтобы мне наскучили торнадо. Твоя история чрезвычайно увлекательна. Такая иная - и в то же время похожая на мою.

И... на мою. Я не знала. Не знала, что другие люди могут испытывать то же.

О, но... ты такая юная и такая **отважная!** Я не знаю, откуда ты берешь смелость так просто говорить о подобных вещах.

Правда? Тогда, возможно, тебе представится возможность узнать...

...когда ты следующей поведаешь нам свою историю.

Кто хочет еще чаю?

Глава

8

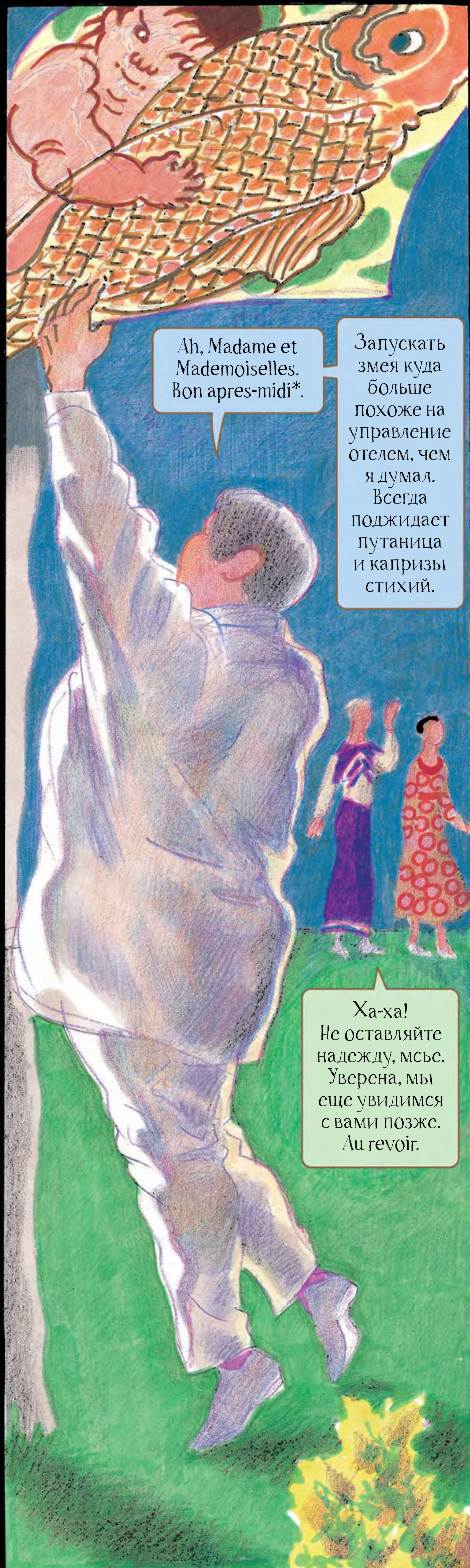
Уходи,
уходи

Ну, миссис Поттер?
Мы послушали
историю мисс Гейл.
Услышим мы твою?

Да. Да, услышите,
просто... найти слова.
Так трудно...

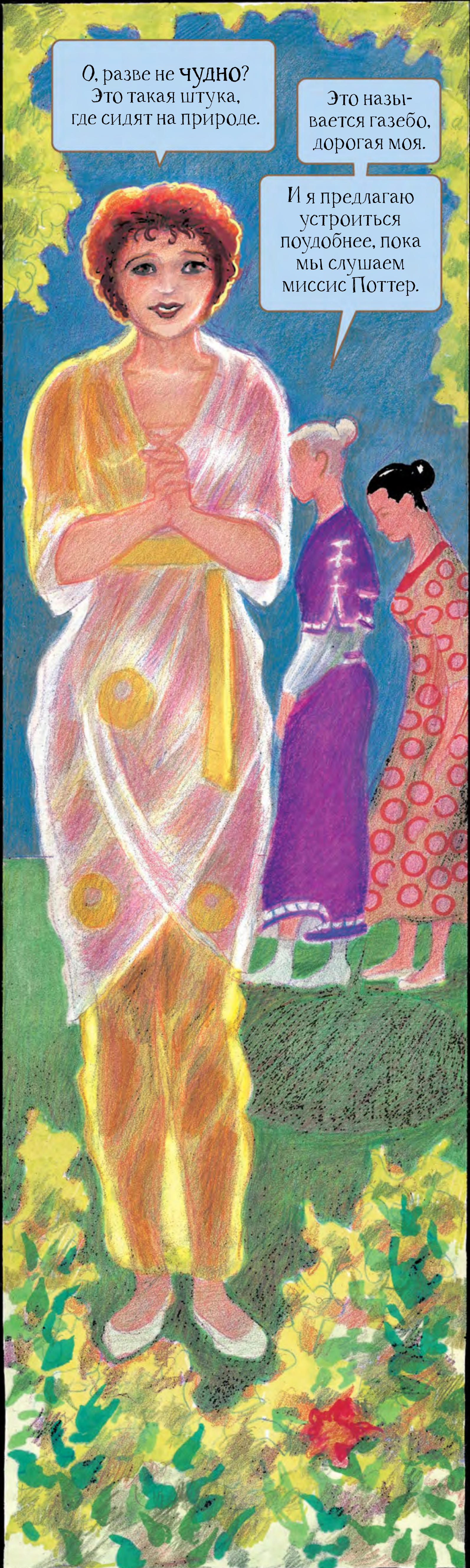
Поглядите-ка! Снова
мсье Ружер и его змей!

Ah, Madame et
Mademoiselles.
Bon apres-midi*.

Запускать
змея куда
больше
похоже на
управление
отелем, чем
я думал.
Всегда
поджидает
путаница
и капризы
стихий.

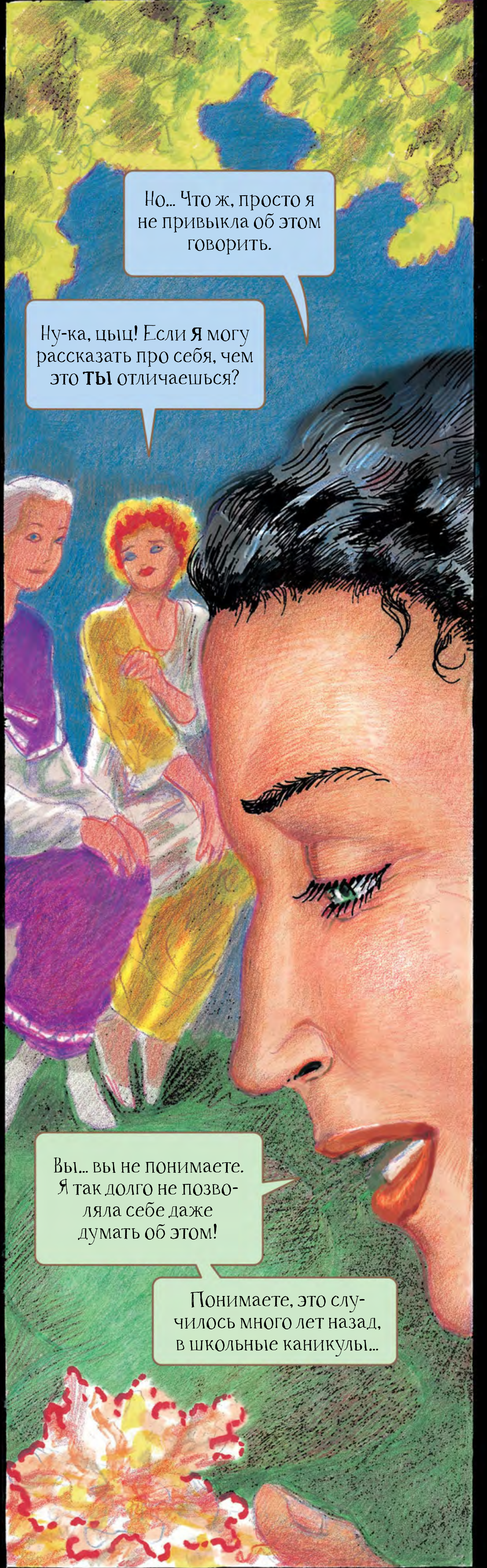
Ха-ха!
Не оставляйте
надежду, мсье.
Уверена, мы
еще увидимся
с вами позже.
Au revoir.

О, разве не чудно?
Это такая штука,
где сидят на природе.

Это назы-
вается газебо,
дорогая моя.

И я предлагаю
устроиться
поудобнее, пока
мы слушаем
миссис Поттер.

Но... Что ж, просто я
не привыкла об этом
говорить.

Ну-ка, цыц! Если Я могу
рассказать про себя, чем
это Ты отличаешься?

Вы... вы не понимаете.
Я так долго не позво-
ляла себе даже
думать об этом!

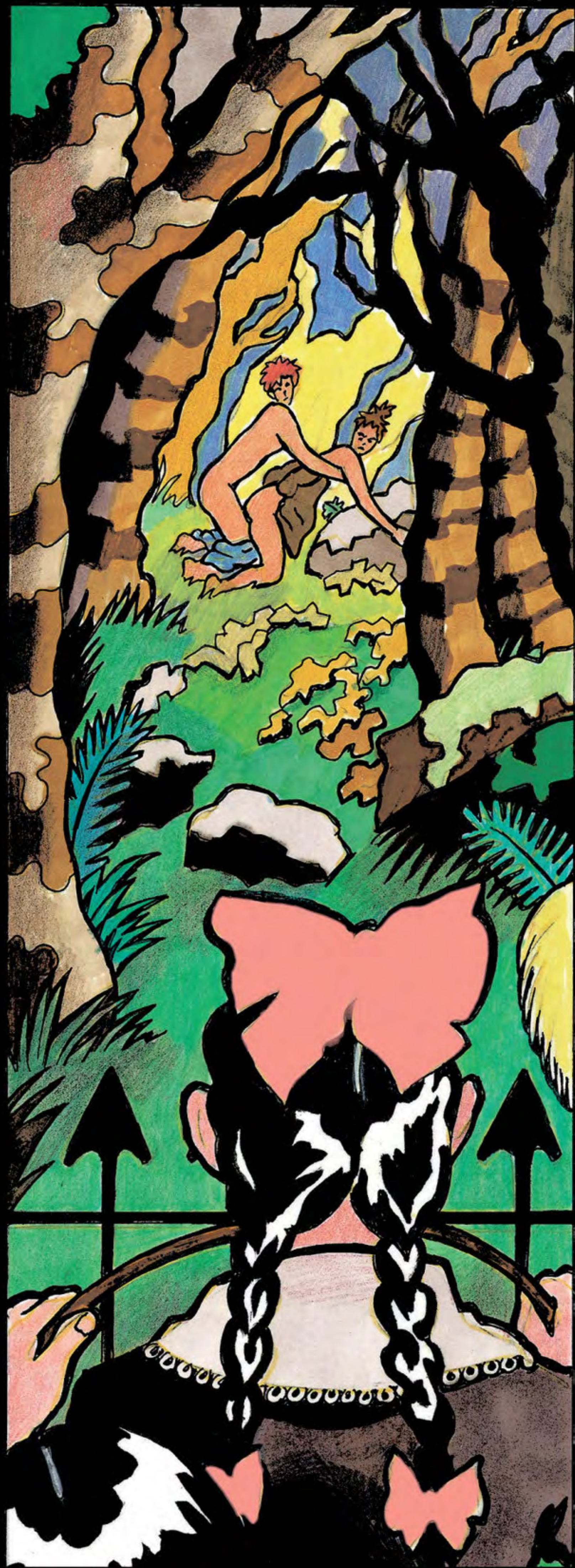
Понимаете, это слу-
чилось много лет назад,
в школьные каникулы...

*А, мадам и мадемуазели. Добрый день. (фр.)

«Этим летом мы с братьями часто посещали парк. Однажды днем Майкл, наш младший, что-то заметил в огороженной роще посреди парка.

Джон, мой старший брат, прокричал: «Уходи, уходи!»

Но Майкл не ушел, и тогда мы пошли посмотреть, что там.

Я... даже не знаю, как описать вам увиденное. Это... это был мальчик. И девочка.

Она облокотилась на упавшее бревно, а ее юбка была... в беспорядке.

Мальчик стоял на коленях позади, и я осознала, что он... ну знаете. Его брюки. Были спущены.

Он... как бы двигался, туда и сюда, и всякий раз девушка вскрикивала...

...почти словно ей больно. Мальчик молчал, пока вдруг не содрогнулся и не издал возглас, открыв глаза и уставившись точно на меня.

Его глаза. Такие ярко-зеленые!

Наша фамилия была Дэрлинг, хотя мы называли наших родителей мистер и миссис Дэрлинг, потому что они постоянно обращались друг к другу «дорогуша».

В большом доме наши с братьями спальни находились далеко от родительской, и после ужина мы собрались у них, перешептываясь о том, что видели...

...когда вдруг что-то стукнуло в окно.

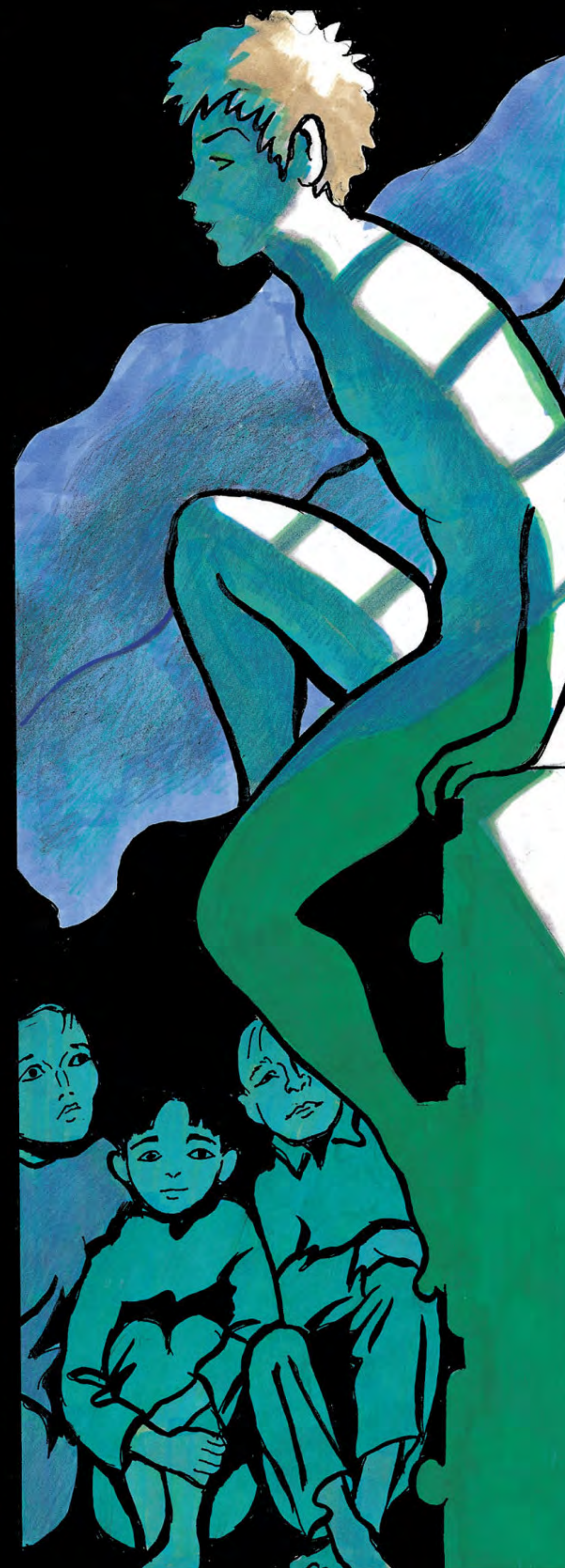
Это был мальчишка. Мальчишка из парка, он стоял в нашем саду и бросал камешки в стекло. Когда он увидел, что мы смотрим на него, он улыбнулся и помахал. Улыбка эта была совершенно очаровательной.

Я помахала в ответ, даже не задумываясь.

Приняв это за знак, он полез по сточной трубе к нашему окну.

Я очень испугалась и пожалела о своем необдуманном жесте, но... что ж, другая часть меня ликовала.

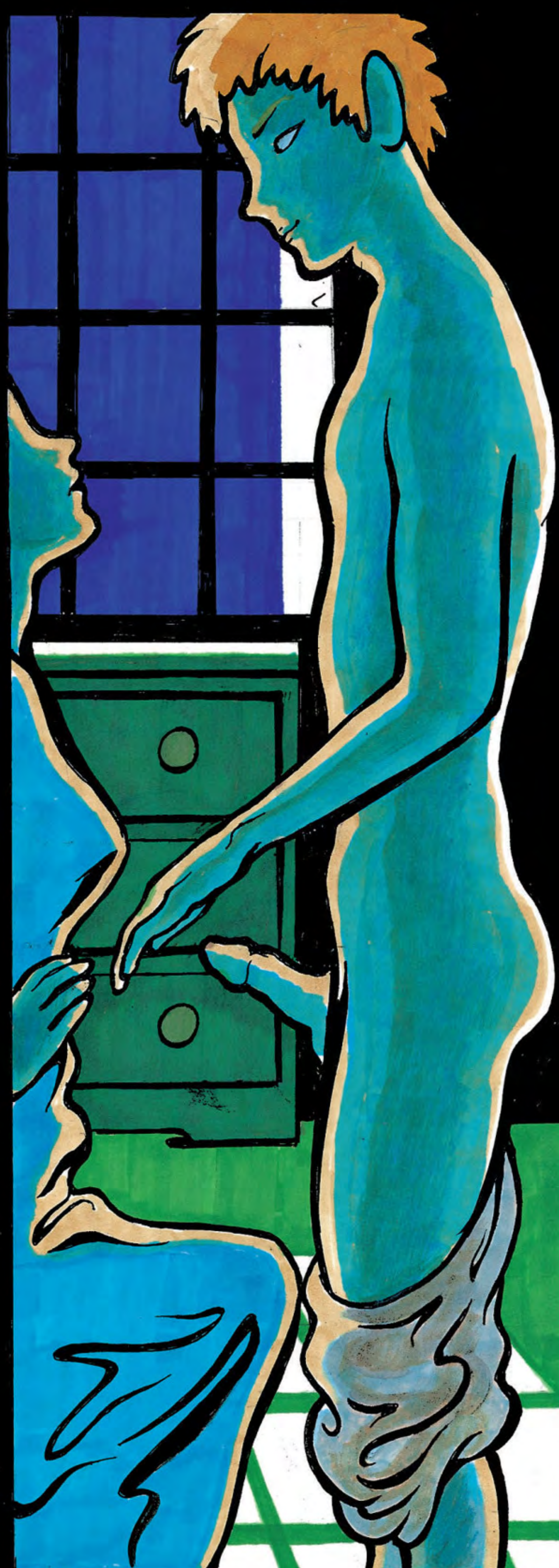
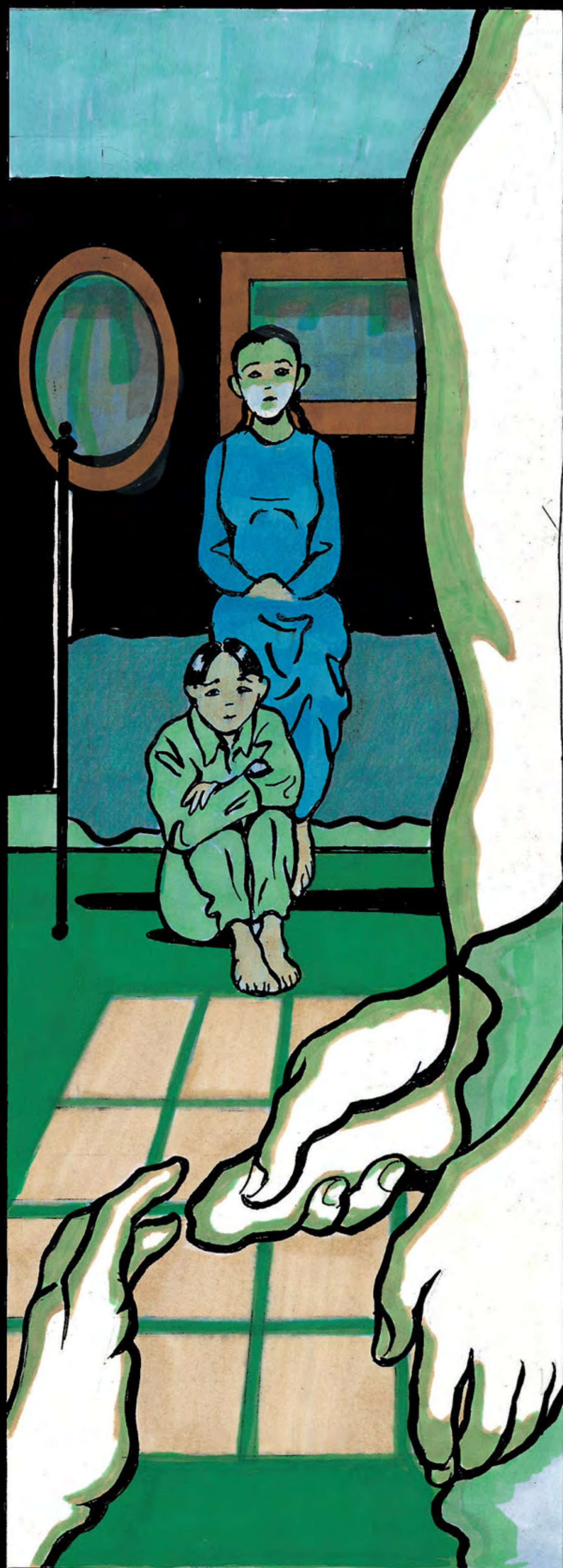
Когда он лез, он был такой...

...такой гибкий. Такой ловкий и быстрый.

Его звали Питер.

Он сказал, что проследил за нами из парка, потому что мы ему понравились. Когда он говорил, смотрел прямо на меня. Речь у него была простой, низшего класса, но в то же время музыкальной.

Он сказал, что они с друзьями часто играют в роше в игры... игры, которые могут понравиться и нам.

Явно заинтригованные, Джон и Майкл спросили, что это за игры. Почти с лукавым видом мальчишка ответил только, что эти игры приносят удовольствие. Когда Майкл продолжил расспросы, он согласился показать их нам, хотя и с большой неохотой, словно это исключительно наша затея.

Он... ох, как это ужасно звучит! Он расстегнул штаны и показал нам свой... свои дела, а потом предложил Джону и Майклу сделать так же. Он сказал, что нагрет их невидимой пылью и что при этом нужно думать хорошие мысли о... ну знаете.

О девочках.

С колотящимся сердцем я наблюдала, как они играют в свете лампы и тенях. Вскоре Питер подошел ко мне и спросил, не хочу ли поиграть и я. Я лишилась дара речи, а он принял молчание за согласие. Возможно, им оно и было. В другом углу комнаты, все еще упражняясь в том, чему он их научил, за нами выжидательно наблюдали братья.

Я не смела вздохнуть. Наша няня, мадам Бернар, спала как раз под нами, и я боялась, что она все услышит. Затем Питер улыбнулся, и у меня отлегло от сердца, словно мы оба знали, что это лишь невинная игра.

Его рука приземлилась на мое колено. Меня словно... словно пронзила молния.

Он начал... ох, как же стыдно!.. Не знаю, смогу ли я...

Он начал задирать мою сорочку выше, чтобы... увидеть меня. Братья казались такими возбужденными! Мне было шестнадцать, они не видели меня обнаженной с самого детства.

Я и не подозревала, что они думают обо мне... так.

Он... он положил руку между моих... н-на мои интимные места, и... и потом уже ничто не казалось реальным. Я не могла поверить, что это происходит на самом деле.

Он взял меня за руку, очень нежно, и заставил дотронуться до его... до его дела. Оно было таким теплым! Потом он начал раскрывать мою грудь.

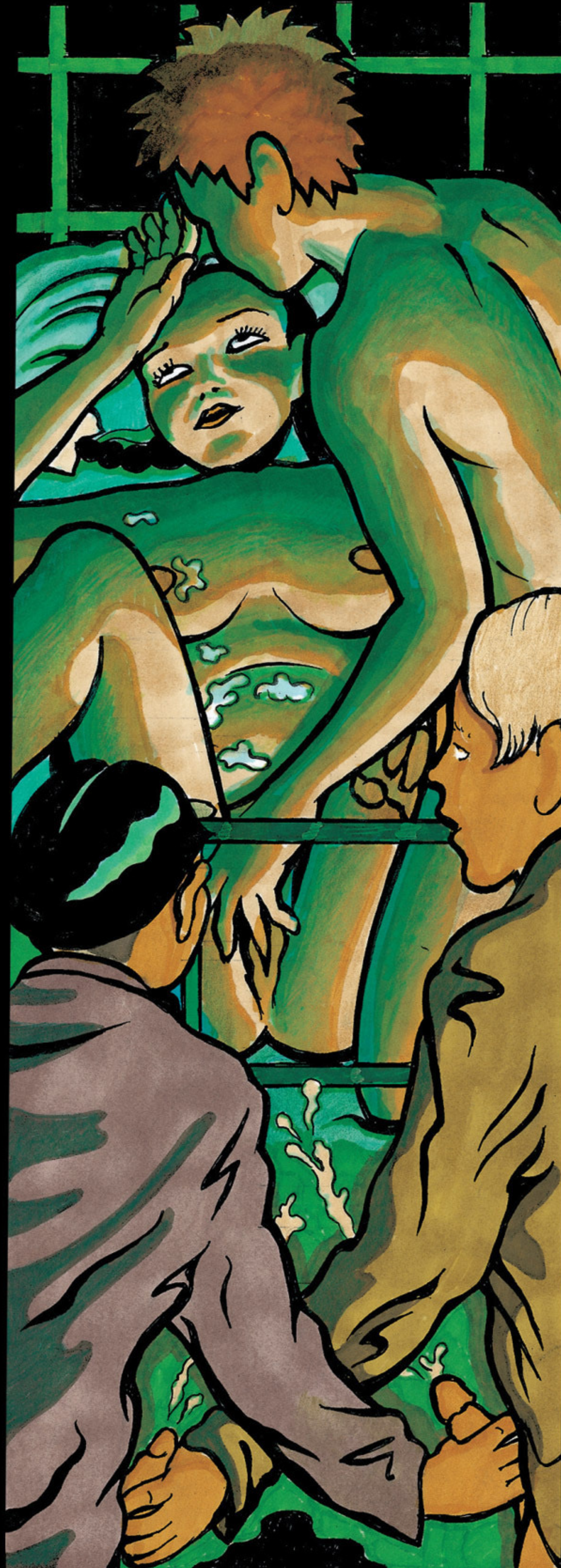
Принялся гладить меня, и один его палец...

Ах, как я могла?! Как я могла ему позволить? Я знала, что это неправильно, но... но я так себя чувствовала, а потом... потом он начал двигаться, в моей руке. Его лицо...

Его глаза были закрыты. Он казался маленьким мальчиком, готовым ко сну.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня, и... это был не обычный поцелуй, не супружеский. Это был...

Язык. Он... он засунул язык мне в рот. Вы... вы, должно быть, принимаете меня за бесхарактерную женщину. Глядя от изножья кровати, Джон и Майкл начали... словно бы задышаться.

Все происходило так быстро, я ничего не могла понять. Руки братьев под ночнушками друг у друга двигались все быстрее и быстрее. Майкл всхлипнул, и что-то подскочило между их телами, плеснуло на рубашки. Все стало как в бреду: Питер в моей руке, я - в его. Что-то должно было случиться.

Он начал содрогаться, словно я делала ему больно, а потом между моих пальцев потекло что-то мокрое, капая прямо передо мной.

Я осознала, что... двигалась сама, на его руке, а потом во мне все будто взорвалось, и разлилось такое удовольствие! Такое идеальное удовольствие...

После настало время тишины, мечтаний. Он приглашал нас посетить его в роше, но просил никогда, никогда об этом не рассказывать.

Потом он ушел, через окно, но в моем сне забрал нас с собой. Мы полетели над Лондоном, в небеса, словно по волшебству...»

...Так и начались мои приключения во сне и наяву: с образа полета.

Ох, что вы обо мне подумаете? Мне так хотелось кому-то все рассказать, но теперь вы, должно быть, боитесь, что я сумасшедшая.

Хотя я-то, конечно, провела несколько лет в лечебнице.

Чепуха! Как раз недалеко отсюда, в Вене, практикует видный знаток человеческого разума.

Он бы нашел твой образ полета совершенно приемлемым и вполне уместным. Нимало не сомневаюсь, что ты безумна не более меня.

Вы?.. Н-но... вы же леди. Вы из хорошей семьи.

Моя дорогая миссис Поттер, именно моя «хорошая семья» и упрятала меня в это учреждение.

Видите ли, я всегда была весьма... трудным человеком, с тех самых событий в МОЕМ детстве...

...И, возможно, если мы перейдем во двор, к фонтанам, где прохладнее, я поддамся на уговоры и изложу их вам. Так что мы уходим, дорогие дамы.

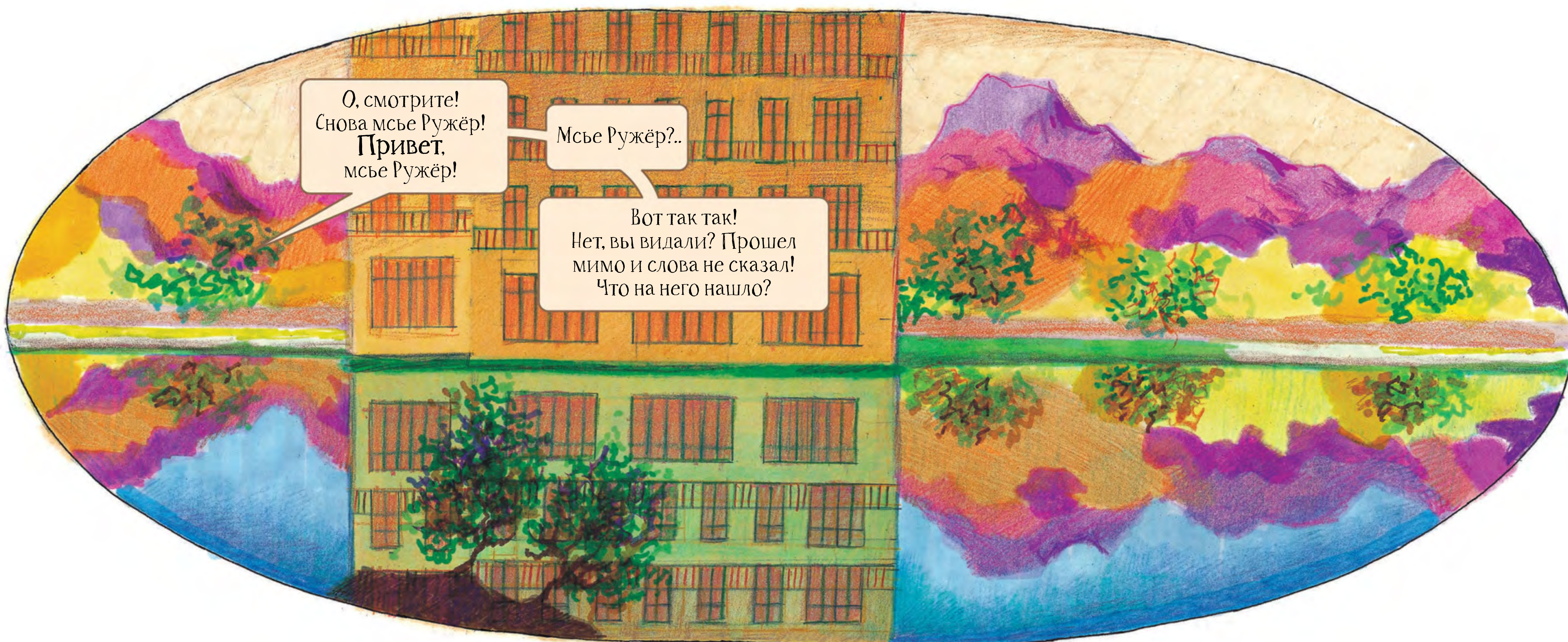
Уходим.

Глава

9

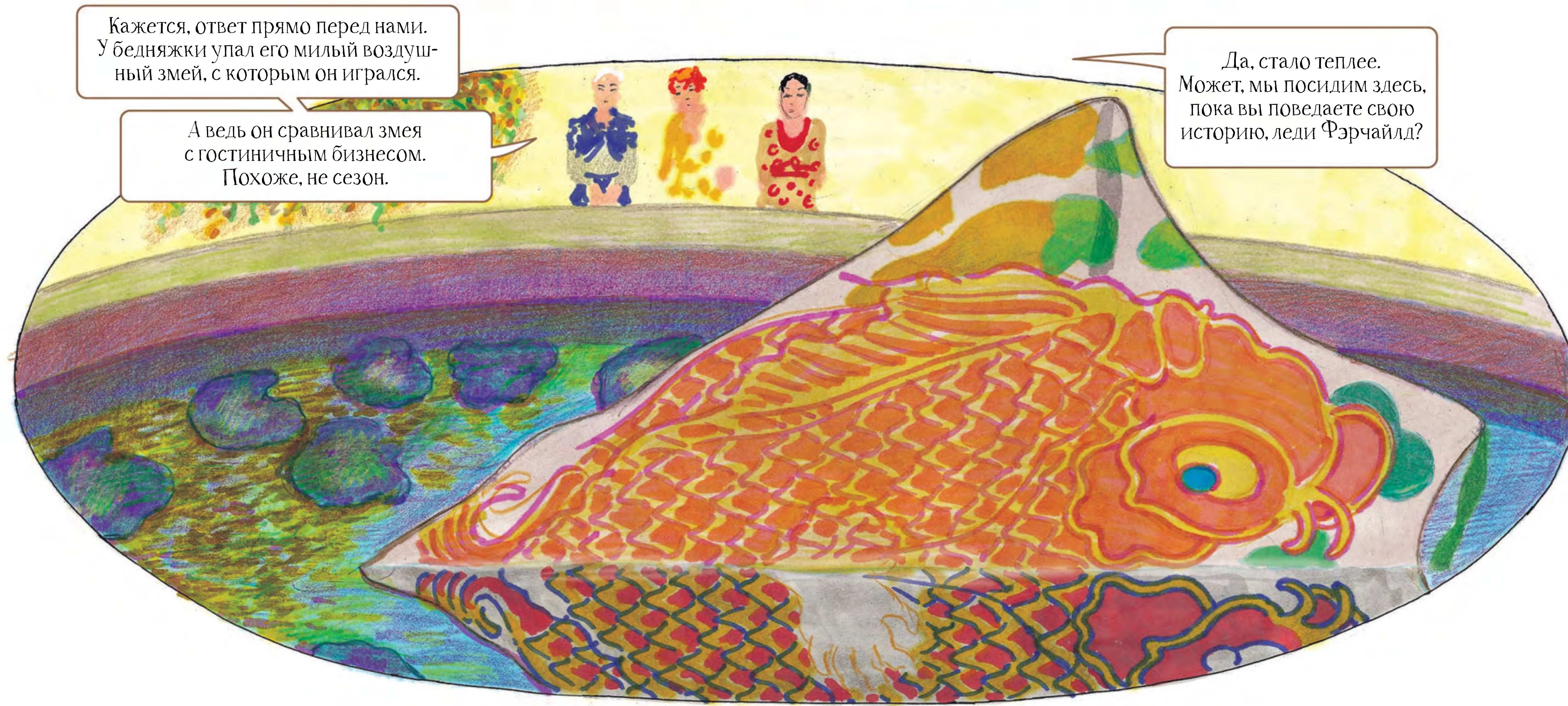
**Дом
из зеркального
стекла**

О, смотрите!
Снова мсье Ружёр!
Привет,
мсье Ружёр!

Мсье Ружёр?..

Вот так так!
Нет, вы видели? Прошел
мимо и слова не сказал!
Что на него нашло?

Кажется, ответ прямо перед нами.
У бедняжки упал его милый воздуш-
ный змей, с которым он игрался.

А ведь он сравнивал змея
с гостиничным бизнесом.
Похоже, не сезон.

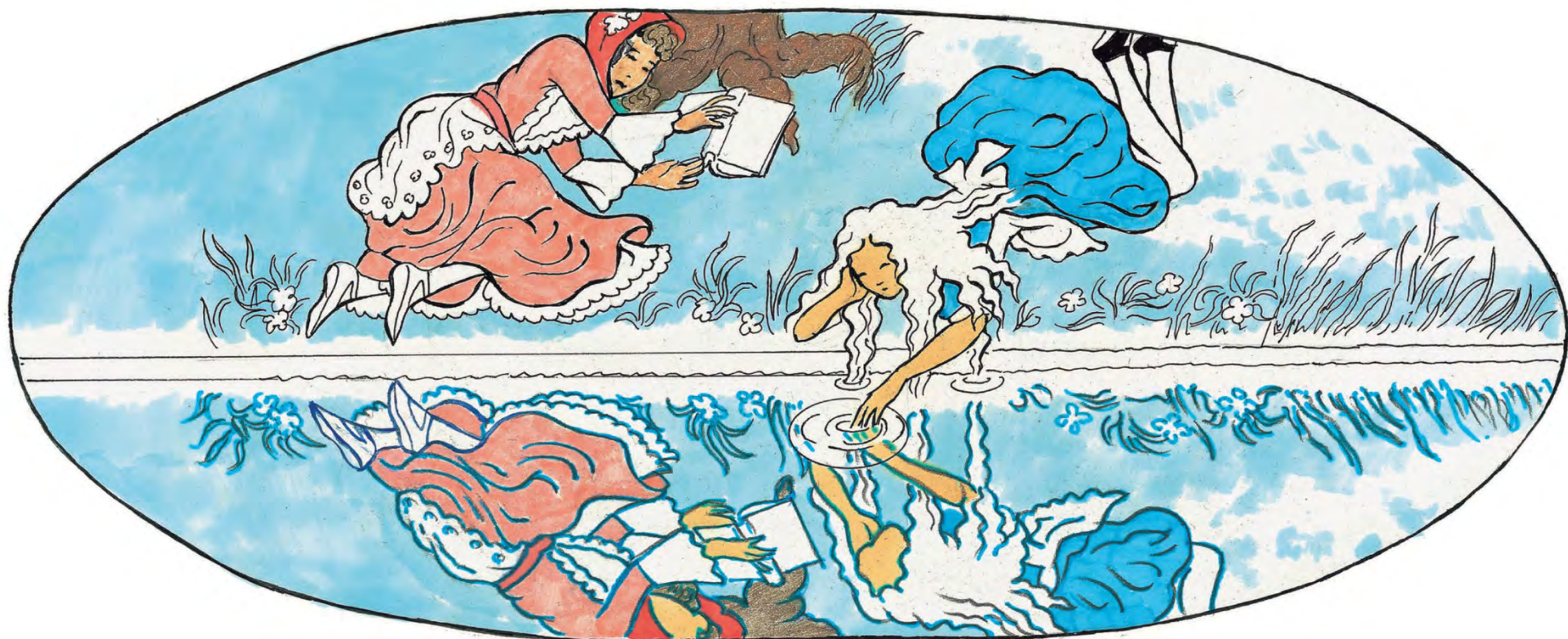
Да, стало теплее.
Может, мы посидим здесь,
пока вы поведаете свою
историю, леди Фэрчайлд?

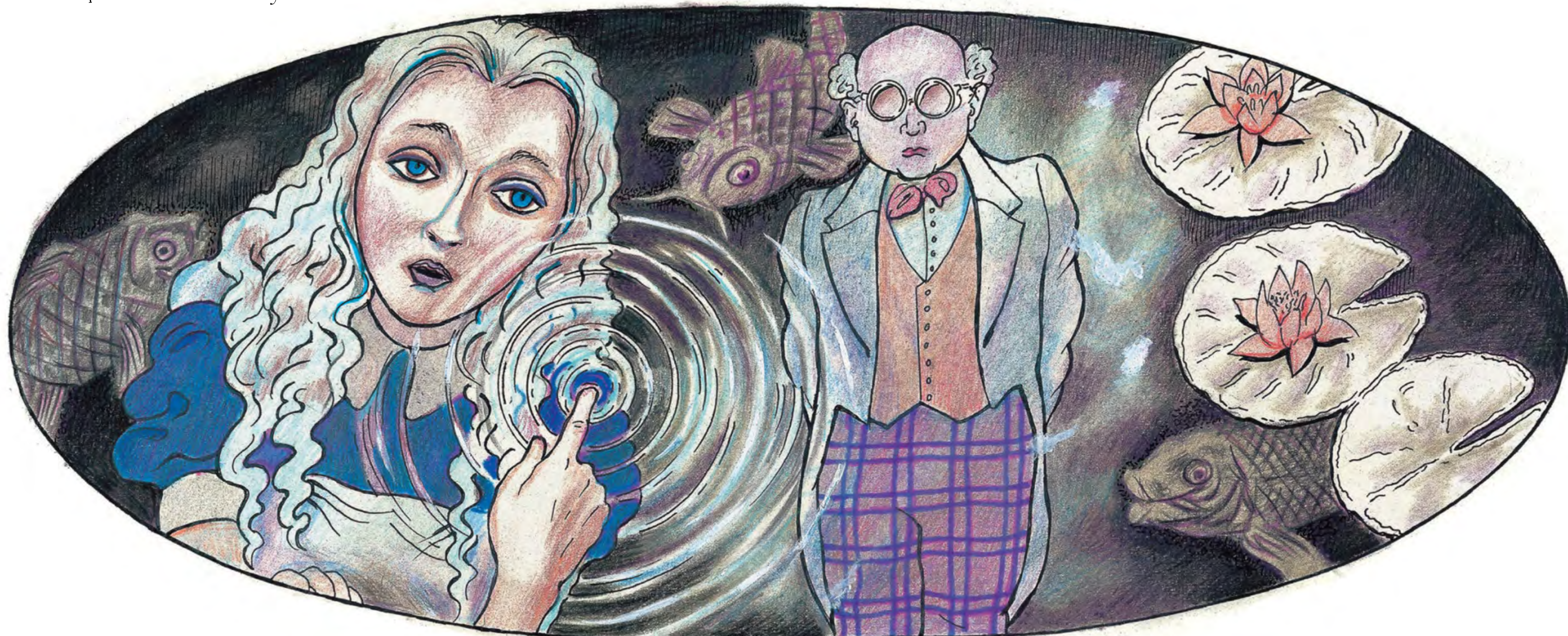
Что ж хорошо... хотя должна
сказать, никогда не любила
воршить прошлое. Память -
такое любопытное место.

Видите ли, есть то,
чем мир кажется, и
то, чем он является...

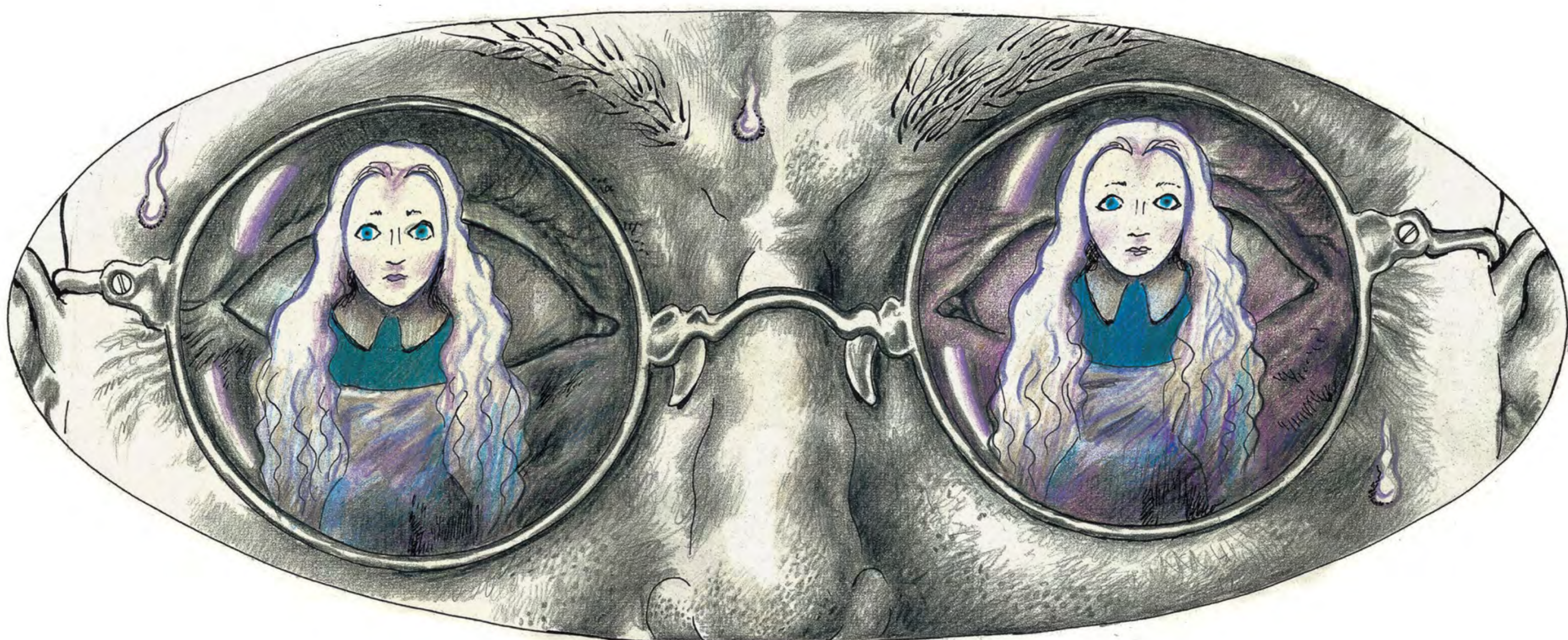
...и часто одно - полная
противоположность
другого...

«Помнится, мне было четырнадцать, и летний день казался нескончаемым. Это было во время каникул. Мы с сестрой, когда нас часто оставляли одних в большом доме, ходили сидеть у ручья, где она изо всех сил зубрила книги о манерах – занудные тексты без картинок и разговоров, – а потом засыпала. В каком-то смысле то, что произошло далее, случилось по ее вине.

Я лежала, глядя в ручей, а мое отражение глядело на меня. Можно сказать, я сразила саму себя; эта подводная девчонка среди светлых волос и ползучих водорослей – ее лицо было моим, и все же время от времени странная рыбка на глубине бросала сквозь него отблеск. Засмотревшись, я не сразу заметила его.

Он был старинным другом моего отца, его розовую плешку окружало кольцо белых волос. Казалось, он никогда не мог найти себе места, вечно куда-то торопился. Мы звали его Кроликом, хотя его настоящее имя теперь ускользает от меня. Приглушенным голосом, дабы не разбудить мою сестру, он пожаловался на солнцепек и спросил, не пойду ли я с ним в дом, чтобы составить ему компанию до возвращения папы. Отказ казался дурным тоном.

Осведомившись, когда будет мой отец, он с какой-то тревогой метал взгляды на свои карманные часы, но хранил молчание, пока мы шагали к дому. Не пели птицы. Не лаяли собаки. Не цокали по дороге ломовые лошади. По лужицам слал рябь ветерок, словно горничная, встряхивающая простыни. За этим исключением воздух был неподвижным, будто весь день положили под стекло.

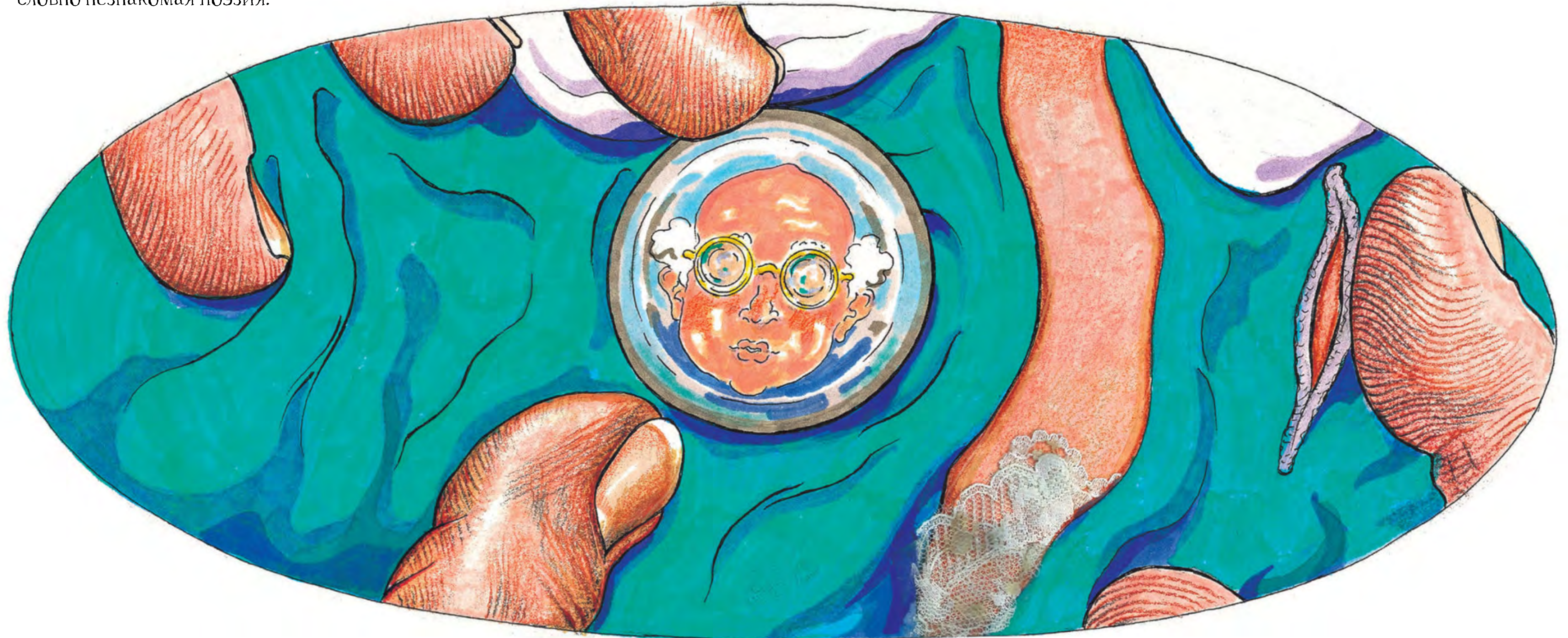
Войдя со мной в гостиную, он сказал нечто очень странное. Он спросил, страшно ли мне, и помню, я не понимала, почему мне должно быть страшно в моем собственном доме. В конце концов, в отсутствие матери хозяйкой была я, а он - лишь гостем. Я почувствовала себя необычно, словно знакомый порядок вещей перевернулся; день встал вверх тормашкам без моего ведома.

Внутри мы оба устроились на софе. Он спросил о моем возрасте, и казалось, мой ответ удивил его: он заметил вслух, какой я стала взрослой. Сказал, что мне следует сидеть как подобает леди, немедленно приступив к демонстрации и тронув меня за ноги. Пожалев, что отец не торопится домой, я бросила взгляд на часы. Их тиканье, громкое и свинцовое, заполняло всю комнату.

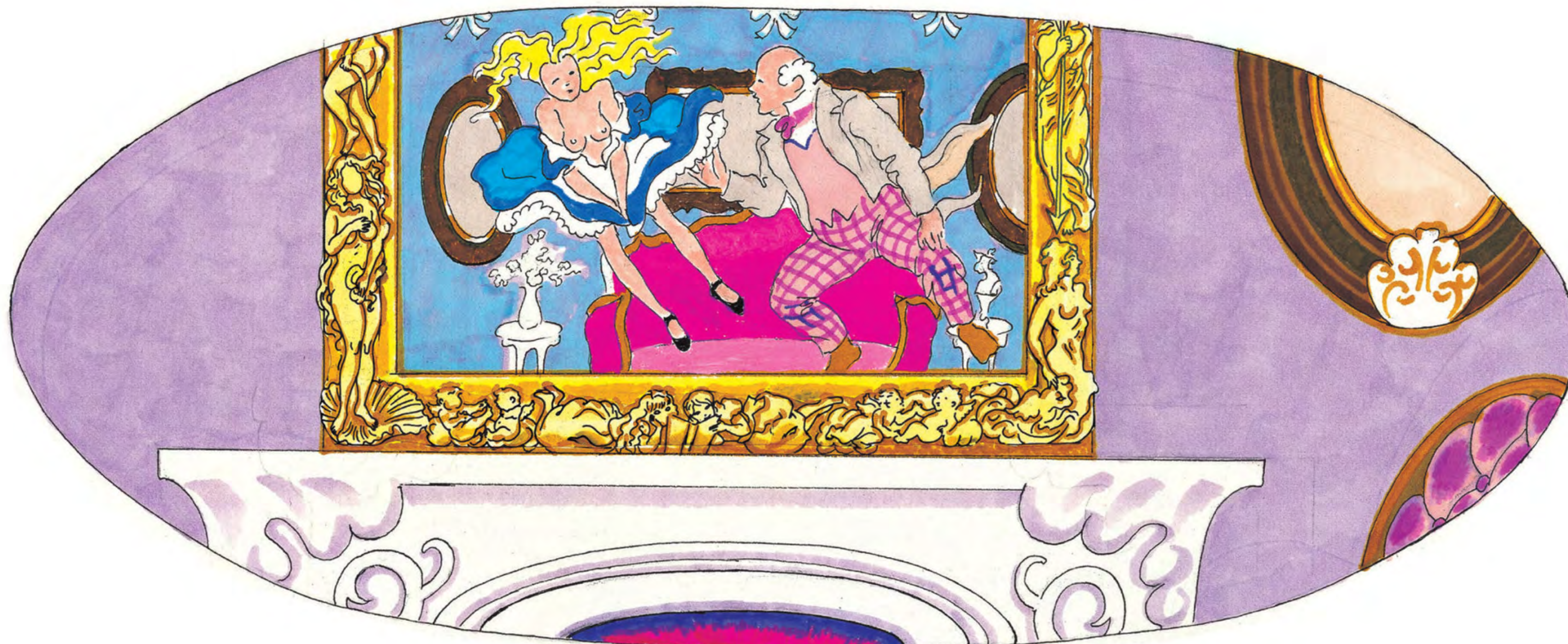
Он сообщил мне, что ему неоднократно предлагали чувствовать себя под кровом отца как дома и угощаться вином. Затем добавил, что, учитывая, как я повзрослела, и мне не лишним будет пригубить бокал. Он подмигнул и сказал, что это станет нашим секретом. На моем языке вино казалось странным и резким, словно незнакомая поэзия.

Я пила, пила много, чтобы доставить ему удовольствие, но бокал никогда не оставался пуст, словно наполнялся сам собой. Вскоре почудилось, что мое тело вдруг стало то ли слишком большим, то ли маленьким, а комната вокруг то ли съежилась, то ли разрослась, и поэтому мои колебания оставались незаметными. На лбу образовалась пленка испарины. Он сказал, что мне, должно быть, жарко, и, не подумав, я согласилась, чем спровоцировала его на дальнейшие вольности.

Гостиная на волне вина отхлынула от меня, а потом примчалась назад, так что я не сразу поняла, что тепло и движение между ног я чувствовала из-за его руки. В насекомом глазу графина плясали отблески, как искры на йоде.

Все так напоминало сон! Из-за вина, превратившего мою слюну в сладкий уксус, теперь закружилась комната, презрев силу гравитации. Я падала или плыла в какую-то нору внутри себя, и в ее дальнем конце видела лишь зеркало матери, что висело на соседней стене. Пальцы внутри меня трепетали - странные птицы в глубоком соленом бассейне, вызывавшие рябь, которой я не знала и которой не могла управлять.

Птицы порхали быстрее, начав гонку по правилам за пределами моего понимания, целеустремленные и неистовые. Мне чудилось, что я слышу их крики, потом поняла, что крики принадлежат мне. Я падала, и с дальнего конца норы она падала навстречу мне, полуголая, со взъерошенными волосами, белыми кружевными лепестками, распускавшимися на тощих ножках. Его рука между бедер казалась горячей. Я притворилась, что это ее рука.

Гладь зеркала таяла, стала серебром, вскипела и стала туманом, и я протянула руку и почувствовала мускулы ее юного плеча, детский шелк ее шеи. Мы сомкнулись, мокрые от зеркала, скользкие, как ртуть, размазывали поцелуи по губам и катали вино друг у друга на языках. Сплетая ноги в огненные кадуцееи, мы вцепились, прижались к отраженному жару; пропащие, несущиеся в ярком свете.

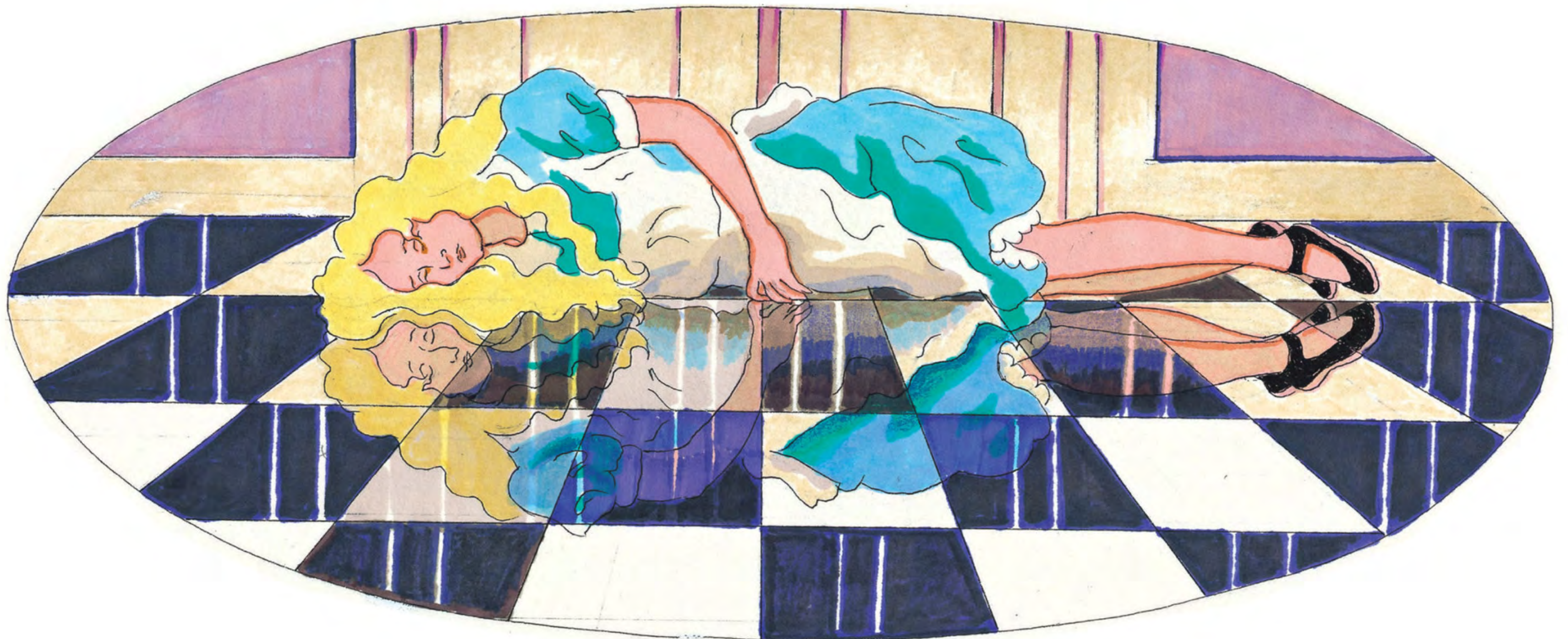

Наконец комната вернулась. Друга моего отца и след простыл; поспешно ретировался, словно опаздывал на встречу, и ничего, кроме смятого карманного платка, не говорило, что он вообще был рядом. Мое платье кто-то торопливо привел в порядок, на воротнике осталась лишняя петля для пуговицы. Все было иначе. В зеркале сидела моя любовница, наблюдая за мной тяжелыми глазами меж прядей опавших светлых волос, и с ее пальцев улетучивался мой запах.

Я встала и словно на чужих ногах ползла к зеркалу. Она поднялась и шатко пошла ко мне навстречу, поднимая руку, чтобы прижать к моей. Стекло под нашими ладонями казалось холодным, незыблемым; я больше не чувствовала себя собой. Дом больше не казался моим. Я стала невесома. Я стала отражением. Из-за зеркальной поверхности на меня взирала настоящая я, пропащая и безнадежная.

Скучный шепот часов отмерял тишину, словно престарелый родственник. Я в трансе выбрела в коридор и там рухнула на клетку плиток, как опрокинутая пешка. Родители, найдя меня, списали все на солнечный удар. Я так и не сказала отцу о визите его друга, а после он больше не приходил. К вечеру я уже сомневалась, что дневные события действительно произошли».

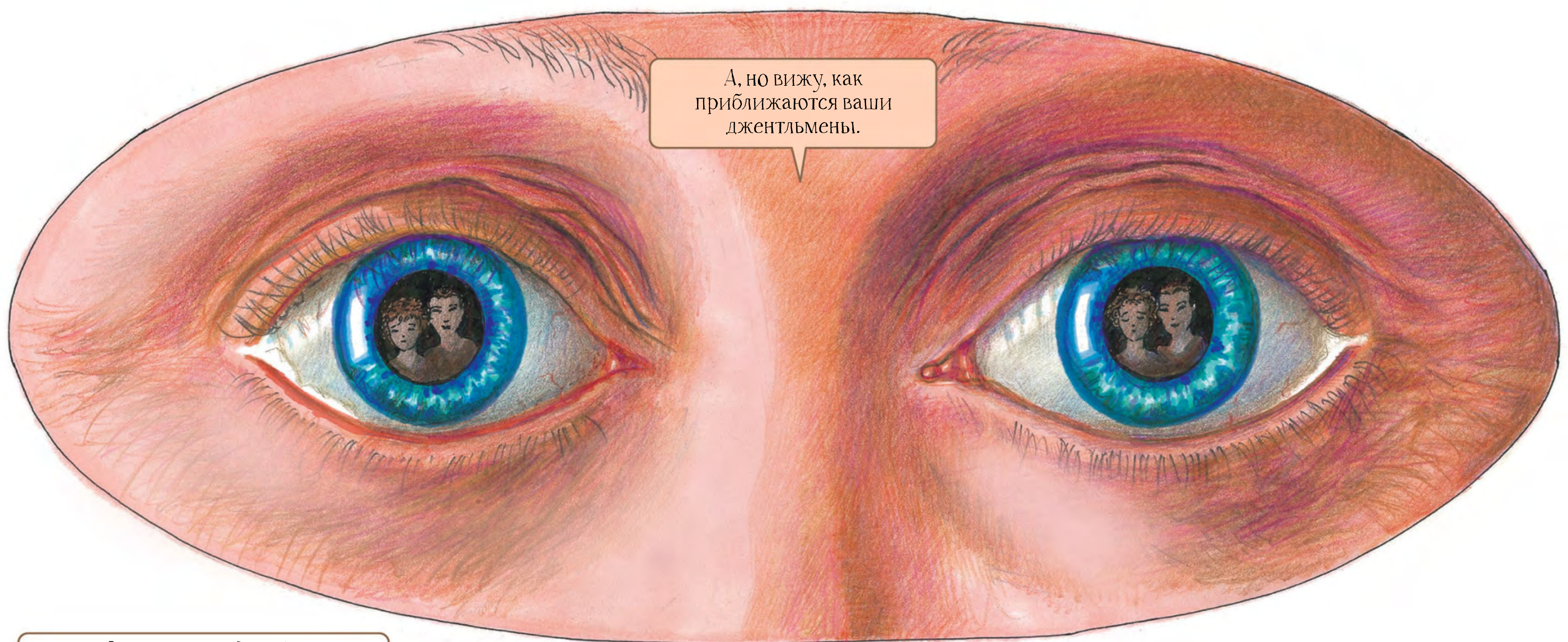

Но они произошли.

Время шло, но чувство, что меня изгнали в перевернутый мир, где все кажется иначе, не уходило.

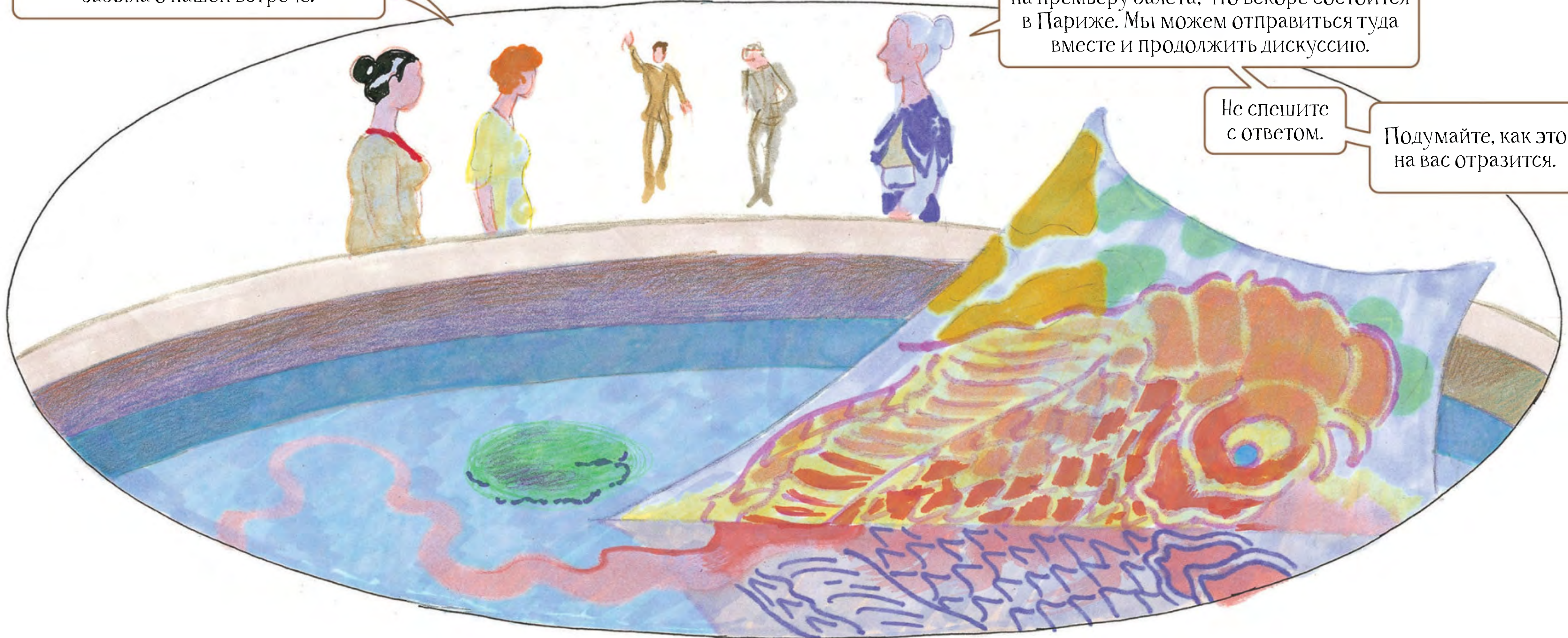
С тех пор я там и живу.

Судя по вашим рассказам, похоже, у нас много общего. Моя история отражается в ваших. Нам следует продолжать эти беседы.

А, но вижу, как приближаются ваши джентльмены.

Ой-ой, это же Рольф... и мистер Поттер. Я так увлеклась разговорами, что напрочь забыла о нашей встрече.

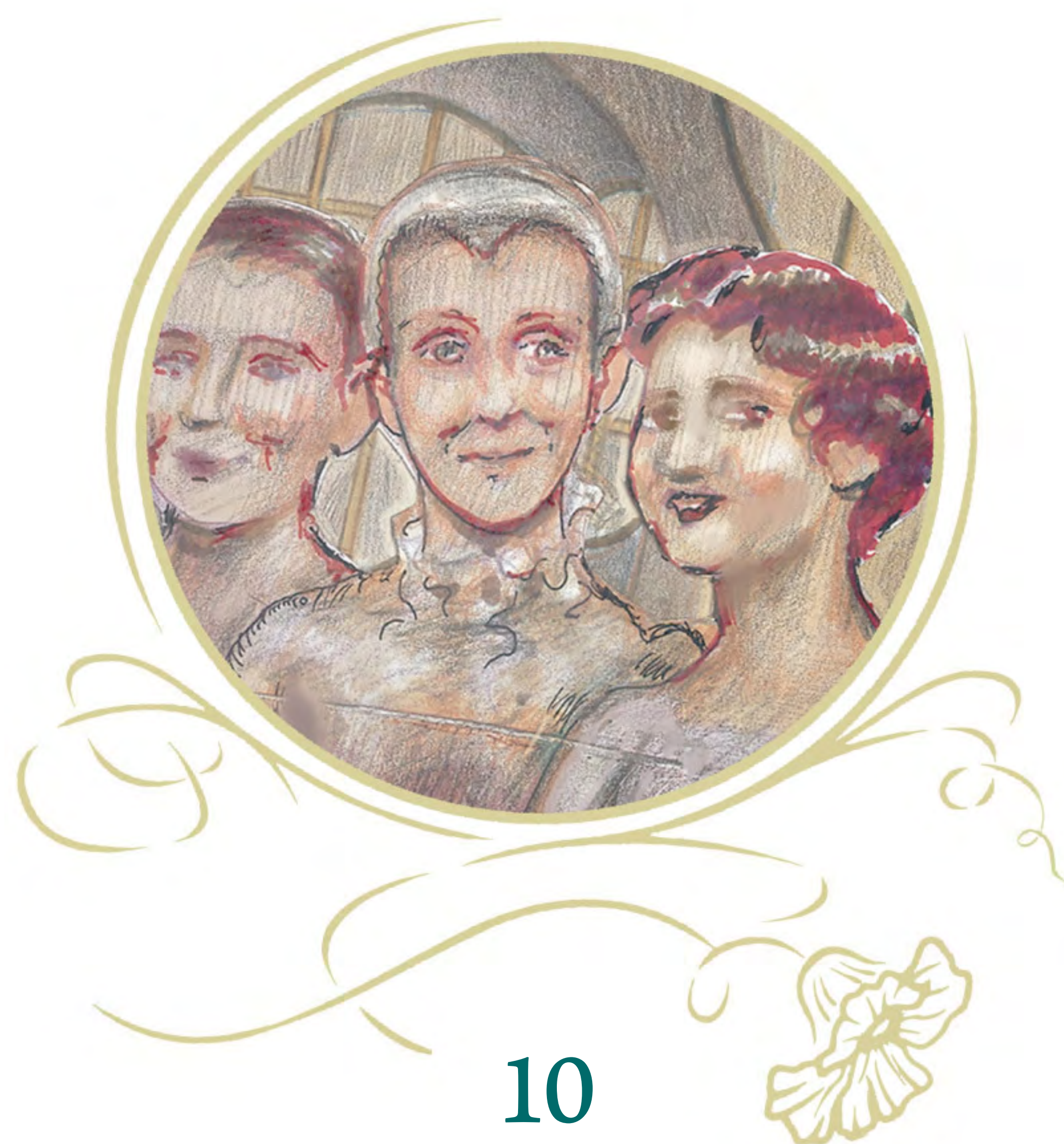

Ничего страшного. У меня есть билеты на премьеру балета, что вскоре состоится в Париже. Мы можем отправиться туда вместе и продолжить дискуссию.

Не спешите с ответом.

Подумайте, как это на вас отразится.

Глава

Стравинский

Сколько всего нужно на-
вертывать: сперва признаюсь
в дурных предубеждениях из-
за приемышней мисс Гейль,
миссис Паттер и их компань-
нов на премьеру нового балета в
Париже. Гарольд Паттер — зато-
ский судья, который проговорил
о крейсерской вене дороге от Цюриха
до Гар-де-Нюна, тогда как мисс
дой часов мисс Гейль, герр Брауэр,
взял из окна вагона с австрийскими
чувствами собственного превращения
изредка бросая косые взгляды на нотки
мисс Гейль...

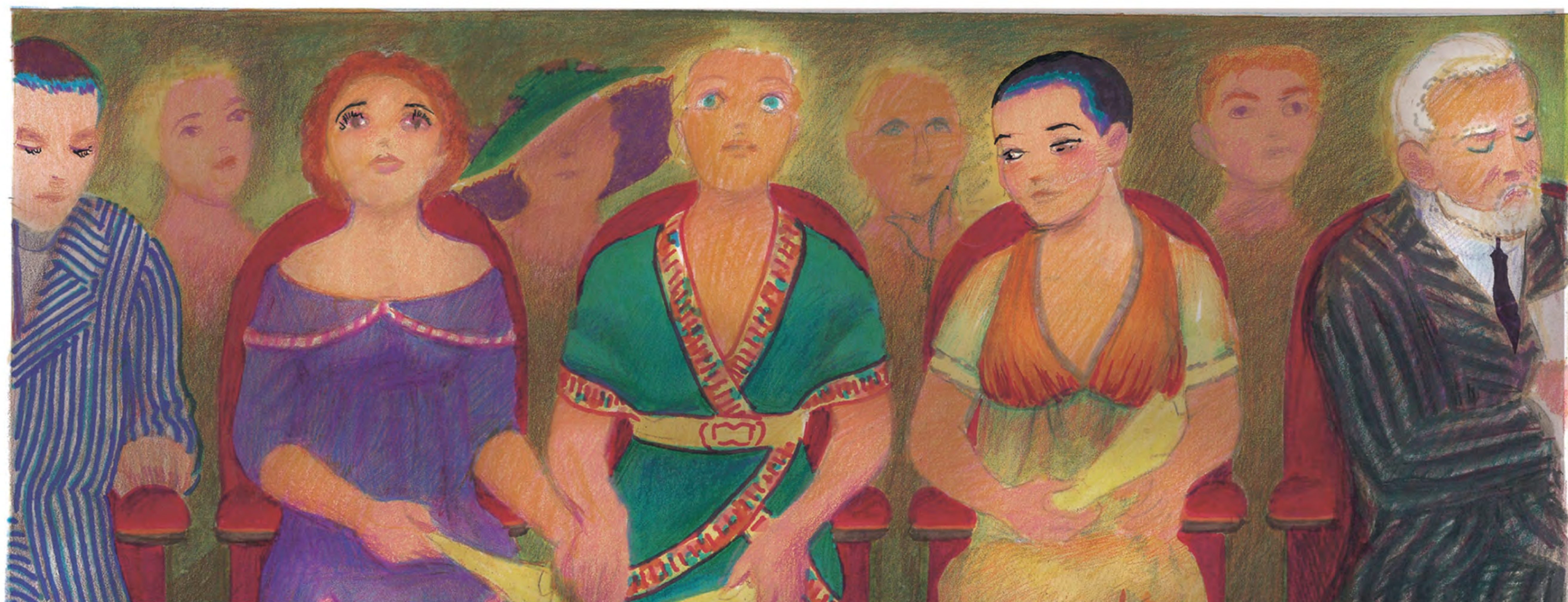

...[сказать по правде, они чересчур длиннее и
решительно деревенского вида, ее худшая черта].
Почему такие яркие тецички приковывают себя
к подобным невзрачным мужичкам? Прибыл
в Париж чуть позже трех, мы наши наш отель
(ни в каком сравнении не идет с «Виллемсгарте-
ном») и отправимся в поход за открытками.

Доистинно в сумерках оперы, мы наши свои
места. Балет был выдающимся. Назывался
он «Le sacre du printemps».

Поднявшиеся, занавес открыли долины, рассекающие горы, необычно
выкрашенные в глянцевый насыщенный цвет; они выселись над сусе-
ной, где сидели на корточках или двоялись группками аяла-
ватые джигари, изобразив занятости своими традицион-
ными промислами — посевами или сбором хвороста —
в золотом поселении перед натиском Мира,
Горемыки и Меторы. Их себедные руки, алая,
омаживали камень музыки, протарные и
петельные — талаба одинокого дрезда
над доисторическим балетом
в расветном турмани.

Звук над древним миром,
над неизменной землей.
О, какой звук!

Я словно уже слышала ее — и в то же
время никогда не знала музыки, и впадовину
такой дивной, пробуждающей утас и тоску
одновременно. По велику тельу пробегали мураш-
ки, претде чем остановиться между ног, которые,
признавая, я стиснула в прищипке тайного восторга.

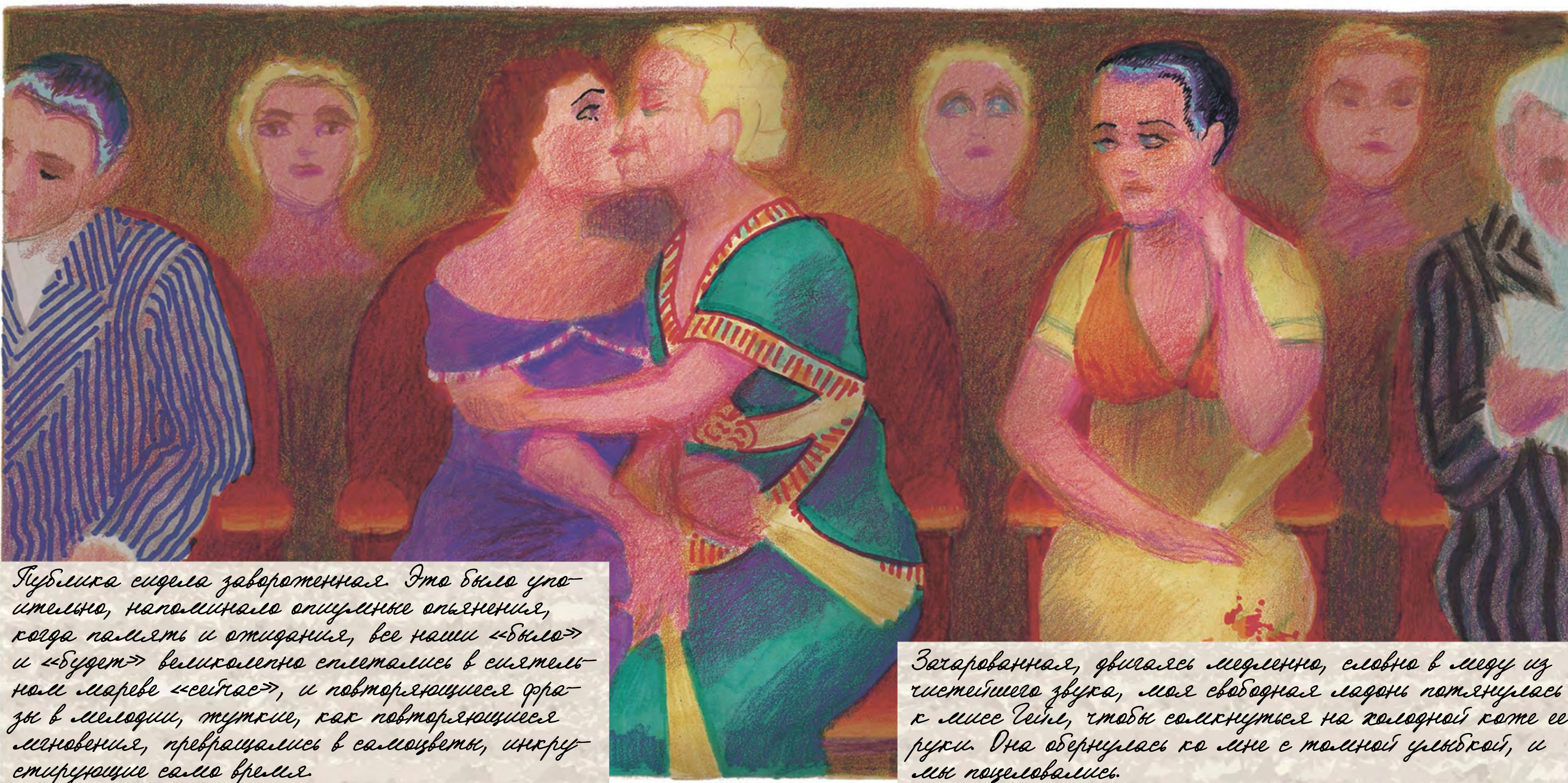
Публика вокруг казалась беспоясанным океаном,
владарница в озадаченном тране. Мисс Селли
окала в восторге, невинная, как десятилетняя
девочка из провинции. Когда музыка набрала
тепл, я вдрогнула ее парфром и взяла за руку.

Жажет, ставший теперь изысканным, с вытесненными аккуратными и выверенными, как у цапли, приобрел атмосферную ритуальность; спокойно, как омут, видимость безбрежной нежности, только поддерживающей язвительно-петушичью яркость страстей, которые фертались в узде.

Вводит староста деревни, хрипятистый, собачий под великим бременем власти, но все же не крутой. Крутой, с тивольно-мошонкой, убедительной головой, бородой и морщинистым, как великий член, лицом он медленно прокатился через тачку.

Роса, дельты, гобан замалки. Время замерло.

Публика сидела завороченная. Это было уютно, напоминало описанные опыты, когда память и отидания, все наши «было» и «будет» великомерно сплетались в едином марше «сейчас», и повторяющиеся фразы в мелодии, тужили, как повторяющиеся мновения, превращались в самоцветы, ищущие стирание само время.

Затарованная, двилась медленно, словно в меду из чистейшего звука, моя свободная ладонь потянулась к руке Гейн, чтобы соскочиться на поводной коте ее руки. Она обернулась ко мне с толстой улыбкой, и мы поцеловались.

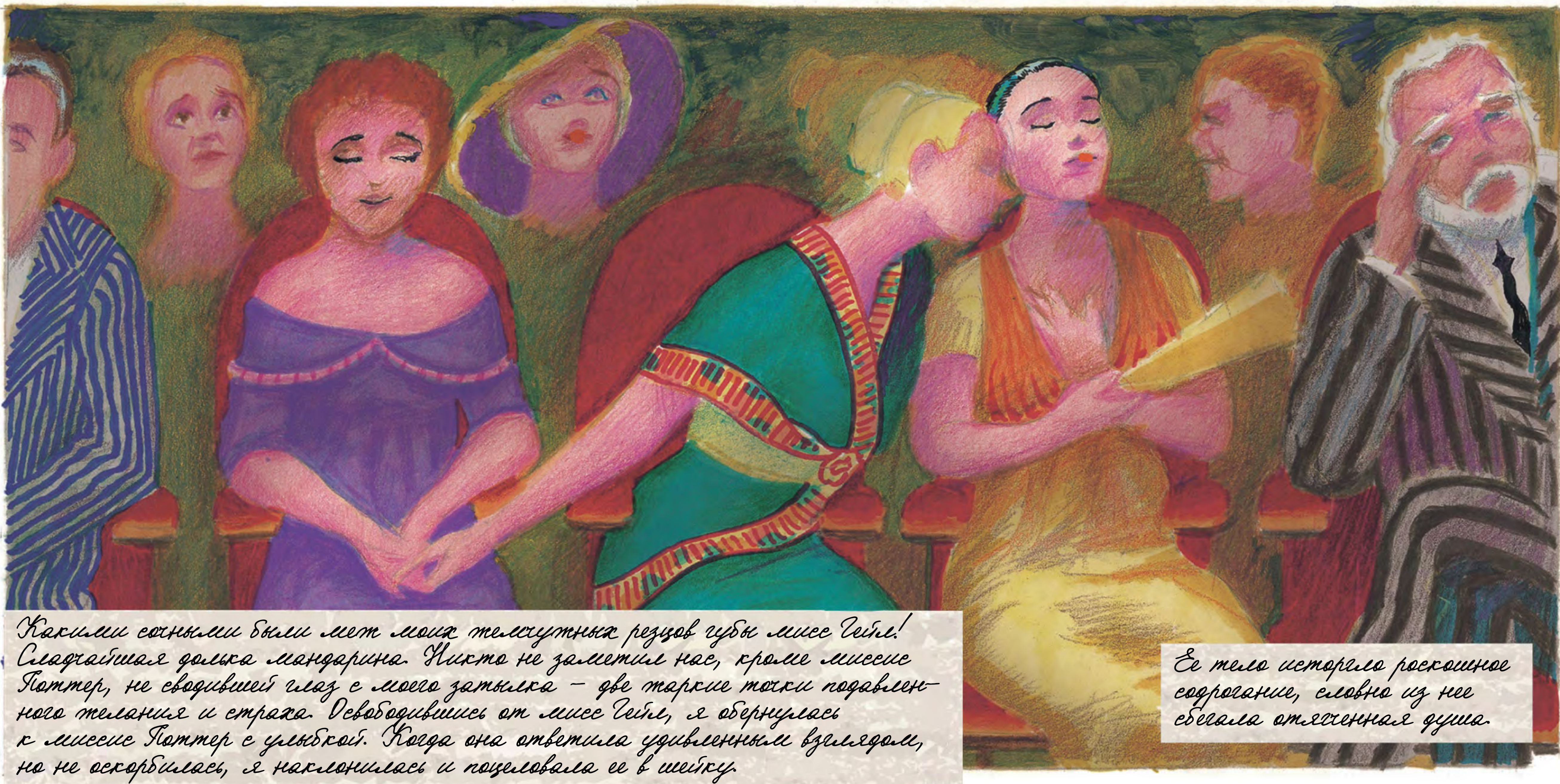
В растворяющемся времени облака урликают и повторяющиеся тесновато протиснувшись старческая фигура, резкая и выделенная, как ботва репейника. Пасланы, повисшие; маленький незаметный камешек, темный от смеха, упал со величьем в отиданский вакуум.

Здесь так же возобновляется, извергается в дикость, переплетения, кружения, малолетства, торжество... Между двоящимися телами расцветают цветы пространства, и в каких-то мновении они словно наполняются доселе незримыми формами, кадры мимолетного и невидимого.

Наты в медной мушке
плоткая низкие, низкие,
вдыхаются к напущенной
дривности.

(И откуда-то снизу
доносится барабаны,
громкоговорители и рожки.)

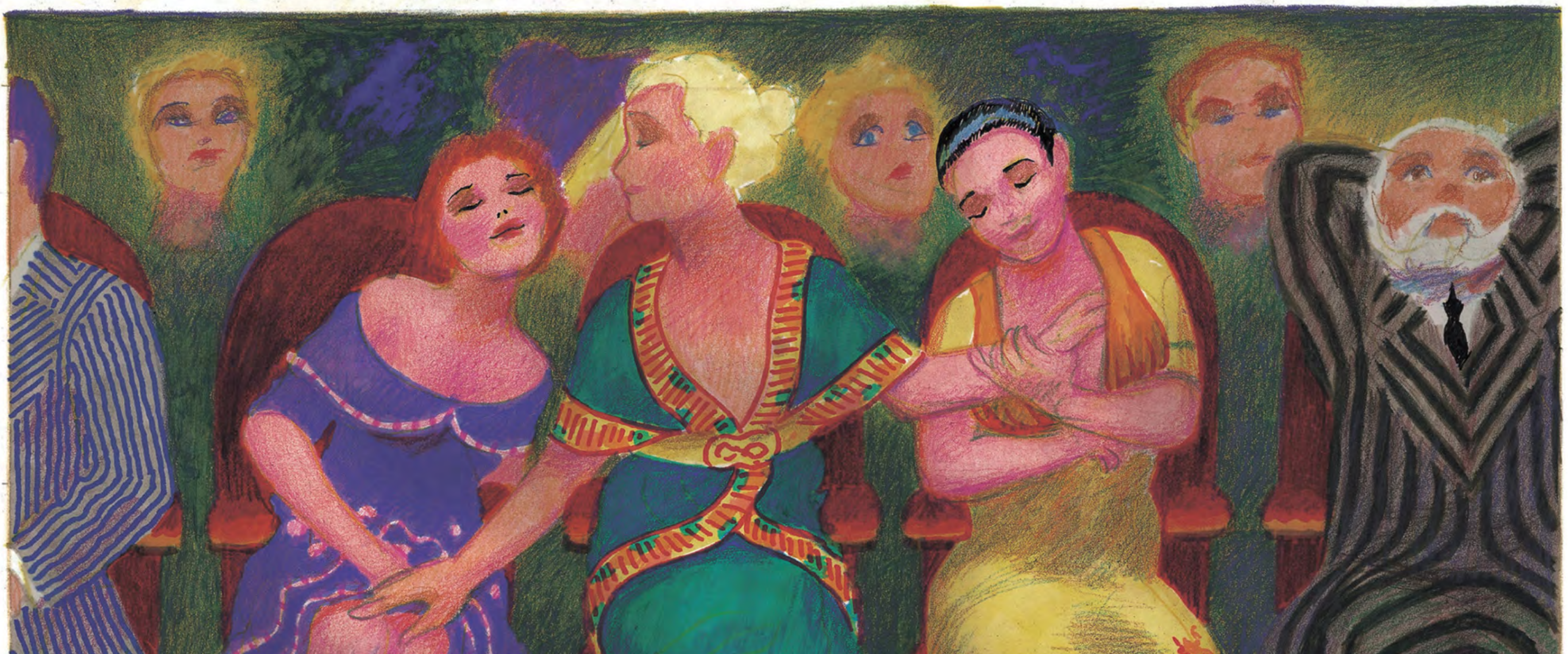

Какими сонными были мои телесные резцы судьбы мисс Гейн! Сладчайшая фольга мандарина. Никто не заметил нас, кроме миссис Паттер, не сводившей глаз с моего затылка — две таркие точки подавленного телания и страха. Освободившись от мисс Гейн, я обернулась к миссис Паттер с улыбкой. Когда она ответила удивленным взглядом, я не оскорбилась, я наклонилась и поцеловала ее в шею.

Ее тело исторгло роскошное
содержание, словно из нее
сбежала отяжеленная душа.

На сцену пала ночь, оба акта слились в отключенном от времени воображении публики. Девушки, озаренные звездами, кружились в хороводе и картинно замыкались руки тесными клеточками, чтобы ступить на землю луну. Окруженная зыбкой темнотой, одна девушка была выделена из толпы, оказавшись таким образом собой, уязвимой, избранной судьбой.

В этот миг она стала велики нами, стала всякой молодой девушкой, ввернутой в мрак этого опыта. Она была мисс Гейль, застывшей торнадо. Она была миссис Паттер, с широко раскрытыми глазами взиравшей на первобытное зрелище между старыми темными деревьями. Страшное знание в глазах героини стало моим знанием — знанием беспомощной девушки, которую вел в комнату с зеркалом друг отца.

Свисты стакато бьют духовые и перкуссия — удар за ударом в растущем темпе, удары по пространству, удары по времени, удары, удары... Все затерялось в зеркальном зале музыки. Моим слухом это чудно. Моя правая рука отлетала электрические разряды на шее колена мисс Гейль. Неважно, с блуждающими пальцами, прижалась к груди миссис Паттер. На фоне ударника под кожей билась крошечная пчела.

Странная сияющая планета музыки теперь выкатилась из созвездия с реальностью, фантастические перемены оттенков, звука и движения складывались в разрыве до той степени, что я уже не могла сказать, что произошло той ночью на сцене, а что — у нас троих в зале.

Я едва ли знала, кто я из нас троих, или же я вовсе та избранная девушка, стоящая в окружении ведьмаков в звериной шкуре, рыскающая в коридоре. Она вздрогнула, подскочила и широко растопырила пальцы от страха, но не могла сбегать от них. Никто из нас не может сбегать от этих мужчин в звериной шкуре с мешками, палками смерти и отравенной.

Лубрика унылакала, редела. Неужели это правда была? Неужели я правда отклонилась назад миссе Гаттер, как выскользнула улетела себе на колени и целовала закопченную, оливковую кожу лот грудей, пока мисс Гейль смывала сладкий талык с ее щек?

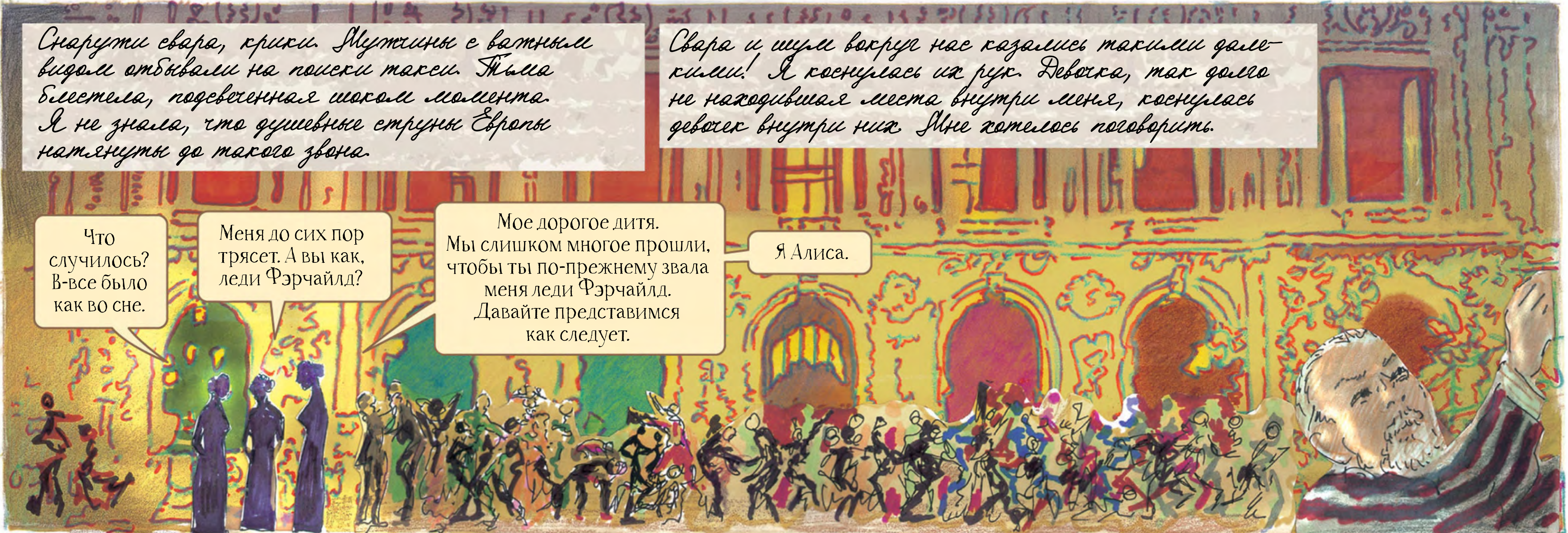
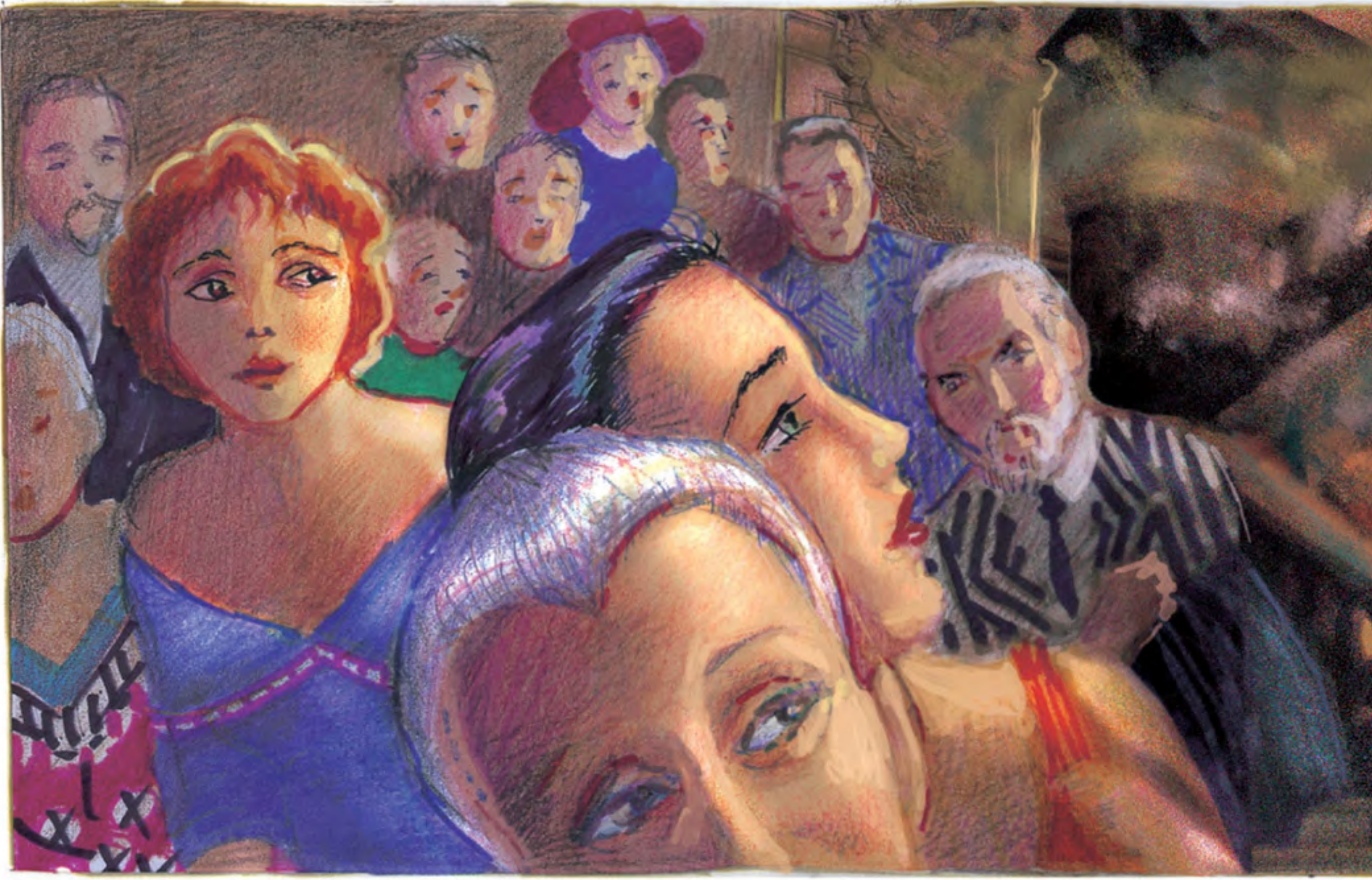
Катетель, я прижимала руку к ее виску, где-то за пределами света софитов; катетель, мы ерзали и стонали как στραγγιζουσα континенты, пока музыка и смертоубийство над нами грохотались, грохотались...

Колесо лисе Сине твердо прижималось между моих ног. Я разрядилась в него. Барабаны. У нее не было шанса сбегать. Отчаянный танец ради возвращения цветов. Меня охватило чувство, что упадет и разобьется что-то огромное и хрупкое. Я встретилась взглядом в амузе лисе Гаттер легко и быстро между тропических суб в перисовую дырочку. Уверенная таркой бронзой, американка бесстыдно терлась как кошка в моих и мое бедра. Неде вилотная цимбал внутри меня — когда дева отдалась жертвоприношению. Я рыдала.

На задних рядах кто-то кричал. Мужчины завывали Европа. О Европа. Вся королевская рать. Жена и тарарах Они подняли ее тело, и вдрежь все залезло. И все изверглось. Звук над вечным миром. Над нестаряющей землей. О...

Когда начали выкрикивать, кажется, я заметила Никитичево. Он стоял на стуле и кричал, что публика идиоты. Я не слышала, что кричал ему в ответ. Они казались какими-то большими и рваными зверем в ярости, пронзёнными до самого сердца красотой. Чудо, что нас не затоптали.

Снаружи свара, крики. Мужчины с ватными висками отбивали на полках такел. Жюльа билась, подвешенная шаком момента. Я не знала, что душевные струны Европы натянуты до такого звона.

Свара и шуми вокруг нас казались такими далекими! Я коснулась их рук. Девочка, так долго не находившая места внутри меня, коснулась девочек внутри них. Мне хотелось поговорить.

Что случилось? В-все было как во сне.

Меня до сих пор трясет. А вы как, леди Фэрчайлд?

Мое дорогое дитя. Мы слишком много прошли, чтобы ты по-прежнему звала меня леди Фэрчайлд. Давайте представимся как следует.

Я Алиса.

О, хорошо. М-меня зовут Венди.

А я Дороти.

Знаете, а ведь здорово, что мы с вами подружки?

Я знала так много сказок.

Конец первой книги.

ПРОПАЩІЕ ДЕВЧОНКИ

Перевод: Сергей Карпов

Оформление: Insect Buddha,
Решетова, SWASH, Krow

Редактура и корректура: hpd(ip)

katab.asia

